

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА»

На правах рукописи

Баканов Александр Владимирович

**Система государственного управления Дагестанской областью
Российской Империи: 1860-1917 гг.**

Специальность: 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент Сидненко Т.И.

Санкт-Петербург

2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ДАГЕСТАНОМ ДО 1860 г.	38
1.1. Российское управление дагестанскими государственно- политическими образованиями в начале XIX в.	38
1.2. Специфика управления территориями Дагестана в 20-х и 30-х гг. XIX в.	56
1.3. Опыт гражданского и военного управления Дагестаном в 40-х и 50-х гг. XIX в.	72
ГЛАВА 2. ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ.	89
2.1. Образование и территориально-административное устройство Дагестанской области: 1860-1917 гг.	89
2.2. Государственное управление Дагестанской областью. Полемика сторон: 1860-1917 гг.	100
2.3. Модель гражданского управления: 1860-1917 гг.	114
ГЛАВА 3. СИСТЕМА ВОЕННО-НАРОДНОГО УПРАВЛЕНИЯ в 1860 – 1917 гг.	130
3.1. Специфика военно-административного контроля.	130
3.2. Дагестанские этно-социальные и политические институты в системе военно-народного управления: опыт адаптации.	145
3.3. Судебно-правовая система Дагестанской области: адат, шариат, русские законы: 1860-1917 гг.	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	191
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	192

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	195
ПРИЛОЖЕНИЯ	212

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена как развитием исторической науки, так и осмыслением исторического опыта государственного строительства и управления территориальным развитием России на современном этапе. Рассмотрение принципов и правил, на которых зиждилась система государственного управления окраинными, в том числе кавказскими периметрами Российской империи, степень сопряжения и инкорпорации местных органов власти с центральными ведомствами и учреждениями, принцип их устройства и функционирования, на сегодняшний день являются активно развивающимся направлением отечественной исторической науки. Это обуславливает интерес к изучению административного устройства как всего имперского Кавказа в целом, так и управленческой модели одного отдельно взятого региона, в частности Дагестанской области, как самостоятельного и сложносоставного территориально-административного образования Российской империи в период с 1860 по 1917 гг.

Исследования управленческой модели того или иного региона помогают восстановить историческую справедливость, представить особенности эволюции административно-государственного и этноконфессионального устройства в контексте истории повседневности, ввести в научный оборот новые факты и документы. В предшествующий период развития отечественной историографии проблемы основное внимание исследователей было сфокусировано на изучении принципов, правил устройства, функционирования, развития общеимперской административной модели, того или иного отдельно взятого центрального органа, как правило вне изучения специфики управления отдельным регионом. Подобные исследования помогают наилучшим образом понять и выявить то общее и частное, что было положено в основу государственного управления окраинными регионами империи, степень

восприятия и адаптации сугубо местных культурных специфик и особенностей. Рассмотрение данных вопросов помогает глубже понять эволюцию общеимперской модели управления территориями.

В свете последних политических событий произошла переоценка многих выводов и суждений относительно имперского наследия России, в связи с чем особую значимость приобретает тщательное изучение исторического опыта и достижений прошлого. Тем более посыл к имперскому опыту управления Дагестаном становится очевиден в свете начатого еще в 2000-е гг. и продолжающегося сегодня реформирования региона. Как и прежде, этот регион продолжает оставаться территорией, имеющей множество отличительных культурных, этнографических, правовых и политических особенностей и специфик. Для создания эффективной управленческой модели учет последних обязателен, а понимание озвученного в многонациональной и многоконфессиональной Российской Федерации прослеживается в построении как вертикали, так и горизонтали власти.

В ходе образования Дагестанской области имперское правительство, отчетливо увидев и узнав культурное многообразие и многоликость дагестанских территорий, а также опираясь на негативный опыт управления последними, не стало создавать в Дагестане губернского порядка и администрации, а утвердило *дуально-инклюзивную модель организации*, которая до самого крушения империи была основана на сочетании и корреляции общеимперских методов и практик управления и местных политико-правовых начал.

Таким образом, нам представляется, что взгляд в прошлое в вопросе управления Дагестаном – не только отдельная научная проблема, но и определенный системный индикатор, способный дать ответ на вызовы эпохи.

Объектом диссертационного исследования выступают органы государственного управления и политические институты, функционировавшие

в Дагестанской области в период с 1860 по 1917 гг.

Предметом исследования являются меры и механизмы государственно-административного контроля и воздействия, принципы и правила функционирования, типовое устройство и развитие дуально-инклюзивной системы государственного управления Дагестанской областью и ее структурными подразделениями с 1860 по 1917 гг.

Целью диссертационного исследования является комплексное изучение процесса формирования и развития системы государственного управления, политических институтов, анализ принципов, правил устройства и функционирования Дагестанской области с 1860 по 1917 гг.

В достижении этой цели были определены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть особенности и перспективы, методы и практики (прямые и косвенные) имперского управления дагестанскими территориями до создания одноименной области, а также выявить и обозначить основные этапы и механизмы интеграции данных территорий в состав Российской империи;
- 2) изучить процесс создания Дагестанской области, специфику административно-территориального деления и динамику унификации;
- 3) выявить и обозначить факторы и причины, повлиявшие на создание и поддержание особой – дуально-инклюзивной модели государственного управления регионом, в том числе рассмотреть полемику и аргументацию ее сторонников и противников;
- 4) рассмотреть основные методы и практики, принципы и правила функционирования, типовое устройство и развитие системы военно-народного управления как особой формы административного контроля;
- 5) выявить и обозначить соотношение и корреляцию военно-административных и сугубо автохтонных политических практик и начал в системе военно-народного управления Дагестанской области, дать оценку плюсам и минусам ее устройства;

б) представить и проанализировать основные принципы и правила функционирования общеимперской – гражданской администрации в масштабах Дагестанской области, в том числе выявить и показать ее региональные особенности и специфику в контексте исторического развития;

7) выявить и обозначить плоскость и основные грани судебно-правового обеспечения Дагестанской области, степень корреляции общеимперского и местного адатного и исламского права.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1860 по 1917 гг. Нижняя граница исследования определяется 1860 г., т.е. тем годом, когда в масштабах Северо-Восточного Кавказа в виде предварительного опыта была образована Дагестанская область. В свою очередь, за верхнюю границу работы берется февраль 1917 г., как период крушения Российской империи в ее административно-территориальных границах, крушения монархической формы правления, начало преобразования центральных и региональных институтов власти. Отметим, что три первые параграфа работы выходят за отмеченные временные рамки и охватывают период с 1801 по 1860 гг. Это обуславливается тем, что именно в этот отрезок времени, в процессе интеграции дагестанских периметров в общероссийское пространство в правительственных кругах главенствующим мнением, с которым считался император, было то, что в этих рубежах еще никак нельзя использовать общеимперскую гражданскую администрацию. Таким образом, данное отступление позволяет выявить главные причины использования в Дагестанской области особой формы управления, как собственно и прецедент ее создания.

Территориальные рамки исследования включают в себя те территории Восточного Кавказа, которые были отнесены в состав Дагестанской области в промежуток между 1860 и 1863 гг. Границей Дагестанской области на западе изначально выступало русло р. Андийское Койсу, а с 1863 г. Андийский горный

хребет. На юге же пределы данной единицы ограничивались течением р. Самур при переходе к главному кавказскому хребту, а на востоке побережьем Каспийского моря. На севере границей Дагестанской области выступало течение р. Сулак¹.

Степень изученности темы исследования.

Историография темы диссертации – система государственного управления Дагестанской областью Российской империи – находится на стыке нескольких направлений гуманитарной науки: истории государственного управления Российской империи, ее внешней политики, геополитики, истории государства и права, истории социальных групп, политологии и этнографии. При изучении выбранной темы комплексный подход обуславливался проблемно-хронологическим принципом изложения специфики научных школ и направлений в рамках изучаемой темы. Представляется уместным разделить отечественную историографию на несколько периодов.

Дореволюционный период (1860 – 1917 гг.). Изучение системы государственного управления Кавказом и дагестанскими периметрами началось в 60-х и 70-х гг. XIX столетия и связано с именами представителей военно-исторической школы, к числу которых относятся такие видные военные историки Российской империи, как Р. А. Фадеев², Н. Ф. Дубровин³ и В. А. Потто⁴.

Отметим, что хотя основной тематический сюжет разработок данных авторов посвящен событиям и динамике Кавказской войны, а в случае Р.А. Фадеева еще и представлению геополитических и геостратегических факторов и выгод, приведших Россию на Кавказ, тем не менее, все они отражают и

¹ См. приложение А.

² Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; Он же. Избранные сочинения. Т. I. СПб., 1889.

³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I-VI. СПб., 1871-1888.

⁴ Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I-IV. Тифлис, 1901-1908.

управленческие практики имперской администрации в регионе, а равно и специфику представленного края. Так, к примеру, в многотомном труде В.А. Потто «Утверждение русского владычества на Кавказе» достаточно подробно представлена инвариантная модель имперского управления Закавказьем с 1801 по 1862 гг., а в трудах Р.А. Фадеева содержится комплексный анализ состояния общекавказской управленческой модели на рубеже 70-х и 80-х гг. XIX в. Как и в многотомном сочинении В.А. Потто, в сочинении Н.Ф. Дубровина основное внимание автора сфокусировано на процессе завоевания кавказских гор, но тем не менее рассмотрены и методы административного контроля, использовавшиеся имперской администрацией в первой половине XIX столетия в пределах Закавказья. Все выше приведенные работы своей сюжетной линией затрагивают Дагестан.

В то же время, прочтение нюансов и специфик управления этим краем, как собственно и русско-дагестанских отношений в целом, у данных авторов представлено беглым взглядом в формате «победитель – побежденный».

Следует отметить, что в 1907 г. в свет вышла двухтомная монографическая работа, написанная начальником военно-исторического отдела Кавказского наместничества С.С. Эсадзе¹. Получив название «Историческая записка об управлении Кавказом», и являясь государственным заказом, последняя выполнена в духе и традициях военно-исторической школы, но в отличие от выше обозначенных работ, посвящена не проблеме истории Кавказской войны, а теме управления регионом.

Нужно обозначить, что в имперской историографии данная работа стала самой знаковой по теме управления Кавказом, где была отражена система имперского управления этим регионом в динамике первых 8-ми десятилетий XIX в., а отдельные главы и сюжеты первого тома обращены к проблеме

¹ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I-II. Тифлис, 1907.

управления Дагестаном. В частности, в данной работе представлены: процесс создания Дагестанской области, процесс унификации ее пространства, обозначены основные принципы и правила организации и функционирования военно-народной администрации по данной области, затронуты особенности судопроизводства, динамика вхождения дагестанских периметров в общероссийское пространство, как собственно и управленческие практики этим регионом с 1801 по 1860 гг. Недостатком данной работы, на наш взгляд, выступает то, что представляя систему гражданского управления в Закавказских губерниях, она не представляет это управление в масштабах дагестанских территорий.

Следует заметить, что отмеченный пробел в имперской историографии при рассмотрении городского и слободского управления отчасти восполнили труды секретаря статистического комитета по Дагестанской области Е.И. Козубского¹. Перу данного автора принадлежит и работа², представляющая ракурсы территориально-административного устройства Дагестанской области и предысторию ее создания.

К вопросу колонизации кавказского пространства в имперской историографии обращался профессор МГУ М.К. Любавский³, а в работе В. Линдена⁴ представлены классы народонаселения Кавказа.

В трудах С. Броневского⁵ и П.Г. Буткова⁶ рассмотрены, в первом случае

¹ Козубский Е.И. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). Вып. XII. Тифлис, 1894. С. 1-77; Он же. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906; Материалы по истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 34-53.

² Козубский Е.И. Учреждение Дагестанской области, ее территориальный состав и население // Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 1-57.

³ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

⁴ Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917.

⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть вторая. М., 1823.

⁶ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 до 1803 год. Ч. I-III. СПб., 1869.

этнографическая специфика дагестанского народонаселения, а также формы политической организации, а во втором случае – процесс развития русско-кавказских и русско-дагестанских отношений в XVIII и первые годы XIX столетия.

При этом обозначим, что вопрос организации системы судопроизводства по ведомству военных управлений в масштабах Дагестанской области, как равно и адаты дагестанских горцев в традициях классического эволюционизма, рассматривали Ф.И. Леонтович¹, М.М. Ковалевский², И.Я. Сандрыгайло³, А.В. Комаров⁴. Последним также разбирались и этнографические особенности Дагестана⁵. В свою очередь вопросы, связанные с упразднением и воссозданием наместничества на Кавказе, представлены в трудах Ф. Гершельмана⁶ и С.С. Эсадзе⁷.

Наряду с выше обозначенными работами в имперский период в свет вышла и работа А.Г. Предельского, показывающая состояние медицинской части Аварского округа Дагестанской области после ее перевода из военного в гражданское ведомство. Также в данной работе кратким образом обозначены некоторые особенности повседневной жизни дагестанских горцев⁸.

В имперский период появляются и работы местных, т.е. кавказских историков, в частности Аббас-Кули-Ага Бакиханова⁹ и Гасана-Эфенди

¹ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. I-II. Одесса, 1882-1883.

² Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 2012.

³ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: судоустройство и судопроизводство в частях Кавказа (далее – АДЗО). Тифлис, 1899.

⁴ Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Вып. I. Тифлис, 1868. С. 1-88.

⁵ Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области с этнографической картой. Тифлис, 1869.

⁶ Гершельман Ф. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908.

⁷ Эсадзе С.С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис, 1913.

⁸ Предельский А.Г. Укрепление Хунзах и Аварский округ, Дагестанской области. Санитарно-географический очерк. СПб., 1903.

⁹ Бакиханов Аббас-Кули-Ага. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.

Алькадари¹, выполненные в арабо-мусульманской традиции. В них представлены: краткий исторический обзор Дагестана, Восточного Кавказа, а также многочисленные культурные и иные специфики развития этих регионов.

Таким образом, можно говорить о том, что в имперскую эпоху в отечественной историографии были заложены основы изучения системы государственного управления как непосредственно Кавказом, так собственно и Дагестаном.

Советский период (1917 – 1990-е гг.). Важно подчеркнуть, что в советской историографии проблема управления Дагестанской областью рассматривалась только фрагментарно. Так, к примеру, в трудах таких известных советских историков, как Н.С. Киняпина², Н.А. Смирнов³ и Н.П. Ерошкин⁴ представлена общая характеристика системы управления Кавказом в период XIX в., а в трудах таких дагестанских историков, как В.Г. Гаджиев⁵ и Х.-М.О. Хашаев⁶, сделаны общие выводы относительно гражданской и военно-народной администрации Дагестанской области, а также представлена структурная организация последней. Следует отметить, что в указанном исследовании Н.С. Киняпиной также представлены и основные органы кавказской администрации, полномочия и компетенции верховной власти этого региона, а в трудах В.Г. Гаджиева и Н.А. Смирнова как царская, так и имперская политика в периметрах Кавказа.

Краткое представление кавказской политики России, контурное представление динамики интеграции данного региона в общероссийское

¹ Алькадари Гасан-Эфенди. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994.

² Киняпина Н.С. Управление Кавказом и Средней Азией в XIX веке // Вопросы истории. № 2. 1983. С. 35-47.

³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1959.

⁴ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

⁵ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

⁶ Хашаев. Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; Он же. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.

пространство, а равно и схематические зарисовки относительно системы управления Кавказом и в том числе дагестанскими периметрами, причем как до, так и после создания Дагестанской области, содержится в таких обобщающих трудах, как «История Народов Северного Кавказа»¹ и «История Дагестана»². В монографиях Х.-М.О. Хашаева в свете марксистско-ленинских концепций обозначены политические, правовые, социальные и прочие специфики дагестанского общества, в то же время им рассмотрены и вехи становления в регионе русской власти.

Отдельные сюжеты и проблемы государственного управления Дагестанской областью в имперскую эпоху, в советской историографии рассматривали также: Г.Ш. Каймаразов³, Р.А. Губаханова⁴, В.П. Егорова⁵, С.Ш. Гаджиева⁶, Э.М. Далгат⁷. В работах данных авторов рассмотрены: структурная организация масштабов дагестанских рубежей, военная, а также и гражданская администрация по области, образование и функционал отдельных учреждений власти в Дагестане, а также принципы и правила устройства сельских управлений.

Многие работы советских историков, посвященные изучению внешней

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988.

² История Дагестана. Т. I-II. М., 1967-1968.

³ Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971; Он же. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.

⁴ Губаханова Р.А. К вопросу об организации управления Дагестаном во второй половине XIX века // Из истории дореволюционного Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1976. С. 103-126; Она же. Политика России в Дагестане во второй половине XIX века (историография вопроса) // Историография истории Дагестана досоветского периода. Сборник статей. Махачкала, 1986. С. 9-17; Она же. Государственные учреждения в Дагестане в пореформенный период // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Сборник статей. Махачкала, 1989. С. 140-154.

⁵ Егорова В.П. К вопросу о сельском управлении в Дагестане после присоединения к России // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1970. С. 104-109.

⁶ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961.

⁷ Далгат Э.М. Учреждения местного управления Дагестана в конце XIX – начале XX веков // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Сборник статей. Махачкала, 1989. С. 154-163.

политики Российской империи в XVIII и XIX столетии, имеют некоторое отношение к исследуемой нами теме. Так, в работе под названием «Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в.»¹ представлены русско-турецкие и русско-иранские противоречия, а также продвижение России на Кавказ, а в работе «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.»² показано значение этих регионов для Великороссии, противодействие ее противников относительно их включения в состав России. Определенные сведения, подтверждающие данный тезис, имеются в трудах академика Е.В. Тарле³, а также в работах Н.С. Кипяниной⁴, Н.И. Покровского⁵. Однако обозначим, что основной фокус последнего из упомянутых исследований сконцентрирован на событиях Кавказской войны в масштабах Северо-Восточного Кавказа.

Следует отметить, что в советский период было написано и достаточно большое количество трудов, раскрывающих социально-политические, правовые, культурные и иные особенности Дагестана. Часть из этих работ⁶ также была задействована в разработке темы диссертационного исследования в контексте рассмотрения специфики модели управления и общественных связей в исследуемый период.

Непосредственное отношение к теме исследования имеют труды таких известных советских историков, как В.В. Гармиза⁷, Г.А. Герасименко⁸, В.А.

¹ Георгиев В.А., Кипянина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.

² Кипянина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII – 80-е годы XIX века. М., 1984.

³ Тарле Е.В. Крымская война. Т. I. М., 2003; Он же. Сочинения в двенадцати томах. Т. IX. М., 1959.

⁴ Кипянина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963; Она же. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974.

⁵ Покровский Н.И. Кавказские войны и Имамат Шамиля. М., 2000.

⁶ Союзы сельских общин Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1981; Петрушевский П.П. Джаро-Белооканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тбилиси, 1934.

⁷ Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.

⁸ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

Нардова¹, П.А. Зайончковского², в которых представлены реформы и преобразования, проводившиеся в Российской империи во второй половине XIX в. Несмотря на то, что данные работы не имеют никакого отношения к кавказской проблематике, тем не менее, они дают возможность рассмотреть то общее и частное, что было положено в основу гражданской администрации по Дагестанской области, а равно и других периметров Кавказа.

В целом в советской историографии проблема государственного управления Дагестанской областью исследовалась только фрагментарно.

Постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.). Нужно обозначить, что в постсоветской отечественной историографии изучение эволюции и специфики управления Дагестанской областью имеет зримые подвижки.

Именно в постсоветский период в свете данной проблематики были написаны первые диссертационные исследования³, в которых представлен процесс и особенности создания и развития имперской администрации в пределах данной территориально-административной единицы, а также принципы и правила ее организации, функционирования органов власти, проанализировано общее системное устройство территории. Также в данный период были написаны и первые диссертационные работы, посвященные представлению общекавказской администрации⁴, а равно и других кавказских

¹ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века. Л., 1984.

² Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970.

³ Сулейманов Б.Б. Административно-политическое управление Дагестана во второй половине XIX века.: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1998; Геворкян Д.П. Создание и деятельность Российской администрации в Дагестане (1860-1917): дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999; Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века.: дисс. ... доктора ист. наук. Махачкала, 2004.

⁴ Кондрашева А.С. Кавказское наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (2-я половина 40-х гг. XIX – начало XX вв.): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003; Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.

регионов¹.

Говоря о тех работах, тематический сюжет которых относится непосредственно к Дагестанской области, следует отметить исследования Б.Б. Сулейманова и Д.П. Геворкяна. В работе первого автора, во многом еще на основе советских историографических традиций рассмотрены основы и военно-народной, и гражданской, и, в частности, городской администрации по Дагестанской области, а равно и особенности судопроизводства, а сама работа охватывает период второй половины XIX в. В работе Д.П. Геворкяна временные рамки расширены и охватывают промежуток от создания Дагестанской области 5 апреля 1860 г. до низвержения монархии в России. В данном изыскании, в духе латентного непризнания имперских достижений, автор помимо прочего, рассматривает проблему создания и функционирования различных ведомственных учреждений по Дагестанской области. В диссертации Л.Б. Салиховой² представлена модель самоуправления дагестанских городов по применению к ним второй редакции «Городового Положения». Помимо этого, в данной работе, написанной в том же ключе, что и работа Д.П. Геворкяна, кратко рассмотрена организация городского управления Дагестанской области до применения представленного документа.

Отметим, что в 90-е гг. XX в. в отечественной историографии свое дальнейшее развитие получила тематика Кавказской войны³, где пристальное рассмотрение и понимание ее сущности дает возможность наилучшим образом понять логику создания военно-народной администрации, а также методы и практику административного контроля дагестанских периметров в момент их

¹ Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX - начале XX века.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; Арсанкулаева М.С. Государственно-правовая политика Российской Империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): автореферат дисс. ... доктора ист. наук. М., 2010.

² Салихова Л.Б. Городское самоуправление в Дагестане во второй половине XIX - начале XX века.: дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013.

³ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

интеграции в общероссийское пространство.

Важное значение для раскрытия темы диссертации имели и исследования отечественных историков относительно внешней, в особенности восточной политики Российской империи в XIX начале XX вв., а также работы, представляющие международные интересы и противоречия, завязанные на Кавказе, где часть из них вышла в 1990-е и 2000-е гг., а часть в 2010-е гг. В числе данных работ особенно выделяются труды профессора МГИМО В.В. Дегоева¹ и доцента МГУ О.Р. Айрапетова². Научное понимание внешнеполитических раскладок и международных противоречий как в кругу глобальных мировых держав той эпохи, так и вокруг Кавказа в частности, его значение для России и других европейских и азиатских держав в XIX – в начале XX столетия обязательно для раскрытия применяемых методов и практик административного контроля, которые использовались в этом регионе. Зачастую многие из них определялись этим пристальным вниманием и стремлением международных сил использовать Кавказ как фактор сдерживания в отношении России.

Следует отметить, что устройство и функционал военно-народной администрации Дагестанской области в 2000-е гг. были рассмотрены В.О. Бобровниковым³, а корреляция местных (т.е. кавказских) правовых систем и общеимперского законодательства, причем в периметрах всех северокавказских регионов, стали предметом изучения З.Х. Мискрокова⁴.

Для понимания любой системы управления и в том числе системы

¹ Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992; Он же. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

² Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской Империи. Т. I-IV. М., 2017-2018; Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан... Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. М., 2014.

³ Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007.

⁴ Мискроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002.

государственного управления Дагестанской областью Российской империи, также очень важно знать и понимать культурно-цивилизационные особенности региона. Эти последние частично разобраны в работах дагестанских историков и этнографов, исследовавших как социально-политические, так и культурные, хозяйственные особенности Дагестана¹. Большинство работ данной направленности вышло в свет в начале XXI в., а некоторые в самом конце XX столетия. Нужно обозначить, что в 2000-е гг. в свет вышла монография М.М. Блиева², представляющая культурно-цивилизационные особенности как общекавказского, так и дагестанского пространства. А в работе Ю.Ю. Карпова³, вышедшей в эти же годы, предпринята попытка рассмотреть поведенческие характеристики, а также общественное сознание дагестанских горцев.

Для написания диссертации значение имела работа Д. Бадели⁴, в которой, взглядом западного обывателя, обозначены этапы и особенности интеграции кавказских рубежей в общероссийское пространство, а также работы А.А. Искендерова⁵ и В.А. Нардовой⁶, представляющие собой исследования, в первом случае, причин низвержения монархии в России, а во втором – процесса введения в действие «Городового Положения» первой и второй редакции по городам общеимперского пространства. Заметим, что все эти работы вышли в свет в начале XXI столетия.

Помимо этого важное значение для раскрытия темы диссертации имели работы, показывающие предысторию имперского управления Восточным

¹ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014; Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002; Магомедханов М.М. Дагестанцы: вехи этно-социальной истории. Махачкала, 2007; Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1996; Умаханов М.-С.К. Дагестан во второй половине XVIII – нач. XIX веков. Махачкала, 2011.

² Блиев М.М. Россия и горцы большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004.

³ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007.

⁴ Бадели Д. Завоевание Кавказа русскими, 1720-1860. М., 2010.

⁵ Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001.

⁶ Нардова В.А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2014.

Кавказом¹, а также механизмы управления, используемые имперской администрацией в Дагестане в первой половине XIX в.². Работы, объясняющие территориально-административное и политическое устройство этого региона на момент начала интеграции последнего в общероссийское пространство³, а также труды, представляющие социальные, правовые, культурные, и иные изменения, происходившие в Дагестане, как в момент, так и после его присоединения к Российской империи⁴. Работы, показывающие степень учета исламского фактора в процессе управления Восточным Кавказом⁵, а также выгоды и

¹ Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К предыстории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2018. № 12 (144). С. 80-87; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К предыстории российского управления Северо-Восточным Кавказом // 2nd International forum of the Caucasus studies scholars. Баки. 2020. С. 138-146; Магомедханов М.М., Баканов А.В. Этносоциальные аспекты интеграции Дагестана в государственную систему Российской Империи // XIII конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва; Казань, 2019. С. 421; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Магдилов М.М. Некоторые аспекты предыстории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей IX-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. Назрань, 2021. Вып. IX. С. 108-118.

² Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 65-74.

³ Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период XVI- XIX вв. // Клио. 2022. № 2 (182). С. 82-96.

⁴ Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. Изменения в социальных отношениях в период военно-народного управления Дагестанской областью Российской империи // Клио. 2019. № 7 (151). С. 91-98; Магомедханов М.М., Гарунова С.М., Баканов А.В. Религиозно-правовые аспекты управления Дагестанской областью Российской империи // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12. № 4. С. 5-10; Магомедханов М.М., Баканов А.В. К изучению истории реисламизации общественного сознания в Дагестане // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей VII-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. Назрань, 2019. Вып. VII. С. 174-180; Магомедханов М.М., Баканов А.В. Кавказ в языковой политике России: этносоциальный и правовой аспекты // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей VIII-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. Назрань, 2020. Вып. VIII. С. 98-105; Баканов А.В. Бекизация политической системы Дагестана: история и современность (Часть 1: история) // Клио. 2024. № 2 (206). С. 80-90.

⁵ Шихалиев Ш.Ш., Магомедханов М.М., Баканов А.В. К изучению имперского опыта управления религиозными процессами в мусульманских регионах Северного Кавказа (конец XIX – начало XX вв.) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12. № 4. С. 10-15.

логики, приведшие Россию на Кавказ¹. Исследования, объясняющие стратегию покорения Дагестана и его отдельных территорий².

Таким образом, можно говорить о том, что в постсоветской отечественной историографии проблема управления Дагестанской областью имеет динамику развития. В частности, на данном этапе углубляется и расширяется познание территориально-административной и судебно-правовой организации данной единицы, а также культурно-цивилизационных особенностей Дагестана. Также в постсоветский период свое развитие получило изучение особенностей дагестанской ментальности, внешнеполитических факторов и процессов, влиявших на развитие и формирование кавказской политики России.

В то же время, в отечественной историографии отсутствует системное изучение эволюции становления, развития и сохранения специфики управления Дагестанской областью на протяжении 1860-х – 1917 гг. в сфере общеимперской региональной политики и формирования общероссийского законодательства.

¹ Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 1: причины) // Клио. 2023. № 6 (198). С. 134-142; Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 82-90; Magomedkhanov M., Bakanov A. Caucasus and Central Asia in the Geopolitics of the Russian Empire in the Period of the XVIII – the First Half of the XIX Centuries // Proceedings of V international congress of caucasologists. Tbilisi. 2019. PP. 369-370; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. Дагестан в контексте истории мирохозяйственных коммуникаций // XIV конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / отв. ред. И.В. Нам. Москва; Томск, 2021. С. 402; Баканов А.В. Транс-евразийские транспортные коммуникации как фактор интеграции региона в состав общероссийского пространства // Путь, дорога как историко-психологическое явление: Материалы LIV международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18 декабря 2023 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб., 2023. С. 54-58; Баканов А.В. Транспортные ресурсы западного побережья Каспия, как фактор расширения границ России // Граница как историко-психологическое явление: Материалы LV международной научной конференции. Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб., 2024. С. 98-101.

² Баканов А.В. Вехи Кавказской войны: военные события в Дидо 1857-1859 гг. (историко-этнографическое исследование) // Клио. 2024. № 5 (209). С. 92-111.

Источниковой базой исследования выступает широкий круг опубликованных и неопубликованных источников, представленных различными документами и материалами.

Говоря о комплексе неопубликованных источников, следует отметить, что автором были рассмотрены и изучены материалы Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива Республики Дагестан.

В Российском государственном военно-историческом архиве были исследованы документы следующих фондов: Ф. 846 – Военно-учетный архив (коллекция), который является источником информации о событиях Кавказской войны, методах и практиках имперского управления Кавказом и Дагестаном в первой половине XIX в. Следует отметить, что в данном фонде сконцентрировано более полутора тысяч единиц хранения, которые показывают динамику утверждения российского присутствия в периметрах Восточного Кавказа, и Кавказа в целом, а также формирование и развитие имперской администрации в пределах региона. Помимо этого там присутствуют документы представляющие экономическую и социальную политику имперского правительства в пределах данного пространства. К тому же там содержатся подробные отчеты о военно-полицейских мерах и действиях имперской армии в период Кавказской войны, и разведывательные данные о непокорных горцах. Данные отчеты во многом объясняют этапы интеграции дагестанских периметров в общероссийское пространство, а разведывательные данные – особенности дагестанской повседневной жизни. И первые и последние показывают стратегию, меры и логики имперского правительства в процессе покорения Дагестана. Таким образом, использование материалов данного фонда помогает выявить и обозначить особенности и перспективы, методы и практики (прямые и косвенные) имперского управления дагестанскими территориями до

создания одноименной области, а также выявить и обозначить основные этапы и механизмы интеграции данных территорий в состав Российской империи.

Помимо этого в данном архивохранилище были использованы Ф. 1047 – Штаб местных войск Кавказского военного округа, где хранятся материалы, проливающие свет на его устройство; Ф. 1327 – Управление военного губернатора Дагестанской области (1911-1917 гг.), содержащий отдельные приказы и распоряжения военного губернатора данной области; Ф. 14719 – Главный штаб Кавказской армии (1806-1877 гг.), в котором содержатся материалы о методах и практиках государственного административного контроля кавказских и дагестанских периметров, а также целях и задачах российской политики в этих рубежах в период Кавказской войны и послевоенную эпоху.

Российский государственный исторический архив в работе представлен такими фондами, как: Ф. 1268 – Кавказский Комитет, в котором присутствуют все важнейшие решения имперского правительства относительно дагестанских и кавказских рубежей с 1846 по 1883 гг.; Ф. 1287 – Хозяйственный департамент МВД, содержащий пространный и весьма фундированный аналитический материал генерал-лейтенанта А.А. Щепелева, объясняющий принципы и правила построения и функционирования системы военно-народного управления, а также выгоды и преимущества ее использования в Дагестане; Ф. 1405 – Министерство юстиции, документы которого отображают логику и процесс применения «Городового Положения» первой и второй редакции к городам кавказского, в том числе и дагестанского периметра; Ф. 391 – Переселенческое управление МВД, документы которого объясняют принципы и правила колонизаторской политики в периметрах Кавказа; Ф. 1341 – Первый департамент Сената; Ф. 1276 – Совет Министров; Ф. 1263 – Комитет Министров; Ф. 573 – Департамент окладных сборов МФ; Ф. 565 – Департамент государственного казначейства МФ; Ф. 381 – Канцелярия министра земледелия;

Ф. 1282 – Канцелярия министра внутренних дел; Ф. 1284 – Департамент общих дел МВД; Ф. 1288 – Главное управление по делам местного хозяйства МВД; Ф. 1289 – Главное управление почт и телеграфов МВД; Ф. 1290 – Центральный статистический комитет МВД; Ф. 1291 – Земский отдел МВД; Ф. 350 – Планы и чертежи по сооружению железных дорог и искусственных сооружений, которые в своей общей совокупности содержат обширнейшие материалы делопроизводства, различные законодательные акты, переписку чиновников, раскрывающие особенности гражданского, военно-народного управления в периметрах общекавказского и дагестанского пространства.

Кроме того, в данном архивохранилище были исследованы фонды личного происхождения: Ф. 727 – Нольде Э. Ю., барон; Ф. 932 – Дондуков-Корсаков Александр Михайлович, князь; Ф. 1626 – Горемыкин Иван Логгинович; Ф. 1652 – Панчулидзеv Сергей Алексеевич, содержащие не только личные документы чиновников, но и переписку служащих различных ведомств и учреждений между собой, а также рабочие материалы инспекторских и иных комиссий на территории Кавказа. Большая часть документов впервые вводится в научный оборот.

В данном перечне следует особенно выделить Ф. 932, в котором сконцентрированы обширные материалы, принадлежащие А.М. Дондукову-Корсакову, являвшемуся первым главноначальствующим по гражданской части на Кавказе, и проливающие свет на процесс упразднения первого Наместничества, и тех реформ, которые производились в этом крае в период с 1881 по 1887 гг. В данный период главнейшей задачей центрального правительства на Кавказе являлась его территориально-административная и управленческая унификация, установление там общеимперского гражданского порядка. Военно-народная администрация должна была быть там упразднена, а в плоскости судопроизводства действовать только общеимперские законы. Данные реформы предполагалось производить после тщательной подготовки в

связи с чем в отмеченный период времени все эти вопросы активно прорабатывались и обсуждались, как на уровне центральной, так и региональной власти. Естественно, что важнейшие документы и экспертные мнения проходили через руки А.М. Дондукова-Корсакова, который участвовал в их обсуждении. Особым вниманием при данном многостороннем обсуждении пользовался вопрос предыстории создания военно-народной администрации и практика ее функционирования на Кавказе. Как правило, эти положения разбирались на примере Дагестана. Таким образом, использование материалов, содержащихся в данном фонде, помогает наилучшим образом рассмотреть основные методы и практики, принципы и правила, плюсы и минусы функционирования, типовое устройство военно-народного управления Дагестанской области; рассмотреть полемику и аргументацию сторонников и противников использования данной модели управления. Также увидеть степень понимания и отношение имперских чиновников, в том числе и самого А.М. Дондукова-Корсакова, к культурным особенностям Дагестана и Кавказа.

Говоря о *Центральном государственном архиве Республики Дагестан*, следует отметить, что в диссертации задействованы следующие фонды: Ф. 2 – Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура, материалы которого представляют всевозможные распоряжения и предписания, директивы военного губернатора Дагестанской области в период с 1883 по 1917 гг., отчеты окружных и городских управлений, приказы о назначении и снятии с должностей, важнейшие судебные разбирательства и многое другое. Использование материалов данного фонда имеет особое значение, так как при централизации власти в Дагестанской области в нем оседали только самые важные региональные дела, разбор которых должен был производить сам губернатор. К тому же губернатор производил сношение с кавказской и общеимперской администрацией и лично отвечал за реализацию всех управленческих программ и преобразований в Дагестане. Последний должен

был указывать на культурные, политические, правовые и прочие особенности данного региона и на степень уместности того или иного начиная в его пределах. Ему также предоставлялось право влиять на формирование управленческого аппарата данной единицы. Дела подобного разряда проходили через канцелярию губернатора, в связи с чем анализ материалов этого фонда дает возможность выявить основные принципы и правила функционирования военно-народной и общеимперской – гражданской администрации в масштабах Дагестанской области; обозначить плоскость и грани ее судебно-правового обеспечения, функционал различных органов местной власти и их кадровое обеспечение. В некоторой степени материалы данного фонда раскрывают и повседневность дагестанской жизни.

Тот же самый контент, только в период с 1860 по 1883 гг. содержится в Ф. 126 – Канцелярия начальника Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура, а в Ф. 23 – Петровское (упрощенное) городское общественное управление Дагестанской области, в Ф. 6 – Дагестанское областное по городским делам присутствие, г. Темир-Хан-Шура, Ф. 15 – Дербентское городское полицейское управление Дагестанской области, г. Дербент, сконцентрированы документы, отображающие ракурсы городского управления и самоуправления в масштабах дагестанских территорий.

Особую значимость представляют такие фонды данного архивохранилища, как: Ф. 3 – Командующий войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае, г. Темир-Хан-Шура; Ф. 7 – Редакция газеты «Дагестанские областные ведомости», г. Темир-Хан-Шура; Ф. 18 – Дербентский комендант (Дербентского военно-окружного начальника), г. Дербент, Дербентского уезда; Ф. 20 – Дербентский карантинно-таможенный пост Дагестанской области, г. Дербент; Ф. 32 – Медицинская часть при канцелярии военного губернатора Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура; Ф. 148 – Самурский окружной суд Дагестанской области, с. Ахты, документы

которых показывают методы и практики государственного административного контроля дагестанских территорий, как до создания Дагестанской области, так и после.

Документы из приведенных фондов позволили более полно представить отдельные ракурсы процесса создания, организации некоторых ведомственных учреждений в пределах данной территориально-административной единицы, сделать сверку законодательного установления ее границ, выявить специфику организации судопроизводства на ее территории.

В целом, источниковая база исследования может быть разделена на несколько групп источников.

Первая группа – это законодательные источники, в том числе законы, определявшие принципы и правила территориально-административного и управленческого устройства, как всего Кавказского края с 1860 по 1917 гг., так и Дагестанской области в частности, а также того или иного отдельно взятого ведомства в пределах этой административно-территориальной единицы.

Подобные материалы содержатся в целом ряде архивных фондов, выделим фонд Канцелярии военного губернатора Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура, в котором присутствует «Положение о временных правилах, данных в руководство окружным и словесным судам Дагестанской области», представляющее собой «регламент» в отношении административного и судебно-правового аспектов военно-народного управления в масштабах данной единицы¹. Положение о постоянных правилах организации военно-народного управления в Дагестане содержится в фонде Хозяйственного департамента МВД², а в фонде Первого департамента Сената присутствует Постановление об образовании Дагестанской области, отображающее структурную организацию и

¹ Центральный Государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 5. Д. 1.

² Российский Государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755.

принцип управления последней¹. Подобное Постановление присутствует и в фонде Кавказского комитета², а в фонде Хозяйственного департамента МВД содержится пространный законопроект, представляющий принципы и правила территориально-административного и управленческого устройства Кавказского края после упразднения первого наместничества и утверждения должности главноначальствующего по гражданской части³.

В Полном Собрании Законов Российской империи представлены законы, регламентирующие принципы и правила организации и функционирования городского управления в Дагестанской области до применения «Городового положения» второй редакции к городам⁴, а в самом «Городовом положении» и первой, и второй редакции, аспекты самоуправления⁵.

Заметим, что законопроект об организации слободского управления в периметрах общекавказского пространства представлен в фонде Министерства юстиции⁶, а в фонде Дербентский карантинно-таможенный пост Дагестанской области, г. Дербент, интерес вызывает законопроект об организации таможенной части по данной единице⁷. В фонде Медицинской части при канцелярии военного губернатора Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура, представлено Положение о переводе медицинской части данной области из ведомства военного в гражданское, а также принципы и правила ее устройства⁸.

Вторая группа источников – это делопроизводственные документы, к которым относятся: отчеты и докладные записки об управлении Кавказом и

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 168.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 1377.

⁴ Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ): Собр. 2. Т. XXXII. № 32322. СПб., 1858; Собр. 3. Т. XII. № 8708. СПб., 1895; Собр. 3. Т. XV. № 11734. СПб., 1899.

⁵ Высочайше утвержденное 16 июня 1870 г. Городовое положение с объяснениями. СПб., 1873; Высочайше утвержденное 11 июля 1892 г. Городовое положение. СПб., 1892.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 59. Д. 4046.

⁷ ЦГА РД. Ф. 20. Оп. 1. Д. 26.

⁸ ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 5. Д. 1.

состоянии его военной части, поданные на имя трех последних российских императоров его наместниками или главноуправляющими по гражданской части¹, ежегодные «Обзоры Дагестанской области»², где достаточно подробно и достоверно представлены: политические, экономические, судебные и прочие аспекты общекавказских и дагестанских дел и все значимые территориально-административные изменения, преобразования, происходившие в масштабах Дагестанской области, а также статистические данные. Дополнительно статистические данные по Дагестанской области, как собственно и некоторые делопроизводственные документы, отображающие развитие системы управления данным регионом, представлены в «Дагестанском сборнике»³ и в «Памятной книжке Дагестанской области»⁴. Отдельный интерес для темы представляют делопроизводственные документы, собранные в 12-ти томах «Актов, собранных кавказской археографической комиссией»⁵. Материалы данного серийного издания раскрывают политическую, экономическую, социальную и иные грани интеграции Дагестана в общероссийское пространство, а кн. Г.М. Тумановым собраны материалы обсуждений на

¹ Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией 1857, 1858, 1859. Тифлис, 1861; Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской Армией по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870; Всеподданнейшие записки Главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Всеподданнейшая записка Командующего войсками Кавказского военного округа и Войскового Наказного Атамана Кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890. Тифлис, 1890; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907; Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910; Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

² Обзоры Дагестанской области за 1892-1915 гг. Темир-Хан-Шура, 1893-1916.

³ Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902; Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904.

⁴ Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.

⁵ Акты, собранные кавказской археографической комиссией (далее АКАК) Т. I-XII. 1866-1904.

предмет введения земства на Кавказе¹.

Делопроизводственные документы, в частности межведомственная и межструктурная переписка, всевозможные министерские отчеты и справки, экспертные мнения, материалы различных рабочих групп и комиссий², отчеты о военно-народном и гражданском управлении в кавказских и дагестанских периметрах, а также суждения об их устройстве и реформировании³, представление центральной администрации Кавказа⁴, организации городского управления и самоуправления⁵, материалы о поземельном⁶ и сословном⁷ состоянии кавказских и дагестанских периметров, ракурсы судебно-правового обеспечения этих последних⁸, документы о награждении, назначении и снятии с должностей⁹, уточнении границ¹⁰ в совокупности представлены в различных фондах выше обозначенных архивов.

Заметим, что в них также присутствуют и документы делопроизводства, объясняющие промахи и ошибки имперской власти на Кавказе в первой половине XIX в.¹¹

Третьей группой источников являются источники личного происхождения: воспоминания, записки государственных и общественно-политических деятелей, путевые заметки, дневники. Следует отметить, что источники подобного типа имеют весьма важное значение при изучении исследуемой темы, так как они содержат исключительно ценную информацию и

¹ К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы, собранные кн. Г.М. Тумановым. Тифлис, 1905.

² РГИА. Ф. 350; Ф. 1263; Ф. 1276; Ф. 1282; Ф. 1284; Ф.1290; Ф. 1288; Ф. 1289; Ф. 573; Ф. 1652.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 1047; РГИА. Ф. 1291; Ф. 381; Ф. 1287; Ф. 391; Ф. 932; ЦГА РД. Ф. 2; Ф. 126; Ф. 6; Ф. 7; Ф. 15; Ф. 23.

⁴ РГИА. Ф. 727; Ф. 1287; Ф. 932.

⁵ РГИА. Ф. 1405; ЦГА РД. Ф. 6; Ф. 15; Ф. 23.

⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. раздел 1911 г. Д. 357.

⁷ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 84.

⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190; Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962; ЦГА РД. Ф. 148.

⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1883 г. Д. 127 б.

¹⁰ РГИА. Ф. 1276.

¹¹ РГВИА. Ф. 846; Ф. 14719; ЦГА РД. Ф. 3; Ф. 18.

позволяют конкретизировать вопросы повседневной делопроизводственной, общественной, государственной практики и личной жизнедеятельности.

В частности, в трудах Мухаммед-Тахира аль Карахи¹, Абдурахмана сына Джамалутдина ал-Хусайни ал-Газигумуки², Гаджи-Али Чохского³ представлены события и динамика Кавказской войны, идеология «движения мюридизма». Что весьма важно: все три вышеприведенных автора являлись участниками этого движения и соратниками имама Шамиля, что дает возможность взглянуть на события первой половины XIX в. как бы изнутри и взглядом дагестанских горцев. Менталитет дагестанских горцев, характер и нравы последних представлены в заметках генерала имперской армии М. Алиханова⁴, а равно и на страницах путевого дневника профессора Юрьевского университета Н.И. Кузнецова⁵.

В дневнике Д.А. Милютин обозначены смыслы и логика военной реформы в России в пореформенный период⁶.

В сочинении Р.А. Фадеева приводятся основные причины, приведшие Россию на Кавказ⁷. А также промахи и успехи имперской власти в данном регионе.

Важное значение для разработки темы диссертационного исследования имели и *опубликованные сборники документов*, в которых содержатся материалы, показывающие особенности развития русско-дагестанских отношений в целом, процесс интеграции дагестанских периметров в

¹ Мухаммед-Тахир аль Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. I-II. Махачкала, 1990.

² Саййид Абдурахман сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагистани. Краткое изложение подробного описания дел Имама Шамиля. М., 2002.

³ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995.

⁴ Алиханов М. В горах Дагестана: путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала, 2005.

⁵ Кузнецов Н.И. В дебрях Дагестана. СПб., 2013.

⁶ Милютин Д.А. Дневник. Т.1. М., 2016.

⁷ Фадеев Р.А. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865.

общероссийское пространство, специфику представленного края¹. Следует отметить, что в этих сборниках содержатся как источники личного происхождения, так и документы делопроизводства. И первые и вторые дают возможность лучшим образом понять историю включения дагестанских рубежей в состав империи, а также методы, управленческую практику, динамику их интеграции в общероссийское пространство, с учетом сохранения региональной специфики.

Не менее важное значение для разработки темы диссертации имели и статистические документы, содержащиеся в I томе «Сборника статистических сведений о Кавказе»².

Таким образом, представленная база исторических источников является достаточной для комплексного раскрытия исследуемой темы. Многие из обозначенных документов *впервые использованы в историографической практике.*

Методологические подходы и методы исследования.

Диссертация задумана и выполнена как региональное, но не узко-краеведческое исследование, что обуславливается представлением местной, в нашем понимании, региональной политики Российской империи, как части общекавказской. Главным достоинством данного подхода выступает максимально точное и подробное представление и выявление общего и частного в системе государственного управления Дагестанской областью, в масштабах Кавказского края и Кавказского наместничества. Диссертация базируется на применении структурно-функционального и системно-исторического подходов,

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) (далее МИДЧ). Махачкала, 1940; История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. (далее ИГЭД). М., 1958; Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. (далее Памятники). М., 1965; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. (далее РДО). Махачкала, 1958; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988.

² Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. I. Тифлис, 1869

в совокупности позволяющих представить эволюцию развития исторических явлений. В частности, модель государственного управления Дагестанской областью Российской империи представляется как единая и сложносоставная динамичная система. В работе акцентирован типологический и этнографический аспекты, что дает возможность рассмотреть и разобрать региональную специфику, лучшим образом понять общие принципы управления регионом.

Диссертация строится на совокупности принципов научной объективности и историзма, что предполагает и обуславливает отказ исследователя от тех или иных устоявшихся штампов и идеологических подтекстов, а также диктует и определяет изучение и представление тех или иных явлений и процессов в динамике конкретных исторических условий. Для написания диссертации наряду с целым рядом таких общенаучных и хорошо известных методов, как *синтез* и *анализ*, *обобщение* и *экстраполяция*, *описание* и *ретроспектива*, *индукция* и *дедукция* использовались и специальные научные исторические методы. В частности, использование применительно к исследуемой теме *проблемно-хронологического метода* позволило сначала разделить, а потом и рассмотреть ее в отдельных, но взаимосвязанных сюжетах. В свою очередь применение и использование *историко-генетического метода* дало возможность распознать и выявить генезис исторических явлений. Нами использовались также методы *компаративного* и *историко-типологического анализа*, которые дали ресурс для должной обработки и оценки исторических источников и литературы. Изучение отдельных сюжетов и введение некоторых личных документов в научный оборот в контексте методологических исследований *истории повседневности* позволило выявить закономерности в служебных назначениях, представить все краски трудовых будней государственных деятелей в Дагестанской области в период ее становления.

Научная новизна диссертации заключается в том, что

- данная работа является первым в отечественной и зарубежной историографии комплексным исследованием, направленным на изучение дуально-инклюзивной модели государственного управления Дагестанской областью, принципов и правил ее функционирования, причин ее создания

- впервые в историографии представлена система общеимперского – гражданского управления, которая существовала в Дагестанской области до 1917 г.

- выявлены специфика и особенность правового, политического, культурно-исторического, этнографического развития дагестанских территорий в процессе управления одноименной областью, определявшиеся опытом их интеграции в состав общероссийского пространства

- в работе дана развернутая характеристика позиции имперских чиновников и общественных деятелей по отношению к дуально-инклюзивной модели управления Дагестанской областью, прецеденту обособления региона.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что

- проведена систематизация исторических знаний, касающихся русско-дагестанских отношений, интеграции дагестанских территорий в состав общероссийского пространства, установления российской администрации в этом регионе

- исследование вносит существенный вклад в объяснение и представление причин и обстоятельств, которые побудили имперское правительство создать и поддерживать в данном регионе особую дуально-инклюзивную модель административного контроля и судебно-правового обеспечения, степень корреляции и взаимодействия местных и общеимперских политических и правовых начал, презентацию гражданской управленческой модели в данном регионе

- базируясь на основных положениях теории модернизации, диссертационное исследование отражает суть и своеобразный характер

изменений, произошедших во второй половине XIX – начале XX столетия не только в экономике, но и в управленческой модели государства и затронувших не только центральную, но и региональную власть Российской империи, в том числе на Кавказе.

- выявлены типологические и этнографические аспекты административной модели, дающие возможность охарактеризовать региональную специфику, оценить общие принципы управления Дагестаном.

Практическая значимость данного диссертационного исследования заключается в том, что выводы и материалы последнего могут быть использованы при создании обобщающих и специально-тематических трудов, лекционных курсов по истории России, истории Кавказа и Дагестана, а равно и в процессе изучения кавказской политики Российской империи в динамике XIX и начала XX столетия. Кроме того, рассмотренный опыт государственного строительства Российской империи в дагестанских периметрах, в частности прецедент учета специфики Дагестана, может быть полезен и в свете нынешнего реформирования региона.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Отличительные черты системы государственного управления Дагестанской областью Российской империи определялись многочисленными этнографическими и политическими особенностями, спецификой этого региона, а степень их учета и восприятия – продолжительным и сложным процессом интеграции данных территорий в состав общероссийского пространства. Выбор управленческой модели был продиктован длительным присутственным, а в особенности разновалентным административным опытом первой половины XIX в.

2. Дуальная и включающая в себя военно-народную и общеимперскую – гражданскую администрацию, модель государственного управления Дагестанской областью Российской империи представляла собой единое и

поэтапно развивающееся целое, где на каждом из этапов эволюции она имела ряд различных изменений. Эти изменения были продиктованы как региональными, так и общеимперскими потребностями, а также и отдельными попытками усовершенствовать общекавказскую и местную администрацию.

3. Использование характерных Дагестану автохтонных правовых и политических начал в системе государственного управления областью, как и само «нетривиальное» отношение к Кавказу в целом, имело как сторонников, так и противников в политических и общественных кругах. Острая полемика в них велась вплоть до 1917 года и содержала целый ряд весомых доводов и аргументов с каждой стороны.

4. Система военно-народного управления Дагестанской областью Российской империи, в плане своего функционала, охватывала подавляющее большинство населения и территорий, строилась на применении сугубо местных, правовых и политических начал, а так же и военно-административных практик. Территории, относящиеся в данном регионе к ведомству военно-народной администрации, подразделялись на множество структурных единиц, где все они объединялись строгой вертикалью власти.

5. Применение и бытование особой военно-народной администрации в Дагестанской области допускалось лишь только как временная и адаптивно-переходная мера, посредством которой имперское правительство рассчитывало шаг за шагом утвердить в масштабах этих рубежей общеимперские гражданские порядки, но до 1917 года так и не решило поставленной задачи.

6. Подавляющее большинство местных правовых и политических законов и порядков, местных институтов, взятых на вооружение военно-народной администрацией по Дагестанской области, по большей части отражали адаптированные варианты. Данные изменения были вызваны потребностью тотального контроля общественно-политической жизни региона, поддержанием на его территориях порядка.

7. Система общеимперского гражданского управления Дагестанской области представляла собой сложносоставную и динамично развивающуюся структуру, где принципы и правила ее организации, за исключением ряда случаев дублировали общие для всей империи стандарты управления.

8. Модель судебно-правового обеспечения Дагестанской области, представляла собой сложносоставную, динамичную систему. Будучи построена на тех же самых принципах и правилах, что и административная модель, она имела схожие принципы и ракурсы развития.

9. Кадровое обеспечение Дагестанской области Российской империи строилось по военному принципу: все должности командного звена в данном регионе как правило занимали прикомандированные офицеры имперской армии и гражданские чиновники, а низовые должности все больше оставались местным уроженцам. Тем не менее, допускалась и социальная мобильность, что имело свои преимущества и недостатки.

Апробация результатов исследования осуществлялась на всем протяжении процесса разработки темы. Отдельные аспекты и положения данной работы обсуждены на заседании кафедры истории России Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Основные положения и результаты исследования представлены в 16-ти статьях, 10 из них опубликовано в ведущих научных изданиях перечня ВАК, 3-х тезисных публикациях. Также отдельные аспекты исследования были представлены в докладах на таких международных научных мероприятиях, как: международная научно-практическая конференция «Государство и право народов Кавказа: становление, развитие, современное состояние» (Махачкала, 2018 г.), XIII и XIV конгресс антропологов и этнологов России. (Казань 2019 г., Томск 2021 г.), международная конференция «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа» (Назрань, 2020, 2021 гг.), второй международный форум кавказоведов (*2nd International Forum of the Caucasus*

studies scholar) (г. Баку, 2019 г.), международный конгресс кавказоведов (г. Тбилиси, 2019 г.), LIV международная научная конференция Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева «Путь, дорога как историко-психологическое явление» (Санкт-Петербург, 18 декабря 2023 г.).

Структура диссертации определяется логикой и целями исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, словаря терминов, списка источников и литературы и двух приложений.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ДАГЕСТАНОМ ДО 1860 г.

1.1. Российское управление дагестанскими государственно-политическими образованиями в начале XIX в.

При всем том, что к началу XIX столетия русско-дагестанские военно-политические, торгово-экономические, дипломатические и иные взаимоотношения уже насчитывали как минимум тысячелетнюю историю¹, полномасштабная и системная интеграция данного региона в состав Российского государства началась лишь в первые десятилетия XIX века².

Как справедливо замечает В.В. Дегоев, к концу XVIII в. «Петербург

¹ Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период раннего средневековья и ордынскую и пост ордынскую эпоху // Клио. 2022. № 1 (181). С. 111-126; Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период XVI-XIX вв. // Клио. 2022. № 2 (182). С. 82-96; Баканов А.В., Магомедханов М.М. Русско-дагестанские правовые отношения в период существования Киевской Руси и Золотой Орды (Часть 1, раздел 1) // Клио. 2020. № 8 (164). С. 73-83; Баканов А.В., Магомедханов М.М. Русско-дагестанские правовые отношения в период существования Киевской Руси и Золотой Орды (Часть 1, раздел 2) // Клио. 2020. № 9 (165). С. 126-138; Баканов А.В., Магомедханов М.М. Русско-дагестанские правовые отношения в период существования Киевской Руси и Золотой Орды (Часть 1, раздел 3) // Клио. 2021. № 3 (171). С. 86-99; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Киевской Руси и Золотой Орды // Клио. 2019. № 12 (156). С. 122-132; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М., Эмирова М.Н. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства Московского (Часть 1) // Клио. 2020. № 1 (157). С. 74-87; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства Московского (Часть 2, раздел 2) // Клио. 2020. № 2 (158). С. 61-71; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства Московского (Часть 1, раздел 2) // Клио. 2020. № 4 (160). С. 56-71; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К предыстории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2018. № 12 (144). С. 80-86.

² Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 1: причины) // Клио. 2023. № 6 (198). С. 134-142; Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 82-89; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 65-75.

научился умело и терпеливо маневрировать на закавказской шахматной доске ...», и «в международной борьбе за господство в Закавказье произошел качественный перелом ...»¹. В 1801 г. под предлогом защиты Картли-Кахетинского царства от внешних врагов последнее было присоединено к России². Ввиду охранения нового приобретения, произведенного в самом центре Кавказа, и по причине его оторванности от коренных губерний империи, Санкт-Петербургский кабинет начинает усиленно работать над тем, чтоб оставить весь одноименный перешеек за собой. Заметим, что во многом именно в связи с этим обстоятельством в сфере внимания последнего в тот отрезок времени находились и множественные дагестанские политические образования.

На начало XIX в. «территориально-административная мозаика» Дагестана собиралась из 10 так называемых владений «феодалного типа» и порядка 60-ти союзов «вольных обществ»³.

Следует отметить, что и в первом, и во втором томе академического издания «История народов Северного Кавказа» подчеркивается, что в представленный отрезок времени абсолютно все «феодалные владения» Страны гор «имели довольно развитую»⁴ и отлаженную систему управления⁵. Все они имели обеспечивающий их основные жизненные потребности небольшой бюрократический и судебный аппарат и регулярно действующие военно-полицейские силы⁶.

¹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 50-51.

² Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 65-75.

³ Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период XVI-XIX вв. // Клио. 2022. № 2 (182). С. 92.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 398.

⁵ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 89.

⁶ Там же. С. 88-89; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., С. 398-399.

По мнению М.-С.К. Умаханова и ряда других историков¹, «союзы сельских обществ Дагестана мало чем уступали ...» образованиям данной категории². Занимая «практически половину территорий Дагестана ...»³ и находясь в системе договорных отношений между собой и с феодальными владениями⁴, последние – как пишет все тот же автор – в изучаемый период «имели все атрибуты власти, свойственные государствам демократического или гражданского» уклада⁵. Заметим, что о демократическом устройстве дагестанских «вольных обществ» в своем подавляющем большинстве свидетельствуют и источники той эпохи⁶. Замечая симптомы народовластия в данных исторически сложившихся территориально-административных образованиях, они также указывают и на то, что предел власти абсолютно всех дагестанских владетелей в их природных владениях был крайне ограничен⁷.

Заметим, что данная конъюнктура в реально-исторических условиях Дагестана на начало XIX в., объяснялась тем, что каждое из образований феодального уклада данного региона зиждилось на принципах удельного

¹ Умаханов М.-С.К. Дагестан во второй половине XVIII – нач. XIX веков. Махачкала, 2011; Общественный строй союзов сельских общин Дагестана XVII-XIX вв. Сборник статей. Махачкала, 1981; Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. (далее Памятники) М., 1965; Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014; Петрушевский П.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934.

² Умаханов М.-С.К. Дагестан во второй половине XVIII – нач. XIX веков. Махачкала, 2011. С. 14.

³ Там же. С. 11.

⁴ Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014.

⁵ Умаханов М.-С.К. Дагестан во второй половине XVIII – нач. XIX веков. Махачкала, 2011. С. 11.

⁶ История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. (далее ИГЭД). М., 1958; Акты, собранные кавказской археографической комиссией (далее АКАК). Т. I-XII. Тифлис, 1866-1904; Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) (далее МИДЧ). Махачкала, 1940; Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. I. СПб., 1871.

⁷ АКАК. Т. I-XII. Тифлис, 1866-1904; МИДЧ. Махачкала, 1940; Броневский С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. Часть вторая. М., 1823. С. 450.

устройства, каждое из них в тот отрезок времени *de facto* было сформировано из ряда частью автономных, самоуправляемых общин.

Другой отличительной особенностью Дагестана испокон времен являлась и является его этническая дробность. Как сообщает профессор Х.-М.О. Хашаев, на момент начала XIX в. «в Дагестане проживали и проживают в настоящее время до 30» коренных его народов¹. При том, что «общественный строй» всех этносов Страны гор «под воздействием общих» природно-бытовых условий, «сложился в наиболее существенных чертах на одних и тех же началах», все они всегда имели и имеют ряд специфик². «На Кавказе каждый клочок» – как свидетельствует официальный документ первой половины XIX в. – «жил своим особенным» и «давно заведенным порядком ...»³. В Дагестане «почти в каждой котловине», – говорит генерал А.В. Комаров, – «в каждом отдельном ущелье, огражденном скалистыми хребтами и выходящем к быстрой и глубокой реке, живет особая» этническая общность, часто «не имеющая никакого сходства» с соседями⁴. Каждая из них испокон времен «дорожила своим особенным»⁵ и «издавна» имела «установившуюся и прочную внутреннюю организацию ...»⁶. Как отмечает, выполнявший в 30-е г. XIX в. по заданию Генерального штаба имперской армии разведывательную миссию в пределах Северо-Восточного Кавказа и собравший комплекс достоверных данных о Дагестане подполковник В.И. Мочульский: «привыкши к обычаям, от предков горцам оставленным,

¹ Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С. 3.

² Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917. С. 92.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260. Л. 3.

⁴ Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области с этнографической картой. Тифлис, 1869. С. 5.

⁵ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260. Л. 3.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 35.

они»¹, в силу своего консервативного сознания², их строго оберегают и чтят³. «Имея свой образ жизни, свой особый язык и свои обычаи» – как пишет проводивший в эти же временные сроки ревизию Закавказского края и параллельно разрабатывавший программу переустройства системы его управления сенатор Е.И. Мечников – нет в этом регионе селения, «которое бы не имело чего-нибудь особенного»⁴.

Можно сделать вывод, что «до присоединения к России» Дагестан был весьма и крайне разнообразен в этнографическом плане, а в политическом представлял собой группу независимых владений, «существовавших каждый самостоятельно <...>, а также вольных горных обществ, не признававших никакой зависимости»⁵. Как подчеркивается в первом томе академического издания «История Дагестана», на конец XVIII в. абсолютно все «исторически сложившиеся государственные образования» Страны гор, как первого, так и второго типа жили «самостоятельной политической и экономической жизнью»⁶. Имевшие место быть в XVI, в XVII и в XVIII столетии периодические и «добровольные вхождения северокавказских народов»⁷ под протекцию или же, как гласят официальные документы, в подданство России⁸, «не означали тогда распространения на них военно-административной власти и законов» последней⁹. Множественные договоры между представителями царской или же имперской администрации с одной стороны, и дагестанскими владельцами с другой, в обозначенный отрезок времени, при условии строгого и

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912. Л. 41.

² Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912. Л. 41.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 169. Л. 57.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 401.

⁶ История Дагестана. Т. I. М., 1968. С. 320.

⁷ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 3.

⁸ МИДЧ. Махачкала, 1940; Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы (далее РДО). Махачкала, 1958; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988.

⁹ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 3.

неукоснительного соблюдения требования держать внешнеполитическую ориентацию на Государство Российское, и при назначении за то щедрых жалований и прочего благоволения, полностью признавали их «внутреннее самоуправление» и суверенитет¹.

Отметим, что, по мнению Х.-М.О. Хашаева и других исследователей проблематики русско-дагестанских взаимоотношений, до XIX в. все «дагестанские феодалы» и «вольные общества, состоявшие в подданстве России ...», пусть и при некоторых оговорках и изъятиях, – рассматривались властями последней не иначе как ее стратегические «союзники ...»².

Важно отметить, что с началом XIX в. в политике России на Кавказе начинают появляться новые явления. Если «военно-политическая и дипломатическая нейтрализация Порты после войны 1768-1774 гг., уступка Османской империей по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Крыма, правобережья Кубани и Кабарды, присоединение в 1783 г. Крымского ханства, – эти и другие успехи России на Востоке» – как справедливо замечает М.М. Магомедханов – «позволяли считать вопрос присоединения Кавказа к Российской Империи делом времени»³, то «блестяще завершившаяся русско-иранская и русско-турецкая кампании 1804-1813 и 1806-1812 гг.

¹ Магомедханов М.М., Баканов А.В. Этно-социальные аспекты интеграции Дагестана в государственную систему Российской Империи // XIII конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва; Казань, 2019. С. 421; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К предыстории российского управления Северо-Восточным Кавказом // 2nd International forum of the Caucasus studies scholars. Вак, 2020. С. 138-146; Магомедханов М.М., Баканов М.М., Магдилов М.М. Некоторые аспекты предыстории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей IX-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. Назрань, 2021. Вып. IX. С. 108-118.

² Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 36; Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 82-89. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958.

³ Магомедханов М.М. Дагестанцы: вехи этно-социальной истории. Махачкала, 2007. С. 33-34.

соответственно, Гюлистанский мирный договор (1813 г.) и Бухарестское соглашение (1812 г.)»¹, по общепризнанному мнению, позволили считать его практически решенным².

Тому же сопутствовали и российские успехи на европейской арене³. Победа над Наполеоновской Францией и приобретенный в дальнейшем статус «жандарма Европы», как отмечает академик Е.В. Тарле, делавшие Россию ведущей континентальной силой⁴, просто заставили живо интересовавшиеся до того проблематикой черноморско-каспийского региона Англию и Францию, а также и прочие европейские державы, если и не полностью позабыть про данную инициативу, то по крайней мере, временно сконцентрировавшись на нивелировании нависшей «русской угрозы», решительно отодвинуть последнюю (т.е. кавказскую инициативу) на задний план⁵.

Воспользовавшись сложившимися обстоятельствами и весьма отчетливо понимая, что в отношении России «Кавказский перешеек» – это есть не что иное, как кратчайший «мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка»⁶, правительственные круги Российской империи с

¹ Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 86.

² Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; История Дагестана Т. II. М., 1968; Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в. М., 1984; Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан... Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX века. М., 2014; Георгиев В.А., Кипянина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978; Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х XIX в. Владикавказ, 1992.

³ Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963; Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской Империи. Т. I. М., 2017.

⁴ Тарле Е.В. Крымская война. Т. I. М., 2003; Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах. Т.IX. М., 1961.

⁵ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; История народов Северного Кавказа конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; История Дагестана Т. II. М., 1968; Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в. М., 1984; Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях. Владикавказ, 1992.

⁶ Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 15; Magomedkhanov M., Bakanov A. Caucasus and Central Asia in the Geopolitics of the Russian Empire in the Period of the

началом XIX в. начинают действовать в его пределах из принципа – один геостратегический рубеж – один хозяин¹.

Принято считать, что одними из первых в прямую зависимость, «а потом и под власть Российской Империи» в Дагестане «попали засулакские кумыкские владения»². Как на это прямо указывается в 6-м томе «Актów собранных Кавказской археографической комиссией»: уже в первые годы XIX в. до того предоставленные лишь только сами себе владельцы данных политических образований стали утверждаемы в своем звании и достоинстве имперскими властями³, а из самих владений были образованы три административные единицы, где в каждой из них, как сообщает С.Ш. Гаджиева, при старшем князе состоял частный пристав из числа русских офицеров⁴. Общий и верховный контроль над этими, еще в совсем недавнем прошлом самостоятельными политическими образованиями, на том этапе и до самого окончания процесса интеграции дагестанских территорий в состав Государства Российского был поручен главному кумыкскому приставу, который состоял в ближайшем и

XVIII – the First Half of the XIX Centuries // Proceedings of V international congress of caucasologists. Tbilisi, 2019. PP. 369-370; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. Дагестан в контексте истории мирохозяйственных коммуникаций // XIV конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / отв. ред. И.В. Нам. Москва; Томск, 2021. С. 402; Баканов А.В. Транс-евразийские транспортные коммуникации как фактор интеграции региона в состав общероссийского пространства // Путь, дорога как историко-психологическое явление: Материалы LIV международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18 декабря 2023 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб., 2023. С. 54-58; Баканов А.В. Транспортные ресурсы западного побережья Каспия, как фактор расширения границ России // Граница как историко-психологическое явление: Материалы LV международной научной конференции. Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб., 2024. С. 98-101.

¹ Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 1: причины) // Клио. 2023. № 6 (198). С. 134-142.

² Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 66.

³ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 563.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 137; ИГЭД. М., 1958.

непосредственном заведывании у верховного командования Левого фланга Кавказской оборонительной линии. «Приставы» – как опять же свидетельствует С.Ш. Гаджиева – «особенно главный, осуществляли надзор», как «за общим порядком», так и за «поведением князей и населения»¹.

Под верховным сюзеренитетом «Санкт-Петербургского правительства в то время пребывало» и Тарковское Шамхальство². Как подчеркивает В.Г. Гаджиев, правитель данного владения был так же утверждаем в своем звании и достоинстве, получал из государственной казны ежегодный пенсион в размере 6 тыс. руб. серебром, да к тому же имел звание генерал-майора царской службы³. Периодически находился при нем и пристав, который, по меткому замечанию, сделанному И.Ф. Пасевичем-Эриванским, был более нужен для ослабления власти владельца, но, однако официально назначался для наблюдения за общим ходом дел⁴.

При этом следует сказать, что все «сии земли», за исключением некоторых частных изменений и изъятий, которых в засулакских кумыкских владениях все же было гораздо больше, чем в Шамхальстве Тарковском⁵, в начале XIX в. сохранили и свои внутренние распорядки, и судопроизводство⁶, и «будучи под защитой нашей, получая многие пособия и столь торжественные знаки милосердия всемилостивейшего государя нашего, в свою очередь», за исключением некоторых земских повинностей, оставались территориями, которые «никаких даней не приносят»⁷.

Включение единой Грузии, а точнее изначально лишь только

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 138.

² Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 66.

³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 217.

⁴ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 509-510.

⁵ АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 563.

⁶ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 565.

⁷ АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 855.

Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи, потребовало от российского правительства активизировать свою политику в Нагорном Дагестане. От последнего в то время во что бы то ни стало «требовалось оградить вновь приобретенные территории от опустошительных» и продиктованных различными причинами и обстоятельствами, вооруженных вторжений дагестанцев в их пределы¹. «Дабы утвердить свое влияние в Нагорном Дагестане»² и тем самым «препятствовать дагестанцам и джарцам производить в оных» (т.е. картли-кахетинских периметрах) «хищничества»³, Санкт-Петербургская администрация после ряда основательных дипломатических контактов и переговоров с полномочными представителями Аварского ханства, геостратегические горизонты которого в ту пору являлись «сопредельными с грузинскими провинциями»⁴, приняла решение о принятии в подданство последнего.

Уже в 1803 г. в столице данного владения Хунзахе «правитель Аварии Султан-Ахмед-хан в присутствии офицеров имперской армии» и видных представителей подвластного ему общества учинил присягу в верности России»⁵. Отметим, что в ее условиях как и в условиях присяг засулакских кумыкских князей и Тарковского Шамхала особым пунктом было прописано то, что он приносит ее за себя, и за всех своих наследников⁶. По принесению последней, помимо прочих подарков и утверждения в генеральском звании, аварскому владельцу был назначен и щедрый ежегодный пенсион. При этом следует отметить, что присяга этого владельца по отношению представленного

¹ АКАК. Т. I-VI. Тифлис, 1866-1875; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. II. СПб., 1869. С. 541-542.

² Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 66.

³ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 537.

⁴ Там же. С. 573.

⁵ Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 67.

⁶ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988.

ханства, фактически ни в чем не задевала и не обнуляла его внутреннего самоуправления¹.

Если первые годы XIX в. общепризнанно стали тем временным отрезком, когда Российская империя начала постепенно, но настойчиво и основательно усиливать свои позиции по всему периметру Кавказского перешейка, то ее позиции усилились и в Дагестане. Именно в это время, до того лишь только эпизодические и непостоянные взаимоотношения имперской администрации на Кавказе и дагестанских вольных обществ, выходят на совершенно новый уровень и приобретают устойчивый и постоянный характер. Как сообщает В.Г. Гаджиев, уже к 1806 г.² «не имея других обязанностей, кроме соблюдения с нами мирных сношений»³, в стабильное взаимодействие с Россией вошли «сельские общины Западного Дагестана»⁴. Спустя три года под протекцию или же, как гласят официальные документы, в подданство Российской империи⁵ во многом на тех же самых условиях были приняты такие вольные общества Южного и Нагорного Дагестана, как Ерсинское, Докузпаринское, Ахтынское, Мискиннжинское, Ансалтинское, Бугнадальское, Гугугское, Каратинское, Балхорское, Калалалское, Технуцальское, Кодротское, Малалалское, Салатавское, Тендальское, Шодротское, Рогочинское и Керииуринское⁶. В 1812 г. «к имперскому командованию на Кавказе» для принесения идентичной присяги «прибыли представители Акушинской конфедерации», а за два года до этого с этим же намерением к последнему обратилось Сугурийское, и пограничное с оным отдельное Чохское вольное общество, а до 1815 г. и многие

¹ АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 568.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 18.

³ АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 579.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 18.

⁵ АКАК. Т. II-V. Тифлис, 1868-1873.

⁶ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 18-19.

прочие вольные общества Страны гор¹.

В начале XIX в. присягу верноподданства России в Дагестане, по примеру и лекалам ранее поименованных образований феодального уклада, также дали такие феодальные образования данного региона, как Кадийство Табасарана и его Майсумство, Казикумухское, Мехтулинское, Иллисуйское, Кайтагское и Кубинское владения².

Когда в самом начале XIX в. абсолютно все дагестанские феодальные образования, да как собственно и многие вольные общества этого региона, принесли присягу верности России, то с их стороны это действие являлось обдуманым и добровольным шагом. Заметим, что «начиная с того самого момента, как по завоеванию Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханства Царство Московское, а в последующем и Российская империя на постоянной и твердой основе стали присутствовать» и проводить свою политику в периметрах кавказских рубежей, «подавляющее большинство дагестанских государственных образований»³ при наличии отчетливо выраженного паритета международных сил вокруг Кавказа, никогда не забывая о своем собственном интересе, устойчиво лавировали между российским, иранским и османским государством⁴. По ослаблению последних двух, практически все феодалы и многие старшины Страны гор все больше стали улучшать свои взаимоотношения с Россией⁵. Тем не менее, в обозначенный

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 20-21.

² История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

³ Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 85.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; История Дагестана. Т. I. М., 1967; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

⁵ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988.

период времени они еще не сбрасывали со счетов ни персов, ни османов¹.

Хотя в начале XIX в. абсолютно все дагестанские феодальные владетели и утвердили свою политическую ориентацию на Российскую империю, тем не менее с началом русско-иранской, а потом и русско-турецкой войны 1804-1813 и 1806-1812 гг., Ших-Али Хан Кубинский и Дербентский, а также и Сурхай Хан Казикумухский, поддержали противников России, в связи с чем они были отстранены от власти². Уже в 1806 г., предварительно исчерпав весь допустимый в подобных ситуациях дипломатический ресурс, имперские войска под командованием генерала С.А. Булгакова после преодоления незначительного сопротивления овладели столицей одноименного ханства г. Кубой³. По праву завоевания данное владение объявлялось полноценными территориями империи в Закавказье⁴. На место отстраненного от власти да к тому же бежавшего в иранские пределы Ших-Али Хана в звании наиба (т.е. управляющего), российскими властями на Кавказе был поставлен Хаджи-бек, которому помимо верности российскому престолу вменялось в обязанность под верховным сюзеренитетом последнего блюсти в ханстве прежний порядок⁵.

В 1809 г. управление Кубинским владением, при условии, что оно, как и ранее, будет оставаться на прежних началах, делегировалось коллегии из 4-х влиятельных беков, которые на том отрезке времени во всем координировали свою деятельность с войсковым начальством, расположенным в г. Куба⁶. С 1806 г. город Дербент переходил в заведывание российской администрации, а все его предместья, до образования из них одноименной провинции⁷, при сохранении

¹ Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007; Кавказ и Средняя Азия во внешней политике Российской империи: вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984.

² История Дагестана Т. II. М., 1968. С 112; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 141-142.

³ Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007. С. 132.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 62-63.

прежних порядков, передавались в заведывание Шамхала Тарковского¹.

Причисление всех без исключения территорий Кубинского ханства к владениям Российской империи в Закавказье, вкупе с громкими победами российской армии над иранскими и османскими войсками, а также пусть и не безукоризненная, но устойчивая ориентация других дагестанских владетелей и многих вольных обществ на Россию в первые годы XIX в., – эти и другие причины просто не могли не повлиять на то, что изначально откровенно враждебная позиция Сурхай-Хана Казикумухского по отношению к усилению российского влияния на Кавказе частично видоизменилась². После отстранения Ших-Али Хана Кубинского данный правитель сначала в 1806 г., а потом и в 1810 г. принес присягу в верности России³. Однако ввиду амбивалентного поведения, которое на том этапе времени заключалось в попытке то открытого, то латентного уклонения от взятых на себя обязательств, его политическая благонадежность, в понимании имперского командования на Кавказе, по-прежнему оставалась крайне ненадежной⁴.

В 1812 г. по причине того, что Сурхай-Хан в очередной раз нарушил данное им слово и организовал в Дагестане вооруженное выступление, Санкт-Петербургское правительство приняло решение об отделении от его природного владения ряда самых хлебобобовых территорий⁵. Заметим, что эти территории навсегда присоединялись к Российской империи под названием вновь образованного Кюринского ханства. Правителем новообразованного ханства назначался, усиленно поддерживаемый на протяжении нескольких лет в противовес политическому авторитету Сурхай-Хана⁶ и в клятвенной форме

¹ МИДЧ. Махачкала, 1940. С. 91-92.

² Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 68.

³ Там же. С. 68.

⁴ АКАК. Т. IV-V. Тифлис, 1870-1873.

⁵ АКАК Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 8.

⁶ АКАК. Т. IV-V. Тифлис, 1870-1873.

обещавший, как от своего имени, так и от имени своих наследников и преемников, не иметь никакого подданства, кроме российского, его племянник Аслан-Хан¹. По принесению присяги Аслан-Хану строго-настрою вменялось управлять Кюринским ханством, находясь в устойчивом взаимодействии с российским войсковым командованием на Кавказе, но при использовании старых административных механизмов.

Говоря о системе управления, установившейся в г. Дербент и его предместьях в первые годы после того, как данный населенный пункт стал находиться в непосредственном заведывании российской администрации, отметим, что она являлась инклюзивной. Как на то прямо указывает уже ранее цитированный дагестанский историк-правовед Х.-М.О. Хашаев, если к тому самому моменту как «24 июня 1806 г. жители» г. Дербент «принесли присягу на подданство России», в данном населенном пункте еще с предшествующих лет присутствовал и достаточно успешно функционировал отлаженный механизм внутреннего самоуправления, который был основан на наибском руководстве, то следует заметить что имперское правительство, по утверждению в городе, не стало нарушать представленный порядок². Единственно, в представленный этап истории наиб стал подчиняться коменданту³. Начиная с 1840 г. в г. Дербент и его предместьях была введена общеимперская – губернская форма гражданского управления, но, несмотря на это, практически весь штат местной администрации до 1859 г. продолжали формировать не гражданскими чиновниками, а офицерами армии. Более того, несмотря на внедрение и применение общеимперского законодательства по ряду отраслей, там по-прежнему партикулярное хождение имели адат и шариат⁴. В связи с чем можно

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 201.

² Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 40; Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

³ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 39.

⁴ Там же. С. 38; Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

сделать вывод, что система внутреннего управления г. Дербент и система управления его близлежащими предместьями на первых порах была основана по принципу: все верховное управление там принадлежало офицерам армии, а низовое оставалось автохтонным.

«Если взглянуть на те меры и средства, которые использовало российское правительство в своей политике по привлечению дагестанских владетелей и вольных обществ на свою сторону в начале XIX в., то становится очевидным, что они фактически не претерпели никакого изменения с периода XVII–XVIII века»¹.

«Так как преданность и покорность различных» дагестанских «горских обществ», а также политических образований феодального типа данного региона на том отрезке времени, да как собственно и на всем протяжении первой половины XIX столетия, в понимании имперского командования на Кавказе во многом зависели «от преданности наиболее выдающихся по влиянию и положению старшин или родовых» владетелей, «то правительство старалось всегда привлечь на свою сторону этих последних ...»². За лояльность и приверженность им самим и их ближайшему окружению назначались щедрые единовременные денежные выплаты и пожизненные пенсии. «Они получали всевозможные подарки и награды», а равно «им присваивались и высокие воинские звания, и гражданские» чины³. Помимо этого, за ними утверждались

¹ Магомедханов М.М., Баканов А.В. Этно-социальные аспекты интеграции Дагестана в государственную систему Российской Империи // XIII конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва; Казань, 2019. С. 421; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К предыстории российского управления Северо-Восточным Кавказом // 2nd International forum of the Caucasus studies scholars. Вакх, 2020. С. 138-146; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Магдилов М.М. Некоторые аспекты предыстории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей IX-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. Назрань, 2021. Вып. IX. С. 108-118.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 69.

³ Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 68.

некоторые привилегии, а также и прерогативы. В начале XIX в. и далее до покорения Восточного Кавказа кавказская администрация в масштабах этих территорий, для приведения и удержания в покорности использовала институт и практику так называемого аманатства (т.е. заложничества) и систему точечных, а также широких политических и экономических манипуляций и блокад¹. А также ресурс военно-полицейской силы.

При условии, что абсолютно во всех политических образованиях Дагестана с незапамятных времен сложились весьма и весьма самостийные и устойчивые формы управления, и при условии, что «эти формы управления, <...> не подходили ни под какую правильную, и тем более однообразную систему»², то в начале XIX в. Санкт-Петербург практически не подвергал их изменению. Как справедливо отмечает В.О. Бобровников: «территории, присоединенные к России на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в., на первых порах сохранили свои границы и местных правителей, если те были лояльны империи»³. На первых порах российская сторона не вмешивалась ни во внутренние дела горцев, ни в их судопроизводство. Оставляя в первые годы XIX в. «неприкосновенными и прежний внутренний распорядок, и судопроизводство по адату (т.е. обычаю) и шариату», российская администрация на Кавказе, как отмечается в документе, в отношении дагестанских владений и вольных обществ по большей части «заботилась» лишь только «о поддержании одного внешнего порядка»⁴. В связи с этим «единственное, что им воспрещалось – это самостоятельно» объявлять войну и «иметь любые внешнеполитические» контакты⁵. Добавим, что горские феодальные владельцы утратили и право собирать подати с народов, также вошедших в состав Российской империи, а

¹ АКАК. Т. I-VII. Тифлис, 1866-1878.

² РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260. Л. 3 об.

³ Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007. С. 124.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 23 об.

⁵ Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 85.

равно и право присуждать любые телесные увечья. Также они утратили право на смертную казнь¹. По мнению С. Броневского, в начале XIX в. абсолютно все «дагестанские владельцы состояли в подданстве Российской империи на особенных правах, по существу коих правильно назвать их можно вассалами, или удельными князьями, подвластными России»².

Если данная ситуация к началу XIX в. отражала управленческий статус абсолютно всех дагестанских феодальных владетелей, то она распространялась и на ряд региональных вольных обществ. Так как в целом вступление дагестанских вольных обществ под покровительство имперского правительства в первые годы XIX в. происходило все по тем же самым правилам и лекалам, по которым в это подданство тогда поступали феодальные владения, то по принесению присяги эти общества ставились под контроль особых офицеров – приставов³, а в глазах чинов империи они приобретали вассальный статус. Однако, с точки зрения административно-управленческой модели вассалитет этих единиц – во многом лишь формальность. Контроль над практически всеми феодальными величинами в масштабах дагестанских рубежей в начале XIX в., по большей части, обеспечивался войсковым присутствием, а вольные общества⁴, за исключением Салатавского⁵, располагались вдалеке от войск. Что и определяло их номинальную зависимость.

Подводя итоги, подчеркнем, что в начале XIX в. Имперская администрация по сути не могла воспринимать масштабы Страны гор как составную часть России. В регионе сохранялись местные административно-

¹ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 36-37.

² Броневский С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. Часть вторая. М., 1823. С. 302.

³ МИДЧ. Махачкала, 1940.

⁴ Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 68.

⁵ Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 85.

управленческие порядки, законодательная база была не сформирована, существовали различия в принципах управления в каждом из вольных обществ. Ситуация усложнялась языковым барьером и непониманием российской военной администрацией местных порядков и принципов взаимодействия между феодальными кланами. Порядок, иерархия чинов во многом поддерживалась силой, зачастую местные правители, приняв подданство России, продолжали управление старыми методами и архаичными формами коммуникаций. В первые годы XIX в. российская администрация сохраняла дагестанские феодальные владения и вольные общества как политические образования, которые находились от нее в вассальной или же условно-формальной зависимости, постепенно вторгаясь в местную систему управления.

1.2. Специфика управления территориями Дагестана в 20-х и 30-х гг. XIX в.

С момента подписания Гюлистанского (1813 г.) и Бухарестского (1812 г.) мирного договора, когда Иран и Османская империя *de jure* признали за Санкт-Петербургом большую часть территорий Северного Кавказа и Закавказья¹, территория Дагестана, по сути, стала выступать не чем иным, как сферой внутренней политики России². Именно с этого времени, как подчеркивает М.М. Магомедханов: «Дагестан, как и Кавказ в целом, в многочисленных проектах по обустройству России стал занимать едва ли не центральное место»³, а правительство последней приступило к непосредственному утверждению своей воли в данном регионе⁴. К этому времени Россия «разгромила наполеоновскую

¹ Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

² Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 6.

³ Магомедханов М.М. Дагестанцы: вехи этносоциальной истории. Махачкала, 2007. С. 68.

⁴ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 32, С. 36.

Францию» и стала олицетворять собой «жандарма Европы»¹. «Повергнутые в предыдущих войнах, османы и персы также» на данном этапе больше «не воспринимались Петербургом» как серьезные противники². Время всяких поблажек и нерешительных действий, обусловленных как присутствием на Кавказе сдерживающих внешних политических сил, так и осторожностью при начале полномасштабного процесса освоения данного региона Россией, ушло.

Если в первые годы XIX в. российская администрация еще воспринимала дагестанские феодальные владения и вольные общества как политические образования, которые находились от нее в вассальной или же условно-формальной зависимости, то на следующих этапах горцев все более стали рассматривать лишь только как исконно подданных³.

Одной из основных мер, которая в понимании имперского командования на Кавказе позволяла бы взять под свой полный контроль дагестанские периметры, а значит, начать полноправно ими управлять, являлась такая мера, как возведение там комплекса военных укреплений. Как отмечает В.Г. Гаджиев, на всем протяжении «первой половины XIX в. царское правительство в стратегических целях» в пределах западно-каспийского края основательно и планомерно «прокладывало шоссейные и грунтовые дороги», а «в наиболее важных местах» закладывало многочисленные крепости⁴. По замыслам военного начальства, данные действия должны были постепенно обеспечить для российской армии господство «над богатой и плодородной равниной, простирающейся» вдоль Каспийского моря и «служащей житницей для большей части горцев и пастбищами, а с другой стороны», предоставить

¹ Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 68.

² Там же. С. 68.

³ Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 84.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 262.

«выгоднейшее и удобнейшее основание» для военных действий в горах¹.

Заметим, что с развитием системы укреплений и коммуникаций в Дагестане у правительства России появлялась дополнительная опция и перспектива для тотально-массовых и точечных военных операций и маневров в наказание непокорных горцев и защиты тех, кто дал присягу верности, и также дополнительный ресурс для ранее отмеченных экономических и политических блокад. Однако, по замечанию фельдмаршала А.И. Барятинского, в пределах Страны гор военные коммуникации значительно улучшились лишь только к окончанию первой половины XIX в.²

Одной из основных практик, посредством которой имперское командование думало утвердить и укрепить свое присутствие абсолютно во всех периметрах Кавказа, являлась практика колонизации представленного края³. В первой половине XIX в. в пределах Северного Кавказа Санкт-Петербургская администрация путем различных плановых мероприятий рассчитывала поселить такое количество христианского, а в особенности русскоязычного населения, которое бы по совокупной своей численности не то что не уступало коренному мусульманскому, но и крайне желательно, если бы в конечном итоге превалировало над последним⁴. Добавим, что представленная программа действий распространялась и на Закавказье, а также территории, представляющие современный Дагестан⁵. Однако факты говорят о том, что ввиду малоземелья Страны гор⁶, а также военных действий на Кавказе, данная политика в первой половине XIX в., в отличие от районов Западного

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 263.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6677. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 169. Л. 6 об.

⁴ АКАК. Т. I-XII. Тифлис, 1866-1904.

⁵ АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 865.

⁶ Фадеев. Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 72.

Предкавказья¹, в пределах дагестанских рубежей практически не принесла России никакого осязаемого дивиденда².

Торгово-экономическое «сотрудничество исторически было одним из главных факторов упрочения российского присутствия» в пределах «Северо-Восточного Кавказа»³. Начиная с конца XVIII столетия Россия прочно удерживала за собой ведущие позиции в торговле с Дагестаном⁴, а в первые десятилетия XIX в., как сообщает подполковник В.И. Мочульский, «дагестанцы, будучи окружены нашими (т.е. российскими) владениями»⁵, уже практически не могли существовать без имперских рынков⁶. В большинстве своем, как заявлял И.Ф. Паскевич-Эриванский, «все они продовольствуются от нас солью» и «не имея своих ни льна, ни бумаги, ни шелка», ни многих прочих промышленных произведений и товаров, «получают от нас половину своей одежды, нанимаются в разные работы в наших провинциях и продают или же выменивают у нас свои произведения на хлеб, которого у многих народов в горах недостаточно»⁷.

Отметим, что только в г. Кизляр, по самым приблизительным подсчетам, в 30-е и 40-е гг. XIX в. на заработки и осуществления различных торгово-экономических операций ежегодно отправлялось «от 22-х до 25-ти т. дагестанских горцев»⁸. Добавим, что отходники из Дагестана в только что отмеченное время отправлялись и в другие города пределов Предкавказья и за

¹ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; Любавский М.К. Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

² Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 70.

³ Там же. С. 69.

⁴ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 13.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912. Л. 55.

⁶ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 518.

⁷ Там же. С. 518.

⁸ АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 413.

Кавказ¹. А сама экономическая зависимость дагестанских горцев от России являлась рычагом существенного административного давления. Причем данное давление было эффективно даже несмотря на то, что в ту пору на Кавказе процветала контрабандная торговля².

Как было выше сказано, после 1813 г. как в пределах Северо-Восточного Кавказа, так и в пределах Дагестана наметились отчетливо заметные тенденции в попытке укрепления имперской власти. Именно с этого времени в целях упрочнения своих позиций имперское командование на Кавказе приступило к планомерному и поступательному строительству военных укреплений и созданию из них опорных пунктов³. Данные мероприятия сразу же вызвали широкое и открытое неудовольствие, как среди региональной феодальной элиты, так и общинно-родовой верхушки⁴. «Активизацию колониальной политики» и, в частности, «размещение царских войск», «строительство укреплений и опорных пунктов», местные правители рассматривали не иначе, «как дальнейшее ограничение» их воли⁵. Как отмечал А.П. Ермолов, в ту пору настроения и дух неудовольствия представленной политикой и тактикой, которую он, к слову, сам и проводил, являл практически весь Дагестан⁶. Данное тезисное изречение проконсула Кавказа подтверждает тот факт, что открытое военное противодействие России в то время оказали ранее внешне лояльные к последней: Кадийство Табасарана, Табасаранское Майсумство, Аварское, Казикумухское и Мехтулинское владенья – ханства, Акушинская конфедерация,

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; История Дагестана. Т. II. М., 1968.

² История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 83; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6528.

³ История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 121.

⁴ АКАК. Т. IV-VI. Тифлис, 1870-1874.

⁵ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 79.

⁶ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1874.

Кайтаг и целый ряд различных горских вольных обществ¹.

При условии, что выступления абсолютно всех выше приведенных политических образований против усиления российского присутствия в пределах Северо-Восточного Кавказа, в момент когда они имели место быть, не представляли собой единого и скоординированного движения, и при условии, что военные и экономические ресурсы последних были крайне ограничены, то выступившие не только не сумели отстоять свой интерес, но и, напротив, с поражением утратили присущую им до того частичную политическую самостоятельность.

Уже в 1820 г., Кайтагское уцумийство было упразднено и «разделено на отдельные» магальные общества и «бекские владенья»². В этом же году Казикумухское владение было переведено в заведывание управляющего за Кюринским ханством³. Отметим, что последнее, как и сама Кюра, находилось под управлением Аслан-Хана вплоть до 1839 г., после чего владения снова разделялись. В 1819 г., как обозначает В.О. Бобровников, «генерал Ермолов попытался» установить полный контроль над Аварским ханством⁴. Заметим, что по большей части «проект этот провалился», но, как опять же подчеркивает В.О. Бобровников, «в 1828 г. вдове Ахмет-хана Паху-бике пришлось под нажимом русских военных властей разделить» последнее (т. е. Аварское ханство) на отдельные и подконтрольные Санкт-Петербургу части⁵. Добавим, что, по замечанию С.С. Эсадзе, помимо вышеприведенных политических образований, к 20-м гг. XIX в. иной вид и статус в Дагестане также приобрели Акушинская конфедерация, Мехтулинское владение, Кадийская и Майсумская Табасарань⁶. По итогам подавления возмущения в Дагестане и замещения

¹ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; История Дагестана. Т. II. М., 1968; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888.

² Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 177.

³ Там же. С. 180.

⁴ Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007. С. 146.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 178-179, С. 182.

всех непокорных родовых владетелей и выборных старшин на лояльных и послушных, все выше обозначенные территории по праву их завоевания провозглашались и считались Петербургом достоянием империи¹.

Если в самом начале XIX в. кавказская, а значит и общеимперская администрация, за пресечением и нивелированием внешнеполитической активности феодальных владений и вольных обществ еще практически не вмешивалась в их внутренний уклад², то с 20-х гг. XIX в. заявленный процесс *de facto* приобрел динамику развития³. С подавлением волнений в Дагестане Санкт-Петербургское правительство усилило свои позиции на местах и нацелилась на то, чтобы взять под свой контроль все сферы жизнедеятельности местных горцев⁴. Со стороны имперской России настойчиво проводилась политика полного соблюдения присяги, в корне устранялись и изживались любые элементы несогласия⁵. И если в самом начале XIX в. за исключением Аслан-Хана Кюринского, который как прямой ставленник империи всегда и во всем был подотчетен ее Кавказской администрации, абсолютно все остальные дагестанские владетели и выборные старшины этого региона по принесении присяги еще оставались полноправными распорядителями и хозяевами внутривнутриполитической жизни тех государственных образований, которые они тогда представляли⁶, то начиная с 20-х гг. XIX столетия последние могли производить любое действие лишь только по согласованию с высшей властью⁷. Тем не менее, в

¹ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 178-179, С. 182.

² Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 67-68.

³ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

⁴ Там же.

⁵ Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 82-89.

⁶ Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 67-68.

⁷ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; История Дагестана. Т. II. М., 1968; Блиев М.М. Россия и горцы большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

данный отрезок времени, прекрасно понимая пагубность и преждевременность тотальных перемен в регионе, Санкт-Петербургское правительство не стало там демонтировать старые принципы организации и судопроизводства, а также прежнюю структуру власти¹.

Хотя в целом в 20-е и 30-е гг. XIX в. имперское командование на Кавказе демонтировало в Дагестане власть абсолютно всех непокорных владетелей и ряда выборных старшин, тем не менее чиновники российского правительства не торопились вводить там губернский порядок. Хотя «в правящих кругах России», пишет В.В. Дегоев, в ту пору было немало адептов «скорейшей губернитизации» Западно-Каспийского края и «превращения его в органичную часть» Государства Российского, тем не менее, «ни на Северном Кавказе, ни в Закавказье Петербург» еще «не спешил упразднить местные, исторически сложившиеся формы управления», путем «создания единой административно-законодательной системы», переходить «к прямому» регулированию дел «из центра»².

Отметим, что представленная позиция верхов империи, по превалирующему мнению ученых, обосновывалась тем, что в отмеченную фазу заведывание крайне беспокойным регионом по примеру и лекалам внутренних губерний, безусловно, обещало власть имущим силам множество проблем, а также издержек и затрат³. Государственное управление в пределах территорий Дагестана, подконтрольных Петербургу, строилось на косвенном воздействии, посредством тщательно проверенных и преданных ему старшин и феодалов, которые тогда воспринимались русскими властями не как самодостаточные и

¹ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961.

² Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 70; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912. Л. 212.

³ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 70; Фадеев Р. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 1889; Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

самостоятельные политические лидеры, а как находящиеся на окладе ставленники и администраторы империи.

Осуществляя в 20-е и 30-е гг. XIX в. в плане управления подконтрольными дагестанскими территориями открытую ставку на тщательно проверенных и преданных феодалов и старшин, имперская администрация целенаправленно стремилась видоизменить их прежний статус. Даже несмотря на то, что «историческое происхождение нашего (т.е. великоросского) дворянства» со всеми вытекающими из этого последствиями, весьма «резко отличалось от высших классов туземного населения»¹, говорит официальная справка сословно-поземельной комиссии, работавшей на Кавказе во второй половине XIX в., а «местное обычное право не дает никаких указаний на то, чтобы земельные права сельских земельных обществ» или же «отдельных земельных владельцев» в пределах Дагестана хоть сколько-то «носили производный характер владений на чужое имя и исходили бы от стоящего над ними высшего вотчинника». «Даже несмотря на то, что местные (т. е. дагестанские) ханы и беки исторически не имели никакого права владения и распоряжения» даже «на земли реально от них зависимых поселян», и при условии, «что отбываемая» в их пользу «денежная» или «натуральная повинности» «носили не земельный, а публично-правовой характер»², тем не менее, имперское командование на Кавказе *de facto* предоставило им (т. е. дагестанским ханам и бекам) это право³. Добавим, что взамен почти утраченной свободы политического выбора, в целях создания опоры в регионе и «военных польз для государства»⁴, на дагестанских территориях были существенно ослаблены демократические институты и, наоборот, усилена аристократическая

¹ РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 84. Л. 76.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. раздел 1911 г. Д. 357. Л. 62.

³ Баканов А.В. Бекизация политической системы Дагестана: история и современность (Часть 1: история) // Клио. 2024. № 2 (206). С. 80-90.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 169. Л. 34.

власть. А к каждому местному правителю для их должного контроля приставлен зорко наблюдающий за всем происходящим царский пристав¹.

Только что отмеченные действия властей были продиктованы идеей, контекст которой говорит: «мы (т.е. Россия) никогда не сможем» широко «воздействовать на мусульманскую массу» западно-каспийского края, «но сможем привязать к себе прямым интересом и со временем обрусить» его «высшее сословие, располагающее этой массой»² и тем самым поддерживать в Дагестане нужный порядок. Тем не менее, данная политика провалилась. «В первые годы водворения русского владычества» дагестанские ханы и беки³, «пользуясь покровительством местных властей, воспитанных на крепостном праве, в своем превалирующем большинстве стали доходить сплошь и рядом до полного произвола в отношении им подвластных...»⁴. Доведя предел своей власти практически до абсолюта, они, как отмечается во втором томе академического издания «История Дагестана», «увеличивали размеры существовавших, вводили новые подати и повинности, расширяли свое собственное хозяйство за счет земель, находившихся до этого в пользовании» поселян⁵, и даже их «продавали и дарили»⁶.

Данные процессы, как и само распространение имперской власти на Кавказе, озлобляя, будоражили весь Дагестан. По замечанию Н.И. Покровского, ошибочность и пагубность представленной политики в пределах Северо-

¹ МИДЧ. Махачкала, 1940. С. 432.

² РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 322. Л. 12 об.

³ Линдер В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917. С. 103; Фадеев Р. Письма с Кавказа редактору Московских ведомостей. СПб., С. 253.

⁴ Линдер В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917. С. 100.

⁵ История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 84; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. Изменения в социальных отношениях в период военно-народного управления Дагестанской областью Российской империи // Клио. 2019. № 7 (151). С. 91-98.

⁶ Линдер В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917. С. 100.

Восточного Кавказа, в Петербурге стали признавать и нивелировать лишь только ближе к окончанию первой половины XIX в.¹

Если в самом начале XIX в., пожалуй что за исключением Кюринского ханства, владетель которого Аслан-хан по назначению на эту должность сам обязался производить в государственную казну ежегодный взнос в размере 5 т.р. серебром² и за исключением Казикумухского владения, на которое ежегодная выплата была возложена в виде контрибуции³, и ряда других примеров, дагестанские владения и вольные общества еще не облагались никакими земскими повинностями и налоговыми сборами, то вскоре данное положение вещей изменилось⁴.

Хотя практически на протяжении всей первой половины XIX в. многие видные чины имперского командования на Кавказе и в том числе А.П. Ермолов, отдавали себе отчет в том, что «по новости введения у них (т.е. у дагестанцев) правления нашего еще весьма рано помышлять об извлечении от них выгод, какими бы ни было налогами, и что всякий сбор с них денег по дикости их нравов и заостенелому невежеству покажется им явным притеснением и вместо ожидаемой, совершенно, впрочем, ничтожной для казны пользы, вызовет в них только недоверчивость, и самое ожесточение против нашего правительства»⁵, однако налоги были введены в пределах региона. Добавим, что помимо этого имперское командование на Кавказе систематически вменяло горцам Дагестана и разнообразные казенные работы⁶.

Представленные практики и связанные с ними злоупотребления на протяжении первой половины XIX в., как и ранее представленное возвышение

¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 112-113.

² АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 41.

³ АКАК. Т. V-VII. Тифлис, 1873-1878.

⁴ Хашаев Х-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 36.

⁵ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 564.

⁶ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 101; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 129.

владельцев, вводили в возмущение и раздражение весь западно-каспийский край. Помимо этого существенной преградой для сближения России с Дагестаном выступало то, что при назначении и прохождении службы на Кавказе и «при важности восточного вопроса» для России подавляющее большинство чиновников и офицеров армии имели крайне отвлеченные понятия об этом мире, практически не знали, не понимали, не считались с бытом и культурой региона¹.

На всем протяжении первой половины XIX в. на Кавказе в общем, и в Дагестане в частности, как по причине военного положения, так и ввиду отсутствия привычных жизненных удобств и прямого нежелания профессионально и специально подготовленных специалистов, несмотря на повышенные оклады и льготы службы, туда отправляться, всегда присутствовал и остро ощущался дефицит рабочих кадров. «При всем том заметно, что у нас там были и есть люди умные» и «предприимчивые»², отмечает подполковник В.И. Мочульский, все же по большей части «в разные должности там» определялись и назначались люди неподготовленные или же «очерненные» по своей «прежней службе, корыстолюбивые и недостойные»³, которые «отправляются на службу не по благородному побуждению быть полезными обществу, но только притеснительными поборами составить себе в короткое время капитал» и сделать для себя карьеру⁴. По прохождению службы, такие личности, как правило, практически не жили там, не думали о реальных местных потребностях и нуждах Кавказа.

Помимо выше приведенного, сенатор Е.И. Мечников за упущение расценивал и частые перемещения и ротации чиновников по местностям и

¹ Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 212; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859. Тифлис, 1861. С. 73.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912. Л. 34 об.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4493. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 15.

ведомствам¹, а вот В.И. Мочульский, как собственно и ряд других свидетелей эпохи, подчеркивали то, что в мусульманских областях Кавказа, ввиду вражды, неприязни и желаний отомстить за притеснения и обиды прошлого, никак нельзя использовать грузин, но более армян². Пагубность постоянных ротаций офицерских кадров в процессе управления заключалась в том, что заявленные действия мешали вникнуть в суть проблем того или ведомства и предприятия, а, следовательно, должным образом его осуществить. Кроме того, при культурном и этническом многообразии кавказских рубежей³, его специфику и «нравы жителей» возможно распознать лишь только в напряжении ума и только через «годы»⁴.

Тогда, когда на всем протяжении 20-х и 30-х гг. XIX в. имперское командование на Кавказе в процессе управления данным регионом на регулярной основе применяло выше обозначенные методы, оно использовало и целый ряд других системных практик. Как подчеркивает Х.-М.О. Хашаев, «для политики царизма в рассматриваемый период» в деле усмирения и покорения Дагестана «были характерны» такие методы как: «сожжение аулов, истребление населения», посевов⁵, периодические запреты на отправление обряда хаджа⁶, то или иное «оскорбление религиозных» чувств верующих, «расстрелы», крещение заложников-аманатов, систематические «притеснения и аресты», исправительные высылки⁷, отдельные попытки и идеи разоружения горцев⁸, «обложение их тяжелыми контрибуциями», изъятие в казну общественных, а

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 169. Л. 79.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912. Л. 40; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4493. Л. 19.

³ Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 2.

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4493. Л. 17.

⁵ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 45.

⁶ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 35.

⁷ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 45.

⁸ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 517; АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1042-1043.

равно и частновладельческих земель¹, контроль семейно-брачных отношений² и регулирование передачи власти³. Добавим, что, помимо этого, Санкт-Петербургская администрация в процессе покорения пределов Страны гор ни в коей мере «не гнушалась» и «приемов из макиавеллистского арсенала»⁴. При прочих равных ловко «умывая руки» и постоянно, то миря, то сталкивая меж собой как членов одного семейства феодалов, так и владетельных особ вообще, рода и общества, играя их антагонизмами, через подкуп, наущая их внимательно следить и выдавать секреты конкурентов и противников⁵, и также проводя достаточно успешные военно-наступательные действия в пределах горных и равнинных территорий западного побережья Каспия, имперское правительство в конце 30-х гг. XIX в., пусть, правда, только на «бумаге», но увидело, что подчинило своей воле практически «весь Дагестан»⁶. Очевидец той эпохи Ф.И. Гене замечал: «дагестанцы смиряются перед русскими» лишь только, «как непримиримый враг пред победителем», всегда «готовый нанести <...> удар», и то, что «на русских» дагестанцы «смотрят <...> как на похитителей» своей «свободы»⁷.

Важно подчеркнуть, что в период первой половины XIX в. многие военные начальники и гражданские чины Российской империи как и выше обозначенный Ф.И. Гене, видя и понимая хрупкость и шаткость сопряжения Дагестана с Великороссией, искренне полагали, что его полное подчинение

¹ Хашаев Х-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 45; Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. 18. Оп. 1. Д. 212; ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11.

² Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 67-68.

³ Хашаев Х-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 398; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 264; ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 40; ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47.

⁴ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 51.

⁵ Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859. Тифлис, 1861. С. 81.

⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912. Л. 70.

⁷ ИГЭД. М., 1958. С. 337; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912. Л. 73.

метрополии станет возможным лишь только в том случае, если население последнего будет «говорить, мыслить и чувствовать по-русски»¹, и что это во многом возможно «разве только тогда, когда на горах и равнинах» этого региона «водрузится крест и когда вместо мечетей» в нем «воздвигнутся храмы Христу Спасителю»². «Поддержание христианства и распространение его» среди тех народов, «которые склонны к его принятию»³, где «каждый частный начальник, поставленный для управления краем, должен иметь в виду, что кроме чести и славы оружия, лежит на нем» прямая обязанность «споспешествовать духовенству» в его деле⁴, считалось на Кавказе, не чем иным как самым настоящим «священным долгом», и весьма «важной политической потребностью»⁵. Однако данная политика практически никак не задевала дагестанцев. Санкт-Петербургская администрация на том отрезке времени ни в коей мере не стремилась искусственно христианизировать местное население. Отчетливо осознавая, что исламские традиции в пределах Страны гор весьма сильны, что любое посягательство на них лишь только в корне отвернет народы региона от империи, породит жестокое и долгое сопротивление и борьбу, имперская администрация на протяжении первой половины XIX в., как напрямую, так и посредством местных⁶, а также привлеченных мусульманских богословов⁷, напротив всячески старалась подчеркнуть, что «Великий Император Всероссийский не враг», а друг для мусульман⁸. Однако нужно обозначить, что все эти правила всегда имели ряд частных исключений.

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 169. Л. 65.

² МИДЧ. Махачкала, 1940. С. 366.

³ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1069.

⁴ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 5. Д. 496. Л. 2 об.

⁵ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1969.

⁶ Магомедханов М.М. Дагестанцы: вехи этно-социальной истории. Махачкала, 2007.

⁷ Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007; МИДЧ. Махачкала, 1940.

⁸ АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 570; АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 883.

Укрепление и расширение российского присутствия в масштабах Страны гор в первой трети XIX в. происходило постепенно и едва могло охватывать все пространства этого региона одинаково прочно. Данные обстоятельства были главным фактором того, что в то время судебное-правовое обеспечение управления в Дагестане формировалось с применением как общих, так и частных правил. Хотя на том этапе подавляющее большинство всех самых важных преступлений, совершенных в подконтрольных Санкт-Петербургу территориях Северо-Восточного Кавказа, а именно такие как: уличение в государственной измене, нарушение или же отказ от выполнения обязательств присяжного договора, захват и порча казенного имущества, растрата государственных средств, фальшивомонетничество, контрабандная торговля, разбой и находились в непосредственном заведывании российской юрисдикции¹, но все-таки империя еще ни в коей мере не стремилась демонтировать сугубо местные судебные порядки². Верховное правительство не могло и не хотело отменить и обнулить характерные региону правовые нормы³. Но тем не менее, кавказская администрация работала над тем, чтобы структурировать и упорядочить и даже заблокировать адат и шариат⁴. При этом на всем протяжении первой половины XIX в. подконтрольные империи пространства Страны гор (с формированием из них стандартно-типовых военных округов), в зависимости от своих географических координат, находились в ведомстве близлежащего и подчиненного верховной ставке на Кавказе, закавказского или предкавказского военного начальства⁵.

Как о том говорилось ранее, в 20-х, а еще более 30-х гг. XIX в., в результате проведения целого ряда военных и дипломатических мероприятий,

¹ Хашаев Х-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

² ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24.

³ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. С. 164.

⁴ ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24.

⁵ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 322; Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. IV. Ч. II. Тифлис, 1908.

абсолютно все территории современного Дагестана так или иначе стали подчинены имперской власти. Однако на том отрезке времени представленная власть могла реально контролировать лишь только низменные и предгорные районы¹.

Как на то прямо указывают различные историографические изыскания, основные силы и ресурсы армии в пределах Северо-Восточного Кавказа тогда, как и ранее, оставались сосредоточены в его плоскостных и предгорных территориях². Данное обстоятельство и являлось главным фактором их должного контроля и залогом поддержания порядка³.

Подводя итоги, отметим, что, хотя в очерченный рубеж кавказская, а значит и общеимперская администрация и стали контролировать все дагестанские владения и общества, заявленная подконтрольность была не одинакова (в горах гораздо меньше, чем на равнине). В отличие от равнины, в пределах горных территорий Санкт-Петербург тогда еще не мог на должном уровне реализовывать все нужные для себя программы. На протяжении 20-х и 30-х гг. XIX в. политика империи в отношении Страны гор развивалась в целом по лекалам предыдущего этапа, но при новых вызовах она имела более решительный и действенный характер. Кроме того, значимым сдерживающим русификацию территорий фактором была нехватка квалифицированных управленческих кадров на местах, незнание культуры и местных обычаев, пренебрежение устоявшимися традициями и спецификой коммуникаций между отдельными обществами, владениями, территориями.

1.3. Опыт гражданского и военного управления Дагестаном в 40-х и

¹ Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 80-87.

² Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; Блиев М.М. Россия и горцы большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

³ МИДЧ. Махачкала, 1940; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 322.

50-х гг. XIX в.

При условии, что в первой трети XIX столетия «русское владычество» на Кавказе «утверждалось постепенно», «что было главным фактором» того, что имперская администрация «руководствовалась» там лишь только «отрывочными» и «разновременными составленными положениями»¹, и ввиду того, что «разновременно учрежденные управления как на Северном Кавказе, так равно и в Закавказье», в ту пору «носили более или менее неопределенный характер», где права и обязанности «лиц, состоящих во главе высшего управления» и их взаимные «между собой отношения», как и «степень подчиненности средних и низших инстанций» не были строго определены, то это «управление страдало» от отсутствия «единства»².

Такие видные представители той эпохи, как сенатор Е.И. Мечников и П.И. Кутайсов, граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, как собственно и многие другие полагали и усиленно настаивали на том, что все эти неудобства можно устранить лишь только с утверждением на Кавказе форм полит-организации по типу внутренних губерний³. «Ввиду разнообразных взглядов на этот предмет»⁴ и ввиду того, что «вновь назначенный» в 1831 г. главнокомандующим Кавказским корпусом, а значит и главным управителем региона барон А.А. Розен в момент своего нахождения на этом посту «отвергал возможность введения в Закавказье русского гражданского управления и ходатайствовал об оставлении на время, по крайней мере» в его «некоторых областях военного управления»⁵, Санкт-Петербург тогда и не форсировал событий.

Однако по крайне неожиданному замещению А.А. Розена в 1837 г. Е.А.

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 401.

² РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 102.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 169. Л. 9 об; Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 67.

⁴ Там же. С. 68, С. 73.

⁵ Там же. С. 68.

Головиным в кругах правительства «блестящую» победу одержала фракция, которая усиленно стремилась реализовать повестку выше обозначенных программ. С 1837 г. провинции Кавказа начинают обустроиваться строго по лекалам коренных губерний внутренней России.

Если в 1837 г. имперское правительство лишь только сформировало особую комиссию по изучению всех возможных обстоятельств потенциального перевода кавказских территорий в ведомство гражданской администрации, а в 1838 г. эта комиссия, находящаяся под председательством барона П.В. Гана, наспех выработала этот проект, то 10 апреля 1840 г. последний, несмотря на это, получил реально действенную силу¹. Согласно данному проекту, управление Кавказом «с учинением этой должности вновь» взамен главнокомандующего кавказским корпусом было «предоставлено главноуправляющему», на которого, как свидетельствует документ, в ту пору возлагалось «заведывание всеми гражданскими и пограничными делами» вверенного ему края, «председательство в Совете Главного Управления, командование Кавказским корпусом» и многое другое². Обязанности и права главноуправляющего на Кавказе устанавливались в строгом соответствии с порядками и правилами, закрепленными за губернаторами «внутренних губерний»³. Однако, в отличие от них, он (т.е. главноуправляющий) в особых случаях, и в частности, когда хоть кто-то из чиновников на месте не был должно компетентен или же тогда, когда решение того или иного министерства или ведомства не соответствовало нуждам края и не учитывало тех или иных его специфик, был правомочен отстранить любого исполнителя от должности и наложить на министерские решения запрет⁴.

¹ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 68-77.

² РГИА. Ф.727. Оп. 2. Д. 82. Л. 102-103; Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. IV. Ч. II. Тифлис, 1908.

³ РГИА. Ф.727. Оп. 2. Д. 82. Л. 103.

⁴ Там же. Л. 102-104.

По мнению С.С. Эсадзе, с 1840 г. в Закавказье разом прекратили действовать все прежние, произведенные для данного региона изъятия и стали применяться только правила и нормы управления, присущие для «внутренних губерний»¹.

Тогда, когда разработанная сенатором П.В. Ганом широкомасштабная программа переустройства кавказских территорий, несмотря на их многочисленные особенности и специфики, была в равной мере предназначена абсолютно для всех его провинций и областей, она предназначалась и для Дагестана. Даже несмотря на то, что барон А.А. Розен во время пребывания его на посту главнокомандующего Кавказским корпусом в 30-е г. XIX в., назидательно увещевал о том, что ни «земли, управляемые» в этом регионе «своими наследственными особыми владетельными князьями и ханами, права коих им Высочайше сохранены и утверждены», ни тем более «вольные общества», в которых и вовсе еще нет «никакого российского управления» и, «из которых иные нам вовсе еще непокорны», а «другие только что полупокорны», и в «которых вообще влияние наше поддерживается» лишь только «одной военной силой», еще вовсе не готовы к восприятию общероссийских законов, и при условии, что подобные перемены могли бы быть произведены в Дагестане лишь только «со временем, а не теперь», где в «противном случае» последние лишь только спровоцировали бы «сильные беспокойства и смятения», которые было бы нужно «прекращать оружием»². Несмотря на это все в масштабах Страны гор в очерченный рубеж *de facto* стали утверждаться новые порядки. А также новые стандарты управления.

Отметим, что при малоэффективной подготовке к этим переменам³ Дербентская, а также Кубинская провинции при новом их обозначении уездами,

¹ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 75-76.

² МИДЧ. Махачкала, 1940. С. 368-369.

³ Там же. С. 411.

и с отнесением к первому кайтагских, табасаранских и улусских территорий, а к последнему самурских вольных обществ – в виде округа – вошли в состав вновь сформированной в 1840 г. Каспийской области¹, в границах которой Петербург в ближайшем будущем рассчитывал ввести все как уездные, так и губернские учреждения, и в целом общепринятую для России административно-правовую власть². А в случае успехов в деле начатого реформирования ввести губернскую форму управления и в других частях Дагестана.

Хотя в надеждах и планах абсолютно всех идейных лидеров и организаторов кардинального переустройства дагестанских и кавказских территорий на новый лад, их программы действий после своей реализации должны были обернуться не чем иным, как самым настоящим широкомасштабным успехом, однако, данные мероприятия, по большей части, завершились полным и безоговорочным провалом.

Как отмечает очевидец и непосредственный участник событий Кавказской войны Р.А. Фадеев, если «в Грузии новые учреждения» в момент их введения «далеко превышали потребность ее общества <...> и только напрасно удвоили расходы управления», то «в восточной половине» кавказского края «они, кроме того, привели дела в хаотическое состояние, проясняющееся только на казенной бумаге», где «управляющие и управляемые, как после вавилонского столпотворения», в сравнении с прошлым, вовсе «перестали понимать друг друга»³. «Неподготовленность народа к новым порядкам и к тем понятиям, на которых эти порядки основаны, полное противоречие между правительственными и народными взглядами на правовые отношения» в Дагестане, как свидетельствует документ Российского государственного исторического архива, в момент реформ «имели последствием то, что горцы»

¹ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 37; История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 62.

² Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 77.

³ Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 252.

данного региона, «совершившие деяния, по нашим (т.е. российским) законам преступные, а по их понятиям вполне дозволенные и даже похвальные, во избежание наказания удалялись в вольные горские общества, которые принимали беглецов, как гонимых за правое дело» и весьма «охотно»¹. Данные факты убедительно доказывают то, что «благие намерения» и расчет на скорое и безболезненное утверждение новых форм и институтов управления и власти в Дагестане, как равно и на Кавказе, не привели к фурору, а лишь наоборот обеспечили плачевный результат. В отношении Страны гор поспешные решения и действия властей, помноженные на просчеты прошлого, детерминировали не скорейшее успокоение и умиротворение края, а наоборот, масштабное и долгое вооруженное сопротивление².

Не имевшие под собой никаких реальных перспектив и предпосылок, весьма и весьма преждевременные и поспешные действия властей, нацеленные на самое скорое водворение в пределах дагестанских рубежей гражданских институтов власти, детерминировали там масштабные протесты. Если на всем протяжении первой трети XIX в. как ввиду общего недовольства кавказской политикой, так и ввиду многочисленных претензий дагестанских феодальных владетелей и вольных обществ на те или иные притеснения или же упущения кавказской администрации, в Дагестане то там, то здесь происходили отдельные, но все-таки еще весьма мало скоординированные и оттого относительно легко подавляемые выступления и мятежи³, то в дальнейшем они слились в единую и хорошо организованную силу⁴. В 40-х - 50-х гг. XIX в. «движение мюридизма» освободило от российского присутствия и управления

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 34 об.

² Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Бадели Джон Завоевание Кавказа русскими, 1720-1860. М., 2010.

³ МИДЧ. Махачкала, 1940; АКАК. Т. I-VII. Тифлис, 1866-1878.

⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Бадели Джон Завоевание Кавказа русскими, 1720-1860. М., 2010.

практически всю нагорную Чечню и Дагестан¹. Также в данный период времени имперское влияние на Северном Кавказе пошатнулось и в предгорных и равнинных зонах².

Как это отмечает С.С. Эсадзе, в 1842 г. в виду «нескончаемых потрясений на Кавказе», в основном обусловленных введением в его пределах «новой системы управления»³, Санкт-Петербург с образованием комиссии, подверг новую систему управления ревизии и тщательному пересмотру. Прямым результатом данных действий стало то, что руководивший и во всем координировавший деятельность этой комиссии министр обороны кн. А.В. Чернышев «в силу предоставленной» ему «власти» и предварительно «убедившись в справедливости» подавляющего большинства «дошедших до него заявлений», в том же году в ряде кавказских местностей «восстановил пресеченное там действие обычного» и исламского «права», а «некоторые же местности Закавказского края» напрямую «изъял из гражданского управления», «подчинив их военному начальству, а на руководящие должности взамен» мало знакомых с кавказским бытом гражданских чиновников, «назначил опытных строевых штаб-офицеров» Кавказского корпуса, и «предоставил» им право «замещать по своему выбору всю администрацию» в подведомственном им районе⁴. Заметим, что эти действия властей затрагивали Дагестан.

Отчетливо увидев пагубность тотальной губернизации, унификации Кавказа и то, что подобные мероприятия во многих местностях последнего лишь только пробудили дух недовольствия, кавказская, а равно и общеимперская администрация по завершению 1842 г. отказалась от подобных

¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Мухаммед-Тахир Аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. Ч. I. Махачкала, 1990.

² Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Баканов А.В., Сидненко Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) // Клио. 2023. № 8 (200). С. 82-89.

³ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 78.

⁴ Там же. С. 78.

мер. С этого времени и вплоть до окончания Кавказской войны укоренение общеимперских законов и порядков на Кавказе осуществлялось только там, где власть империи была доподлинно сильна, а там, где эта власть была слаба, чиновники на время отказались от подобных практик¹.

Если действия и реформы, произведенные в 1842 г. особой комиссией во главе с министром обороны кн. А.В. Чернышевым, являлись пусть и весьма важными, но тем не менее лишь только первыми и экстренными мерами имперского правительства на пути исправления тех ошибок, которые были им совершены на Кавказе с приведением в жизнь программы сенатора П.В. Гана, то данный курс естественно был продолжен.

В 1845 г. ввиду проведения новой волны территориально-административных и политических преобразований на Кавказе, в последнем, как свидетельствует документ, «произошли существенные изменения в организации» его «Главного Управления», а «высочайшим рескриптом от 30 января» все того же года «на имя генерал-адъютанта графа Воронцова», с возведением его в должность первого кавказского Наместника, «было возложено, вместе с званием главнокомандующего войсками на Кавказе» и, «главное начальство над» его «гражданской частью...»². Заметим, что с этого времени «все дела по Закавказскому краю», до того «подлежавшие» прямому ведомству и «разрешению министров» были у них изъяты и целиком и полностью «предоставлены на усмотрение Наместника»³. Помимо этого, для «водворения в Закавказском крае прочного устройства, соответствующего местным обстоятельствам», нуждам и потребностям жителей, для «предварительного рассмотрения и соображения», корреляции региональной и верховной власти, при председательстве «Военного Министра», «в составе всех

¹ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 105; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

² РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 107.

³ Там же. Л. 108.

других министров и ряда прочих высших лиц» империи, в Санкт-Петербурге «учинялся особый орган управления – Кавказский комитет»¹. «В этот комитет вносились» только те «дела», которые своей повесткой «выходили из пределов» ординарной власти².

Если в непродолжительный период 1842-1845 гг., а по инерции и в последующие два или три года на Кавказе происходили постоянные и многочисленные структурные преобразования и территориально-административные изменения, то они происходили и в Дагестане. Как отмечает Х.-М.О. Хашаев, уже в 1846 г. при предварительном упразднении Каспийской области, «для управления Дагестаном» в дополнение к уже существовавшим там управленческим подразделениям и должностям, была с формированием Дербентской губернии «установлена должность военного губернатора с резиденцией в г. Дербент»³ а «8 ноября 1847 года бывшие до того отдельные управления Дербентского военного губернатора, командовавшего и войсками в Южном Дагестане, и управление начальствовавшего в Северном и Нагорном Дагестане» были поручены «одному лицу под названием командующего войсками во всем Прикаспийском крае и управляющего в оном» и «гражданской частью»⁴. Последний (т.е. Прикаспийский край) подразделялся на уездные и окружные управления.

Будучи образован в 1847 г., Прикаспийский край просуществовал до образования Дагестанской области (1860) и включал в себя северные территории Азербайджана и с исключением северных районов равнинный, предгорный, а частью и нагорный Дагестан⁵. Кроме тех территорий, которые тогда относились к Имамату.

¹ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 104-105.

² Там же. Л. 104, Л. 108.

³ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 38.

⁴ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 423; Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. IV. Ч. II. Тифлис, 1908.

⁵ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 423-424.

Тогда, когда «подчинение народа нашим (т. е. общеимперским) порядкам и законам» в Дагестане, с претворением в жизнь программы сенатора П.В. Гана «более или менее совершилось <...> только в г. Дербент (1840 г.) и в принадлежащем к нему Улусском магале», то в остальных частях этого региона в 40-х - 50-х гг. XIX в. в вопросе управления остались применимы прежние методы¹.

«Если бы нерасположение к нам дагестанских» народов, «признающих покорность нашим властям, не отражалось в то же время на отношениях наших к полупокорным и непокорным нам горцам», пишет непосредственный очевидец и участник Кавказской войны кн. Г.Д. Орбелиани, «если бы общества тех и других не жили близко и не были тесно связаны между собой одной религией», – продолжает все этот же автор, – «то мы могли бы пренебречь неудовольствием народа и, не ожидая пособия времени, во имя общечеловеческих прав, заставить покорные нам» общности «силой отрешиться от обычаев»². Но так как «всякое мероприятие наше, как бы оно ни клонилось к благу самих жителей покорных нам частей Дагестана, если только оно не сообразно с духом и характером их и по рановременности своей еще непонятно им, порождает сильное неудовольствие, которое в скором времени передается недовольными в полупокорную и непокорную часть Дагестана в виде угнетения и посягательства нашего на священные народные права, отдаляя более и более сближение наше» с горцами, «и тем самым увеличивает жертвы, приносимые упрочению нашему в этом крае»³, то, понимая это, Петербург отказывается от подобных практик. Повторим, что залогом этому был прошлый негативный опыт.

Поняв, что «популярность наша» в западно-каспийском крае

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 35 об.

² АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 425-426.

³ Там же. С. 426.

«продолжается» при сохранении автохтонных институтов управления, и исчезает с их отменой¹, имперское правительство в 40-х - 50-х гг. XIX в. стало действовать в этом регионе нестандартно², учитывая интересы и запросы местных сил, сочетая военно-административные практики и автохтонные политические выработки и институты³.

Важно подчеркнуть, что хотя «в долгий период непрерывных военных действий», стартовавших в пределах Северо-Восточного Кавказа с началом XIX столетия, а «закончившихся» только «в 1859 г. падением власти Шамиля», пусть и при некоторых частных исключениях из этого правила «главное кавказское начальство», еще не обращало должно-нужного «внимания на изучение внутреннего быта и склада понятий тех горцев, которые» тогда «волею или неволею признавали над собой власть» империи, то, естественно, что все «неблагоприятные» для этой «власти явления», встречавшиеся в тот период времени в этом регионе, списывались и относились то на «злоупотребления приставов», то на «случайные появления какого-нибудь фанатического проповедника», или же на «саму сущность характера горцев», на которых, в ту пору «смотрели» только «как на прирожденных хищников, не знающих другого дела кроме разбоев и грабежа» и «неспособных подчиняться какому бы то ни было порядку...»⁴.

Однако следует отметить, что «уже незадолго до покорения Восточного Кавказа», с началом 50-х гг. XIX столетия, «внимательное рассмотрение быта горских обществ показало», что все они «имеют своеобразную» и «издавна

¹ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 322. Л. 7.

² Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865; Фадеев. Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

³ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. IV. Ч. II. Тифлис, 1908.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 34.

установившуюся и прочную внутреннюю организацию»¹, что у последних «с давних пор», сложилось «до некоторой степени организованное» и основанное на выборных началах «сельское управление»², что все они «управляются своими особыми обычаями»³, которые, как свидетельствует уже другой документ, на том этапе эволюции «обнимали все возникающие у них гражданские и уголовные правоотношения»⁴, и вот только тогда у верховного командования «явилось убеждение, что коренная причина неудач наших в управлении горцами лежит» не только в только что отмеченных явлениях⁵. Бесспорно, на том отрезке времени причина неудач лежала «гораздо глубже»⁶.

Добавим, что при ясном понимании того, что горцы Северо-Восточного Кавказа, помимо прочего, так долго и настойчиво противодействуют верховному правительству, во многом только потому, что последнее в своих решениях и практиках по управлению данным регионом в 20-х и 30-х гг. а частью и в 40-х гг. XIX в. по большей части не учитывало местные традиции и жизненный порядок и вмешивалось в местные устои, с наступлением 50-х гг. XIX в. имперская администрация стала их учитывать, а также изучать. В итоге данная тенденция породила позитивный опыт управления территорией.

Прежде чем приступить к представлению управленческой модели, которая в 50-х гг. XIX в. изначально нашла свое прецедентное, а потом и достаточно широкое применение в пределах Северо-Восточного Кавказа и, в сравнении с прошлым, принесла имперскому правительству весьма осязаемые успехи в деле управления, отметим, что до этого, как собственно и весь Кавказ, пределы дагестанских гор являлись местом проб, а также нескончаемых экспериментов⁷. «При всем том заметно,

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 35.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 417.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 35 об.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 415.

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 35.

⁶ Там же. Л. 35.

⁷ Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 250.

что у нас там были и есть люди умные» и «предприимчивые», подчеркивает уже не раз цитированный подполковник В.И. Мочульский, а «гениальные мысли и намерения их превосходны», однако «всякий шедший туда» в первые десятилетия выше обозначенного столетия, «создав себе великолепный план в России, прибывал на Кавказ» с одной единственной мыслью и «самыми пылкими надеждами на то, что все, что сделано там до него», является негодным¹. «Системы не было никакой», а все «те изменения, которые» тогда «там непрерывно» вводились, настолько «часто сменяли одно другое», что «народ» в ту пору «потерял» к ним всякое «доверие»².

Отметим, что с началом XIX в. и далее имперская администрация по сути лишь знакомилась с Кавказом, только подбирала и с нуля выстраивала механизмы управления данным краем³, а далее – в 50-х гг. XIX в., учитывая достижения и провалы прошлого, отладив корреляцию структур внутри Наместничества, а также региональной и верховной власти, она уже работала на результат⁴. С очерченного рубежа политика России на Кавказе уже являла не набор разрозненных и необдуманных ходов и мер, а в большей мере строгий прагматизм и строгую рачительность.

Доподлинно увидев и убедившись, что во всех селениях «Дагестана и Чечни» испокон времен существовало пользовавшееся «большим значением в народе» и «значительной самостоятельностью» весьма организованное «сельское управление»⁵ и, понимая, что, «прежде чем выработанная» самой «историей» та или иная

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912. Л. 34 об.

² Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 251; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4493. Л. 18.

³ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; История Дагестана. Т. II. М., 1968; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Бадели Джон. Завоевание русскими Кавказа. М., 2010; Фадеев. Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 35.

«общественная форма, со всем ее духовным складом, без остатка» или же частично «перельется в другую»¹, сначала должен пройти значительный временной отрезок, имперское правительство с 50-х гг. XIX в. в вопросе управления Дагестаном и Чечней все больше стало исходить из практик синкретизма.

Следует отметить, что с началом этого десятилетия имперская администрация во всех дагестанских и чеченских обществах, уже находившихся или еще только переходящих под власть империи, ввела такое управление, по которому, «русское начальство» в этих последних стало заботится лишь только о вопросах «главного управления», а «суд же» и «земское управление», пусть и при некоторых ограничениях, остались там своими². Заметим, что в течение непродолжительного времени данный подход не иначе как «раскрыл глаза непокорным горцам» и убедил их в том, что под властью русских они смогут найти не менее, а возможно и гораздо более «справедливости и благосостояния», нежели «чем под законом» их «единоверцев»³. При этом широкому признанию представленной модели управления на том отрезке времени, помимо ее мягкости и гибкости, способствовало также то, что в представленную фазу в состоянии прогрессирующего кризиса и истощения военных и экономических, а равно и людских ресурсов находился оплот сопротивления «политике царизма» на Кавказе, – Имамат⁴.

¹ Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 212.

² Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 80.

³ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1112.

⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Газигумуки ад-Дагистани. Краткое изложение подробного описания дел Имама Шамиля. М., 2002; Гасан-Эфенди Алькадари. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994; Мухаммед-Тахир Аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. II. Махачкала, 1990; Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1999; Баканов А.В. Вехи Кавказской войны: военные события в Дидо 1857-1859 гг. (историко-этнографическое исследование) // Клио. 2024. № 5 (209). С. 92-111.

При этом резюмируя, отметим что окончательное и бесповоротное включение всех пределов Дагестана в состав России произошло лишь только с прекращением существования Имамата 25 августа 1859 г. и то, что до этого Санкт-Петербург так и не смог установить в его периметрах единый механизм и принцип государственного управления.

Итак, первая половина, а точнее первые шесть десятилетий XIX в. стали тем временным отрезком, когда абсолютно все дагестанские территории были интегрированы в общероссийское пространство.

Данный процесс разделялся на три взаимообусловленные этапа, где первый из них охватывал первые годы этого столетия, и по сути заключался в усилении российского влияния в данном регионе. На данном историческом этапе абсолютно все феодальные владения, да как собственно и многие вольные общества дагестанского периметра по принесению верноподданнической присяги стали выступать вассалами России. В эту пору имперская администрация, при сохранении всей полноты власти в политических образованиях Дагестана в руках их природных владельцев или же выборных старшин, за пресечением их внешнеполитической активности, еще практически никак не вмешивалась в их внутренний уклад, а лишь единственно заботилась о поддержании внешнего порядка.

На втором этапе, а именно в 20-е и 30-е гг. XIX в. Российская империя укрепила в этом регионе настолько, что уже могла контролировать все части Дагестана. На данном отрезке времени многие территории и политические образования этого последнего были присоединены к империи, стали представлять собой общероссийское пространство. Тем не менее, и на этом этапе имперская администрация в управлении Дагестаном продолжала делать ставку на местные политические элиты, и не спешила проводить губернизацию

Восточного Кавказа. Однако в отличие от прошлого, в эту пору Санкт-Петербург уже открыто вмешивался во внутренний уклад своих присяжников, а подотчетные Российской империи старшины и феодальные владетели Дагестана все больше стали представлять собой администраторов на русской службе.

В 40-е и 50-е годы XIX в. Российская империя освоила уже весь Дагестан. В представленный этап система государственного управления дагестанскими пространствами, за исключением г. Дербент, Улусского Магала, где в 1840 г. была утверждена модель гражданской подотчетности, как собственно и ранее, была основана на методах и практиках так называемого косвенного управления.

Исторически управление Северным Кавказом представляло для российского государства значительные трудности в силу национальной, религиозной и ментальной специфики данного региона. Факторами, препятствующими быстрой политической интеграции региона, была его полиэтничность, поликультурность и поликонфессиональность. Попытки силового решения государственных вопросов на Северном Кавказе в целом, и в Дагестане в особенности, были неэффективны, поэтому приходилось вести политику иного рода, кулуарно продвигая свои территориальные и политические интересы. Используемый нами термин «Страна гор» для характеристики территории Дагестана, планомерно включаемый в делопроизводственную практику Российской империи, имеет сугубо исторический смысл. Поскольку используемое название «Дагестан» (в переводе «Горная страна») с XV в. применялось для определения не только горных территорий, но и, позднее, Кизляра, Кумыкских равнин и ногайских степей.

При анализе российской политики на Северном Кавказе в изучаемый период необходимо учитывать конкретно-историческую ситуацию, специфика которой была в чрезвычайной этнической пестроте и широкомасштабной, еще с XV века, исламизации горцев. В рамках государственно-территориального управления исламизация горцев становилась управленческой проблемой для

Российской империи. Противостояние частично выстраивалось путем ведения процесса христианизации Кавказа. На территории России ислам никогда официально не запрещался, однако переход лиц любых вероисповеданий в православную веру всегда приветствовался. Более того, принятие православия представителями разных народов, в том числе кабардинцев, осетин и других горцев, облегчало движение вверх по гражданской и военной службе. В Дагестане процесс христианизации населения не нашел должного отклика, практически во всех горских обществах управление осуществляла родовая власть, важную роль продолжали играть институты старейшин и народных собраний, компетенции которых были четко определены.

Основными направлениями государственной политики Российской империи на Северном Кавказе, включая территориально-административное развитие Дагестана в составе империи, в первой половине XIX в. стали: 1) установление различными способами контроля российских властей над горской аристократией и горским самоуправлением; 2) создание собственно российских военно-административных органов, занимающихся управлением территорией.

ГЛАВА 2. ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

2.1. Образование и территориально-административное устройство Дагестанской области: 1860-1917 гг.

К моменту полной и бесповоротной интеграции абсолютно всех дагестанских территорий в состав общероссийского пространства, имперская система управления последними страдала от отсутствия единства¹. Как отмечается во втором томе академического издания «История народов Северного Кавказа» «до 60-х годов XIX в.» в Дагестане «не было единой системы административного деления»², а «входящие» в состав этого региона «земли» к 50-м годам данного столетия в плане своей подчиненности «были разделены на три части», где в прямой зависимости от географического месторасположения одна из них относилась «к Левому Крылу Кавказской линии», другая «к Лезгинской Кордонной Линии», а третья к «Прикаспийскому краю»³. К 60-м годам XIX в. на территории Дагестана так же, как и прежде, «продолжали существовать» подконтрольные Российской империи «феодалы с собственным внутренним управлением, а также целый ряд союзов сельских обществ»⁴. В Дербенте и Улусском магале функционировала адаптированная к местным жизненным условиям⁵ общеимперская – гражданская администрация и власть⁶. Также она присутствовала в Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровске.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6677. Л. 16.

² История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 207.

³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 168. Л. 2.

⁴ История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 119; Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1904.

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 35 об.

⁶ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 423-427.

С окончательным включением Дагестана в состав России в его пределах наметились тенденции к масштабным управленческим и структурным переменам. «Начало новому административному устройству» данного региона было положено особым положением от 5 апреля 1860 г.¹, согласно которому в целях введения единообразия, в целях «дать общее направление» всем правительственным мероприятиям и «мерам, принимаемым к благоустройству» Дагестана и развитию «нравственного и материального быта» его «населения», «для отвращения той невыгоды, что разделение этого «края между» различными «управлениями» и ведомствами может в последующем способствовать «беспорядкам» и чехарде² и при предварительном упразднении всех линейных администраций и администрации Прикаспийского края³ «в восточной части Кавказа сообразно с местными» нуждами и «потребностями», но в виде предварительного опыта на три года была образованна Дагестанская область⁴. Как свидетельствуют архивные источники, в момент своего образования данная область, при выделении Кубинского уезда в состав Бакинской губернии, а равно и периметров Засулакской Кумыкии и части Салатавского вольного общества в состав Терской области, составлялась из всех прочих «частей бывшего Прикаспийского края», а также бывших частью Имамата дагестанских горных территорий⁵. Устойчивой границей этой области на востоке выступало побережье Каспия, с запада русло Андийского Койсу, а с 1863 г. линия Андийского хребта⁶ при переходе к главному Кавказскому хребту, а с юга пограничной линией являлось среднее и нижнее течение Самура, на

¹ История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 119; РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 168.

² Там же. Л. 1-2.

³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390. Л. 1-2.

⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 168. Л. 1-3.

⁵ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 168. Л. 6-7; РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390. Л. 4; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а. Л. 5.

⁶ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1027-1029.

севере течение р. Сулак¹. Образованная в виде предварительного опыта до 1863 г.² область, подтвердив свою необходимость, объединила территории Дагестана до 19-го января 1921 года (далее Дагестанская Автономная республика в составе РСФСР).

Согласно источникам, в момент образования Дагестанской области система управления последней разделялась на гражданскую и военную администрацию, где в ведении первой находилось «градоначальство Дербентское с Улусским магалом и управление портового города Петровска», а в ведении последней «все прочие земли» данной территориально-административной единицы, которые на том отрезке времени подразделялись «на четыре военные отдела» под названием Северного, Среднего, Южного и Верхнего Дагестана, где каждый включал в себя как феодальные, так собственно и окружные управления³.

Как отмечает С.С. Эсадзе, «учитывая многочисленные особенности» и специфики края, «кн. Барятинский при составлении нового Положения» об организации новообразованной области «требовал, чтобы» ее управленческая модель «основывалась: на оставлении гражданского управления только там, где оно уже действовало беспрепятственно; на полном поддержании ханской власти всюду, где она существовала; на устройстве в остальных частях» этого региона такого управления, которое бы», не исключая во всем государственного интереса, «сохраняло уважение к личности и к старинным сословным и поземельным правам горцев», <...> «отправляло суд и расправу преимущественно по народным обычаям, и предоставляло духовенству только те дела», которые оно решало до начала «мюридизма»⁴. Представленное «Положение» утверждалось лишь как временная мера. Уже в 60-х гг. XIX в.

¹ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1027-1029; См. приложение А.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 168. Л. 2.

³ Там же. Л. 7; РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390. Л. 8; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а. Л. 9.

⁴ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. С. 184.

имперская администрация произвела в пределах новообразованного региона целый ряд структурных преобразований и реформ. В большинстве своем они затрагивали вопрос модернизации, а также унификации военных управлений.

В момент своего образования Дагестанская область была разделена на два гражданских управления, где первым выступало Дербентское градоначальство, а вторым самостоятельное управление портовым городом Петровск и четыре военные отдела, которые, как на то указывают множественные разработки дагестанской историографии, в ту пору охватывали Тарковское, Мехтулинское, Кюринское, и восстановленное в 1859 г. Аварское владения, отдельное Присулакское наибство, Бежтинский, Гунибский, Самурский, Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский, и Даргинский округ¹.

Отметим, что за исключением последних двух², на том отрезке времени все только что представленные округа делились на наибства. Наибства Дагестанской области, как собственно в момент ее образования, так и далее, формировались или из ряда обособленных, но близко расположенных друг к другу, имеющих культурно-историческую общность нескольких больших селений с их отселками, или целено-монолитных территорий отдельных самостийных вольных обществ Страны гор³. В своей градации любое из наибств пределов Дагестанской области устойчиво стратифицировалось на отдельные общины.

Продолжая и развивая мысль относительно территориально-административного устройства Дагестанской области в момент ее образования, отметим то, что изначальная ставка имперского правительства на сохранение и восстановление в пределах данного региона всех вышеперечисленных

¹ История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 208; История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 119-120; Хашаев Х-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 65; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 274; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 144.

² ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 77; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 24.

феодалных владений и не дробящихся на наместничества феодалных управлений Кайтага, Северной и Южной Табасарани, а также Акушинской конфедерации¹, во многом объяснялась тем, что в момент образования области Санкт-Петербург стремился сохранить и поддержать в ее периметрах порядок.

На всем протяжении периода полномасштабных военных действий в пределах Северо-Восточного Кавказа, подавляющее большинство дагестанских природных владетелей², отрабатывая гонорар «в поте лица», служили имперскому правительству в деле завоевания и умиротворения своей же собственной Родины³, в связи с чем поспешный и неподготовленный демонтаж их прав в момент образования области, как виделось властям, имел все основания их озлобить. Санкт-Петербург на том отрезке времени, осознавая силу прошлого, ни в коей мере не хотел детерминировать и спровоцировать в пределах Дагестана нового конфликта⁴.

Но все-таки, хотя верховное правительство и приняло решение оставить все вышеперечисленные феодальные образования и управления частью новообразованного региона, оно формировало условия, чтобы упразднение этих величин осуществилось в самом скором будущем, причем не директивно-принудительным, а, так сказать, естественным путем⁵. Демонтаж произошел в 60-х гг. XIX в.

Важно подчеркнуть, что в момент образования Дагестанской области административно-правовой ресурс всех местных феодалных владетелей был крайне ограничен. К примеру, являвшиеся прямыми потомками бывших

¹ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 9-а. Л. 1-15; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а. Л. 1-5.

² АКАК. Т. V-XI. Тифлис, 1873-1888.

³ Там же; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

⁴ Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859. Тифлис, 1861. С. 70-71.

⁵ Линдер В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917. С. 108.

владельческих родов управитель Кайтага, управители Южной и Северной Табасарани, выборные кадии 6-ти вольных обществ, составлявших Акушинскую конфедерацию, хоть и имели некоторые низовые полномочия и прерогативы, но в ту пору все они были целиком и полностью подчинены окружному начальству¹, а во всех ханствах и Шамхальстве Тарковском имелся особый помощник из числа штаб-офицеров имперской армии, который более самих владельцев определял «погоду» в их владениях². Все феодальные владения и управления на том отрезке времени, не делясь на наибства, дробились на общины. Причем ханства и Шамхальство были отнесены в тот или иной отдел лишь только в военном отношении, а в отношении гражданском они, как и в первой половине XIX в., имели свою особую администрацию и словесный суд³. Однако пользуясь тем, что в 60-х гг. XIX в. народонаселение всех феодальных владений Дагестана стало на регулярной основе приносить обоснованные жалобы на поборы и притеснения своих управителей⁴, и не имело ничего против введения у них военно-народной администрации⁵, имперское командование на Кавказе реализовало план-проспект по упразднению этих управлений.

Как на то указывают множественные источники, а также целый ряд историографических изысканий, уже в 1861-1863 гг. в пределах Страны гор под предлогом добровольного отказа их правителей от власти, планомерно и последовательно были демонтированы Кюринское и Аварское ханства, а далее, в 1866 г. все бекские управления Кайтаго-Табасаранского округа, а через год

¹ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 9-а.

² АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 435; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 9-а.

³ Там же; История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 120-122; Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 66-67; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 273-274.

⁴ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 9-а.

⁵ Там же.

Акушинская конфедерация, Мехтулинское и Тарковское владения¹ и Присулакское наибство². По упразднению всех вышеперечисленных образований и объединений, имперскими властями на Кавказе, их родовым владетелям и управителям, а также их ближайшим родственникам, за понесенные утраты и моральные издержки в качестве компенсации передавались как принадлежащие им до этого, так собственно и новые обширные земельные уголья, прочие подарки и имущество, а также назначался соответствующий их статусу и рангу пенсион³. Представленное реформирование Дагестанской области не встретило никаких хоть сколько-то существенных препятствий.

Следует отметить, что чрезмерное возвышение и облагодетельствование местных, т.е. кавказских, а в нашем случае дагестанских владетелей, имело для России целый ряд не просто негативных, а чудовищно-катастрофических последствий. Как на то прямо указывал в официальном отчете на имя Императора Всероссийского Александра III в 80-х гг. XIX столетия первый главноначальствующий гражданской частью на Кавказе кн. А.М. Дондуков-Корсаков: «признанием прав собственности на населенные земли за» ханами, «беками и агаларами», а также прочими преференциями и благоволениями в адрес этих последних в первой половине XIX в. «имелось в виду создать в мусульманских провинциях» Восточного Кавказа «высшее сословие, на которое Правительство могло бы опираться и при посредстве которого влиять на воинственное, в то время враждебно к нам настроенное мусульманское население». «Между тем в конечном итоге» эти меры и действия привели «к

¹ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 9-а; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 275; История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 122; История народов Северного Кавказа: XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 207; Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 66; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 140.

² Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 69; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 275.

³ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 9-а.

самым неожиданным и печальным результатам», так как, «получив официально значение высшего сословия, беки и агалары очень скоро оказались самым неблагонадежным элементом, нарушающим спокойствие и безопасность в крае», где последние, «кроме непосредственно совершаемых ими грабежей и разбоев и укрывательства разбойничьих шаек», «еще являлись и прямыми или косвенными участниками всех аграрных преступлений, а притеснениями мирных поселян возбуждали их против нашего Правительства и существующих порядков»¹. Добавим, что на том отрезке времени за беками и агаларами имелись и другие прегрешения. Не приводя весь список этих прегрешений, отметим, что данное сообщение А.М. Дондукова-Корсакова на имя императора являлось свидетельством сложной ситуации не только на западном побережье Каспия, но и при прочих исполнителях из высшего сословия распространялось на весь Кавказ². Выше обозначенные негативные тенденции на Кавказе имели место быть не только в XIX, но и в начале XX столетия³.

Как о том было сказано выше, в 60-х гг. XIX в. в пределах Дагестанской области существовало такое структурное подразделение, как Присулакское Наибство, функционировавшее как окружное управление. Если вплоть до самого 1917 г. абсолютно каждое окружное управление Дагестанской области в плане своего внутреннего устройства представляло собой такую единицу, в которой все верховное, судебное, полицейское и финансовое заведывание принадлежало офицерам армии, а низовое оставалось автохтонным, то в поименованном наибстве присутствовало то же разделение⁴. И даже более того,

¹ Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897, и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903. С. 16-17.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 169. Л. 32; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1.

все те же учреждения и институты власти¹. Руководителем наибства являлся высший офицер имперской армии, у которого в подчинении имелось два помощника, небольшая канцелярия для делопроизводства, а равно и словесный суд². Все джамааты данного наибства имели сход и старост, по упразднению последнего его территории включили в Темир-Хан-Шуринский округ.

Возвращаясь к тематике внутреннего устройства и переустройства Дагестанской области, отметим, что, хотя произошедшее в 60-е гг. XIX столетия поэтапное упразднение всех вышеперечисленных подразделений и управлений данной территориально-административной единицы и являлось весьма важной вехой в изменении ее внутренней организации, в пределах области происходили и другие преобразования. Как на то прямо указывают источники в 1861-1862 гг., после предварительного уточнения демаркационной черты между Дагестанской и Терской областями, из состава последней к Дагестану были присоединены территории Гумбетовского, Укратльского, Андийского, Тиндальского и Хваршинского вольных обществ³, а через два года, как указывает В.Г. Гаджиев, из состава Дагестана был выведен относившийся к нему до этого в военном отношении Закатальский округ⁴, а в 1865 г. ввиду переустройства последнего (т.е. Дагестана) было расформировано управление Верхним Дагестаном, а из Среднего Дагестана образованы два новых военных отдела⁵. К концу 60-х гг. XIX в. по ведомству военному Дагестанская область формировалась 4-мя военными отделами (Северный, Южный, Средний, Верхний Дагестан), в которые входило 9 однотипных округов (Аварский, Кази-Кумухский, Кайтаго-Табасаранский, Гунибский, Андийский, Самурский, Дагринский, Кюринский,

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1.

² Там же.

³ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 275.

⁵ История Дагестана Т. II. М., 1968.

Темир-Хан-Шуринский)¹. С 1868 г. все они стратифицировались на наибства.

Если практически на всем протяжении 60-х гг. XIX столетия пирамидально устроенная градация военных управлений Дагестанской области постоянно модифицировалась, а следовательно, и постепенно трансформировалась, то далее в ее организации *de facto* можно выделить и проследить лишь только два масштабных изменения. Функциональное наполнение и оперативный ресурс администраций всех 4-х военных отделов Дагестанской области, как в момент ее образования, так собственно далее, являлись практически полностью идентичны той административной нагрузке, которая была заложена в функционал формирующих их военных округов². В рамках существования эти структурные подразделения во многом подменяли и дублировали друг друга, и в 1883 г. Санкт-Петербургское правительство решило демонтировать военные отделы³. Вторым структурным изменением было то, что в 1899 г. взамен наибств в пределах Дагестанской области были введены подразделения с названием участки⁴. В своей архитектуре и организации участки имели тот же профиль, который был характерен для наибств. Единственно, они являлись больше первых своим территориальным охватом⁵.

По завершению всех множественных территориально-административных преобразований и передвижек, которые происходили в пределах Дагестанской области во второй половине XIX столетия, данная область в плане своего внутреннего устройства больше никогда не знала никаких существенных структурных преобразований. Тем не менее, до низвержения монархии в

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 7; История народов Северного Кавказа: XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 208; История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 122-123; Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1904.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 23-25.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 7; РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1883 г. Д. 127 б. Л. 1.

⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1.

Дагестанской области всегда имели место быть внутривидовые и межвидовые перестановки. Заметим, что подавляющее большинство всех территориально-административных преобразований и передвижек, которые имели место быть в пределах Дагестанской области, учитывали историко-культурные, политические, этнографические, топографические условия и специфику данного региона. Каждая подобная акция изначально достаточно долго и плодотворно прорабатывалась и дорабатывалась, и в своих основах имела четко выверенную программу. В отличие от первых десятилетий XIX в., во второй половине данного столетия и далее кавказская администрация отдавала себе отчет в том, что при той эклектике этнических и политических компонентов, которые испокон времен составляли и формировали Страну гор, между ними установился, пусть и достаточно своеобразный, но вместе с этим весьма устойчивый принцип и механизм их естественных взаимосвязей и организации¹. Одни из них в силу дружеских или союзнических отношений могли быть между собой состыкованы, а другие нет², в связи с чем петербургской администрации с формированием и упразднением военных ведомств и подразделений приходилось это учитывать и производить, по сути, ювелирную работу. Добавим, что, в отличие от военных ведомств, по ведомству гражданских управлений Дагестанской области в период 1860-1917 г. была произведена всего одна системная реформа, которая наравне с Дербентом придала Петровску (1867 г.) и укреплению Темир-Хан-Шура (1866 г.) статус

¹ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй в Дагестане в XIX в. М., 1961; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007; Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Сборник статей. Махачкала, 1981; Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014; Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1996.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393.

полноценных городов¹. До 1917 г. представленная область имела сложное, отличное от внутренних губерний, территориально-административное устройство.

2.2. Государственное управление Дагестанской областью. Полемика сторон: 1860-1917 гг.

В момент образования Дагестанской области система управления последней была разделена на военную и гражданскую администрацию, где в ведомстве первой находилось все автохтонное и сосредоточенное в военных ведомствах и подразделениях население этого региона, а в ведомстве последней все остальное². Данная модель и далее оставалась синкретична. При всем том, что военное управление, как в пределах самой Дагестанской области, так и ряда других территорий и местностей Кавказа, утверждалось лишь «как мера временная, а все действия военно-народной администрации» в связи с этим «должны» были «стремиться к тому, чтобы» путем «развития» в этих землях «гражданственности», максимально и «во всех отношениях» способствовать их скорейшему переходу «в общий состав гражданского управления Кавказа»³, вплоть до 1917 г. этот переход так и не свершился. Но для достижения этой цели предпринималось несколько настойчивых попыток.

По отношению к Дагестанской области вопрос ее системного переустройства до низвержения монархии в России поднимался трижды, но каждый раз, в виду особых обстоятельств, решение последнего откладывалось на потом. Все 3 попытки упразднить военную администрацию в Дагестанской области являлись не самостоятельным проектом, а частью более глобальных реформ, производимых на Кавказе. Если принципы и правила организации

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 116. Д. 397; История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 197.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 5; Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 5 об; РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9. Л. 8.

гражданского управления, в момент формирования Дагестанской области введенные только для «лиц разных состояний», проживающих в городах, штаб-квартирах и укреплениях этого региона¹, практически во всем дублировали общеимперские стандарты управления, то модель организации военного управления на территории бесспорно являлась инклюзивной. Как справедливо отмечал предпоследний наместник Кавказа гр. И.И. Воронцов-Дашков: «система» военно-народного управления, сформированная «на Кавказе» методом нескончаемых проб и ошибок «в период» продолжительной и упорной «борьбы русских войск с местными горцами», хотя и была основана на том, что последняя сосредотачивала всю полноту «административной власти» на местах «в руках отдельных» войсковых офицеров «под высшим руководством главнокомандующего кавказской армии», тем не менее «во внутренних делах» она предоставляла «горцам право ведаться» своим законом². Помимо этого, представленную модель формировало множество других как частных, так и общих правил.

Заметим, что данная модель управления в период 1860-1917 гг. функционировала не только в Дагестане, но и в других кавказских местностях. В частности она была применима: в Терской, Кубанской, Батумской, Карской областях, Закатальском и Артвинском округе, Сухумском отделе³.

Первый раз вопрос об упразднении так называемого военно-народного управления был поднят в правительственных кругах на повестку дня в конце

¹ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 435.

² Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 123-124.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 1377; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907; Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870; Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX - начале XX века.: дисс. ... док. ист. наук. Махачкала, 2004; Арсанкулиева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): автореферат дисс. ... док. юр. наук. М., 2010; Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.

60-х гг. XIX в.¹. К этому времени в пределах Кавказского Наместничества оставался дискуссионным вопрос относительно территориально-административной унификации Терской, Кубанской и Дагестанской областей². Главнейшим аргументом подавляющего большинства сторонников представленного упразднения являлся тезис, говорящий о том, что отсутствие единых государственных стандартов управления и всей полноты гражданских учреждений в вышеприведенных единицах, разрозненность административно-управленческих практик привносят затруднения в управление последними и тормозят развитие данных территорий, тогда как главным доводом противников отмены автономии территорий было убеждение в том, что любое игнорирование местных исключительных специфик, как это было в первой половине XIX в., определит в них общественный протест³. В итоге, в тот период времени в правительственных кругах отказались от политики тотального укоренения и насаждения гражданских институтов власти⁴.

Следует отметить что второй раз вопрос об упразднении военных управлений на Кавказе был поднят на повестку дня в 80-х гг. XIX в. В 1881 г. параллельно с Кавказским наместничеством и должностью его наместника на Кавказе «был упразднен» находящийся в Петербурге Кавказский комитет, а «главное управление в Кавказском и Закавказском крае было возложено на особое лицо, облеченное званием Главноначальствующего гражданской частью и Командующего войсками» в этом «регионе»⁵. Модель управления территорией стала обновляться в направлении унификации функциональных и

¹ ЦГА РД. Ф.126. Оп. 1. Д. 23. Л. 3-7; Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.

² ЦГА РД. Ф.126. Оп. 1. Д. 23; Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.

³ ЦГА РД. Ф.126. Оп. 1. Д. 23. Л. 23; Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.

⁴ ЦГА РД. Ф.126. Оп. 1. Д. 23. Л. 22-29.

⁵ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 126.

содержательных элементов¹. В период существования Наместничества, пусть и при частных отступлениях от правил, всей полнотой гражданской и военной власти на Кавказе располагал его Наместник, который подчинялся и отчитывался лично Императору, а профильные ведомства и министерства действовали в данных рубежах лишь только по согласованию с ним и по его отмашке², после упразднения этой должности, последние уже могли самостоятельно следить и наблюдать «за направлением и ходом» дел³. В основе преобразований была следующая позиция: «развитие окраин <...> может быть успешно и устойчиво, <...> лишь если» оно идет в соотношении и «соответствии, с общим принципом» и ритмом «развития Государства»⁴.

Если до начала масштабной перестройки общекавказской управленческой модели, официально стартовавшей в регионе в 1881 г. и по большей части завершившейся в 1883 г., Кавказ, как на то прямо указывал министр внутренних дел Российской империи того периода гр. Д.А. Толстой, был практически во всем «изъят» из «ведения центральной власти»⁵ и представлял собой не что иное, как обособленное территориально-административное подразделение, находящееся чуть ли не под единоличной властью его Наместника, то после проведения реформ он, если и не полностью, то в большей части потерял заявленное положение⁶. После упразднения Кавказского наместничества и его номенклатуры, основной спектр дел и полномочий в границах Кавказского края передавался подлежащим министерствам⁷. Однако, «внезапная замена

¹ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 77-78.

² Там же. Л. 12, Л. 46.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 1377. Л. 1; РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 127.

⁴ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 291. Л. 13.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 640. Л. 2.

⁶ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 126-129; Киняпина Н.С. Управление Кавказом и Средней Азией в XIX веке // Вопросы истории. № 2. 1983. С. 35-47.

⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 1377. Л. 1; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864 – 1917 гг.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.

наместнического управления административным строем», практически ни в чем тогда «не отличавшимся от обыкновенного генерал-губернаторства», как считалось, «составила бы чрезмерно резкий переход»¹. В связи с чем министерскую работу на Кавказе должен был курировать и направлять главноначальствующий по гражданской части², чья власть, в отличие от наместника, имела не «решающий» и «определяющий», а только «надзирательный», «предупредительный характер»³.

Хотя главноначальствующий по гражданской части на Кавказе, бесспорно, обладал гораздо меньшей властью нежели его предшественник – наместник, тем не менее ему предоставлялась исключительная опция, в особых случаях и, в частности, ввиду несоответствия специфике региона, блокировать и отправлять на доработку любое министерское решение⁴. Как равно и любой тождественный приказ. Новообразованная «власть» в момент своей организации задумывалась и подразумевалась не иначе, как «посредствующий орган между местными учреждениями» и ведомствами «высшей и центральной власти»⁵.

После завершения подавляющего большинства всех основных мероприятий по переустройству модели управления Кавказом, военная администрация, как считалось, стала там «чужеродным элементом»⁶. Многие из сторонников и инициаторов выше обозначенных системных перемен, произошедших на Кавказе с 1881 по 1883 гг., искренне полагали, что «военное заведывание необходимо» только «в местностях, не вполне еще покоренных силою оружия, где прочность завоевания обеспечивается существованием единой и сильной власти и где все усилия» этой власти «должны быть

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 640. Л. 2.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 54.

⁴ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 128; РГИА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 12. Л. 61.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 640. Л. 5.

⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885. Д. 9. Л. 17.

направлены, главным образом, к одной несложной цели – утверждения господства и замирения», но т.к. «потребность эта» в периметрах Кавказа практически полностью «миновала», а «жизнь» местных «обывателей обратившихся к мирным занятиям», всесторонне развиваясь, «начинает заявлять о себе разнообразными нуждами», то упразднение военных управлений в пределах выше обозначенных пространств как факт уже назрело¹. Также среди сторонников упразднения военных управлений присутствовало убеждение в том, что «только с отнесением» всей полноты «гражданских дел к гражданским» ведомствам «возможно» избежать стагнации², определить динамику развития, унифицировать Кавказ³. При этом рассматриваемая реформация, помимо побудительной аргументации в 80-х гг. XIX в., имела также целый ряд весомых возражений.

Хотя на всем протяжении как периода предварительной подготовки, так и периода непосредственной реализации программы действий, нацеленных на переустройство механизмов управления Кавказом, в кругах имперского правительства присутствовала мысль о том, что «система военно-народного управления», где «заведывание всеми отраслями администрации» сосредоточено в «одном военном ведомстве», выводит «обширные части Кавказского края из общего государственного строя», и практически полностью «устраняет» возможность применения «к ним действующих в Империи порядков», должна быть упразднена⁴, однако это так и не свершилось.

Как на то прямо указывает целый ряд источников, «главным» побудительным «мотивом» данного решения послужил весьма аргументированный довод о том, что «мусульманское население областей военно-народного управления, вынужденное силой оружия после упорной» и

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 19; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 8.

² Там же. Л. 36.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885. Д. 9. Л. 17, Л. 74.

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 38.

«многолетней борьбы покориться русской власти», еще «далеко не может считаться замиренным» и «благонадежным в политическом отношении», как о том «многие ошибочно полагают», а «бытовые условия народной жизни покоренных, но не умиротворенных» народов, «сложившиеся в течение многовекового периода, так крепко вкоренились в сознание не только масс населения, но и каждого отдельного общества», настолько резко отличаются от общеимперского «административного и судебного» порядка, что «всякая правительственная реформа, вводимая» пусть даже и «с самой благой целью», но могущая «несвоевременно и неосторожно нарушить установившийся» порядок в этих областях, грозит детерминировать в них серьезные волнения¹. И даже более того, попытки эти могут «вызвать взрыв внезапного» вооруженного «движения»². Все это указывало на то, что население этих местностей может направлять и контролировать не традиционная общеимперская гражданская администрация, а только инклюзивная (учитывающая местные специфики), военная, «решительная» власть³. Именно такая «власть», в случае возникновения спорной политической или административно-управленческой ситуации, гипотетически «имела при себе ресурс» для пресечения «своеволия» и «фанатизма»⁴.

Заметим, что помимо вышеприведенных доводов для сохранения военного управления на Кавказе имелись и другие аргументы. Согласно источникам, «опыт истекшего 25-летия», прошедшего с момента образования военно-народной администрации, «обнаружил некоторые частные и при том исключительно внешние недостатки и несовершенства военно-народной

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 39; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 70; РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885. Д. 9. Л. 43.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 70; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903. С. 16.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 69; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903. С. 19.

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 70.

администрации», однако «принципы» и правила, «положенные в основание этой системы управления» в момент ее формирования в целом «были угаданы правильно»¹. «Только благодаря этому упрощенному административному устройству <...>, при возможности сильно и быстро проявлять власть, и, главным образом, благодаря народным судам, решающим дела по установившимся издавна и частью измененным применительно к новым понятиям обычаям», территории Дагестана представляли собой не что иное, как «разительный пример спокойствия», где «преступления преимущественно» совершались только в силу «кровной мести»². На том отрезке времени военная администрация достаточно неплохо контролировала и другие территории Кавказа³. К тому же содержание гражданской администрации в сравнении с военной «требовало от государства несравненно больших денежных» и прочих материальных «жертв»⁴. В итоге, в период реформ 1881-1883 гг. на Кавказе была сохранена военная администрация со всей полнотой власти.

Когда на рубеже 70-х и 80-х гг. XIX в. в кулуарах имперского правительства присутствовала и весьма активно обсуждалась идея упразднения военно-народных управлений Дагестанской области и других местностей Кавказа, где главными сторонниками и инициаторами данного мероприятия, как правило, выступали абстрагированные от кавказской действительности представители центральных органов власти, а их противниками чиновники, непосредственно работающие в этом регионе, то в тот же период на уровне верховной власти обсуждался и вопрос о расформировании Дагестанской области.

Следует отметить, что на том отрезке времени данная тенденция являлась

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 18.

² Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903 Л. 18-19; См. приложение А; В.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393; РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 36; Фадеев Р. Письма с Кавказа редактору Московских ведомостей. СПб., 1865; Фадеев Р. Собрание сочинений Т. I. СПб., 1889.

не самостоятельным проектом, а лишь частью более глобального, в котором министерство финансов того периода находило «возможным и своевременным: Карскую область» целиком и полностью отнести «к Эриванской губернии», а «черноморский округ» в «административном отношении» упразднить и присоединить «частью к Кутаисской губернии», а «частью к Кубанской области», «Елисаветпольскую губернию частью к Тифлисской» и «частью к Бакинской губерниям»¹, а «южные округа» Дагестанской области», и в частности: «Кайтаго-Табасаранский, Кюринский и Самурский», как собственно и сам г. Дербент «по экономическому и торговому тяготению» передать в Бакинскую губернию, а остальные округа включить в Терскую область².

Как виделось в вопросе управления Кавказом, представленное «укрупнение края»³ способствовало бы повсеместному введению общеимперского – губернского порядка, и экономии финансовых средств⁴. Тем не менее этот проект, ввиду аргументации его противников, так и остался «крайне эффективен» только на бумаге.

При условии, что предложенный министерством финансов Российской империи предварительный проект по упразднению и укрупнению ряда территориально-административных единиц Кавказского края, как на то прямо указывал первый главноначальствующий на Кавказе кн. А.М. Дондуков-Корсаков, был основан «исключительно» и только «на теоретическом умозрении без всякого отношения к топографическим, административным и этнографическим условиям» и специфике «края», и при условии, что он преследовал цель «во что бы то ни стало, хотя бы даже» и «в прямой ущерб всем остальным отраслям управления» добиться на Кавказе максимальной

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 71.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 83; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 71.

³ Там же. Л. 71.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 84.

«экономии» государственных средств¹, то он и не был реализован. Практика показала, что «при установлении административных» границ, как и при проведении государственной политики в общем, «должна быть преследуема не только одна цель – экономии в расходах, а должно быть принято во внимание и множество других, не менее важных условий и обстоятельств»².

«Что же касается Дагестанской области», то, по мнению А.М. Дондукова-Корсакова, «из всех местностей Кавказского края именно она», составляя собой «совершенно самостоятельное целое и в географическом, и в этнографическом и историческом отношениях» удовлетворяла «наиболее тем условиям, которые требуются для установления самостоятельной административной единицы», а если принять еще во внимание и то, что «сплошное мусульманское население Дагестана, проникнутое крайним фанатизмом, отличающееся энергией, храбростью и предприимчивостью только 25 лет тому назад положило оружие пред нашими войсками после упорной полувековой борьбы и требует для управления оным неослабного единства мероприятий – то разделение» этой «области», если бы оно тогда имело место быть, являлось бы чудовищной ошибкой³, способной породить неисчислимое количество проблем. Это становится очевидным, так как Дагестан исторически являлся сложным регионом, имеющим особенности и противоречия внутреннего общежития⁴.

В третий раз вопрос об уместности и своевременности упразднения военно-народных управлений, как в пределах самой Дагестанской области, так и в других ведомствах и подразделениях Кавказа, возник в начале XX столетия.

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 72 об.

² Там же. Л. 72.

³ Там же. Л. 72.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393; РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9; РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861.

Как на то прямо указывал гр. И.И. Воронцов-Дашков: к этому времени «опыт централизации управления Кавказом из С.-Петербурга, с учреждением на месте должности главноначальствующего гражданской частью», обладавшего всего лишь навсего «несколько усиленной и расширенной властью обычного генерал-губернатора», «длившийся свыше двадцати лет, дал довольно плачевные результаты», так как в центральных учреждениях Империи не знали и не старались учитывать местную специфику в управленческих и делопроизводственных решениях. Главноначальствующий «имел возможность только возбуждать вопросы перед подлежащими ведомствами», но не решать их и «вместо того, чтобы идти по пути развития за центром Империи Кавказ отстал» от этого последнего¹ и стал площадкой смут и всевозможных беспорядков². А также местом политических интриг. Заметим, что помимо прочего, там были и тенденции сепаратизма³.

Когда в глазах верховного правительства представленное положение дел грозило только разрастаньем кризиса и ухудшением обстановки на Кавказе, малая эффективность управленческой и административно-территориальной централизации были переосмыслены, что привело к реанимации наместнической формы управления⁴. 26 февраля 1905 г., по причине того, что управление Кавказским краем «непосредственно из С.-Петербурга <...> за невозможностью напряженно следить оттуда за всеми местными особенностями и развивающимися под» их «влиянием» множественными «потребностями» и запросами его общества⁵, «на основании» общегосударственных «формул»

¹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб, 1907. С. 155-156; Эсадзе С.С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис, 1913.

² Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб, 1907. С. 6.

³ Там же. С. 7.

⁴ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 182.

⁵ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 33.

стало по сути невозможно¹, там было восстановлено наместничество. С возрождением наместничества «главным начальником Кавказского и Закавказского края» вновь стал «Его Императорского Величества Наместник Кавказский», в лице которого, так же как и в период существования первого наместничества, сосредотачивалось все «высшее» гражданское, пограничное и военное «управление» края², тогда как органам центральной исполнительной власти там отводилось лишь второстепенное значение³. Как следствие, в системе управления Кавказом вновь стали появляться нестандартные, а также и неординарные, нетривиальные решения. Восстановление наместничества на Кавказе, ориентация государственных нужд на сохранение особенностей и специфики представленного края явили положительный эффект⁴. При общей демократизации империи отмеченное стало главным фактором спада напряжения на Кавказе⁵.

Следует отметить, что в процессе реформирования административной модели всего Кавказа в кругах имперского правительства вновь всплыл вопрос об упразднении военных управлений. К этому времени в кругах сторонников наискорейшей ликвидации системы военно-народного управления считалось, что, будучи основанной на временных законоположениях 60-х и 70-х гг. XIX в.⁶, при совершенно новом качественном состоянии территориально-

¹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 157.

² РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 132.

³ Там же. Л. 134; ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 85.

⁴ Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910; Кондрашова А.С. Кавказское наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (2-я половина 40-х гг. XIX – начало XX вв.): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003.

⁵ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907; Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 14; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 47.

административных единиц на Кавказе¹ она изжила себя и, превратившись в аномалию², не отвечающую политическим, нормативно-правовым и институциональным запросам времени, перестала отвечать нуждам и потребностям государственной деятельности³. Среди сторонников упразднения военных управлений на Кавказе, включая Дагестанскую область, обращалось внимание на готовность указанных административно-территориальных единиц к институциональным преобразованиям⁴, тогда как среди их идейных противников бытовало мнение об историко-цивилизационной неподготовленности и административно-управленческом несоответствии местных органов власти и общества к данным преобразованиям⁵. Прекрасно видя и осознавая, что «общественная жизнь» Кавказа в своем многообразии «имеет» весьма и весьма специфичные черты, что все «эти местные особенности жизни <...> нельзя игнорировать» и тем более «насиленно подгонять <...> под общеимперские рамки»⁶, так как «естественный ход событий указывает <...>, что искусственное подведение народной жизни сложившейся тысячелетним своеобразным путем под чуждые ей формы ведет лишь к результатам совершенно противоположным целям Правительства»⁷, правительственные круги отказались от идеи реформирования региона. К тому же в правительстве прекрасно понимали, что каждая системная ошибка на

¹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 125-126; К введению на Кавказе земского самоуправления. Тифлис, 1905.

² ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 85. Л. 17.

³ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 123-124.

⁴ Там же; Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 22; ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 85. Л. 18 об.

⁵ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 22; ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 85; Кузнецов Н.И. В дебрях Дагестана. СПб., 1913; Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908.

⁶ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 159.

⁷ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 28.

Кавказе не сближает, а лишь наоборот рождает и усиливает недоверие и отторгает две культурные стихии друг от друга¹. И то, что этим обстоятельством в своих манипуляциях и корыстных расчетах всегда готовы с должной радостью и «благодарностью» воспользоваться недруги России – и европейские, и азиатские державы, которым исторически был интересен этот регион². В случае кризиса и конфронтации в пределах Закавказья и Кавказа в целом, как следует из документа, «старания противников» России, «естественно» имели б устремление «к тому, чтобы восстановить на нас» в «особенности мусульманские», но вместе с этим и все «здешние» народы³.

Понимая и осознавая, что «общественная жизнь» Кавказа испокон времен имела и имеет весьма и весьма «своеобразные» и специфичные «черты», где эти последние просто «не могут не создавать совершенно особых задач» по «управлению окраиной, отличающихся от общих норм управления Империей»⁴, и прекрасно понимая, что «подходя к оценке политического состояния» этого региона «отнюдь нельзя забывать» про это и «применять к нему соображения», продиктованные «положением вещей на других наших окраинах»⁵, правительство так и не стало упразднить военных управлений. Тем не менее, в кругах Санкт-Петербургских органов законодательной власти наблюдалось намерение со временем пересмотреть, реформировать систему управления

¹ ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 85; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907; Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913; Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910.

² Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

³ РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 198. Л. 24; Записка о положении Закаспийской области. СПб., 1887. С. 1-2.

⁴ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 159.

⁵ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 14.

Кавказом. Заметим, что данное реформирование должно было пройти при учете местных, т.е. региональных особенностей, в контексте интересов государственной политики по управлению краем. Но однако, события первой русской революции (1905-1907 гг.) и первой Мировой войны (1914-1918 гг.), а также и революционное движение 1917 г., с последующим низвержением монархии¹, повлияли на систематическое откладывание в решении данного вопроса. Фактически к 1917 году в правительственных верхах не было не только единодушия в «Кавказском вопросе», но и сформированной программы геополитического преобразования территории, разработанной модели или частично утвержденных проектов реформирования административно-территориального устройства Дагестана.

На протяжении имперского периода модель организации Дагестанской области при сочетании военных и гражданских институтов власти стабильно и устойчиво имела синкретичное устройство. В связи с чем, до 1917 г. дуально-инклюзивная модель территориально-административного устройства Дагестанской области не претерпела каких-либо изменений.

2.3. Модель гражданского управления: 1860-1917 гг.

Вплоть до низвержения монархии в России единое территориально-административное и управленческое пространство Дагестанской области подразделялось на военные и гражданские ведомства и управления.

Важно подчеркнуть, что, хотя с претворением в жизнь программы сенатора П.В. Гана (1840 г.), имперское правительство и предприняло ряд решительных действий в целях наискорейшего и максимально полного приобщения дагестанских территорий к судебно-правовым и

¹ Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001.

административным достижениям российской государственности¹, но, коль скоро «подчинение нашим (т.е. российским) порядкам и законам» в пределах данных рубежей на том историческом этапе, как свидетельствует документ, «более или менее <...> совершилось» лишь только «в г. Дербент» и в примыкающем «к нему Уллуском магале»², то эти действия властей, как факт, остались малопродуктивны. И даже более того, их посчитали подлинной ошибкой.

«Живя» свою «замкнутой» и обособленную «жизнью», не чувствуя «действительной потребности» ни в «изменении», ни в улучшении своей организации, застывшее на средневековом уровне дагестанское общество в XIX столетии не было готово к проведению реформ³. Вплоть до 1917 г. общеимперская гражданская администрация в масштабах Дагестанской области функционировала только в городах, штаб-квартирах войск, военных урочищах, слободах и русских поселениях.

Хотя в силу объективных факторов система гражданского управления Дагестанской области вплоть до самого 1917 г. и охватывала крайне незначительные территории и население данной территориально-административной единицы, она не была статична. По сравнению с Закавказскими губерниями, где весь численный состав административно-территориальных единиц был приписан к ведомству гражданских управлений еще в первой половине XIX в., в 60-х и 70-х гг. XIX в. в пределах дагестанских рубежей состав гражданского народонаселения не превышал отметку в 18 тысяч⁴, а в 80-х гг. XIX в. в Дагестанской области, при общем исчислении ее народонаселения без малого в 526 тыс. «душ обоего пола», к ведомству этого

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 68; Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 160-164.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 54.

³ Там же. Л. 54.

⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 24. Д. 231; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 219; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 53; Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. I. Тифлис, 1869. С. 151-273.

управления относилось всего лишь 24 тыс. человек¹, а в начале XX столетия 50 тыс. человек, от ее общего плюс-минус 800-тысячного населения². При этом подчеркнем, что гражданская администрация для области ни в коей мере не являлась чужеродным элементом. В развитии данной управленческой модели использовалось множество как общих для империи, так собственно частных инноваций и программ. Как правило, все эти программы учитывали историко-культурные особенности региона.

С первой половины XIX в. и вплоть до 1917 г. «одной из первостепенных задач в деле прочного государственного устройства» на Кавказской окраине и в дагестанских территориях считалась практика «их колонизации русским элементом»³. Несмотря на политические, нормативно-правовые и административно-организационные препятствия, к началу 80-х гг. XIX в. имперскому правительству в этом деле удалось добиться заметных успехов⁴ практически на всех присоединяемых территориях, кроме Дагестана. В особенности они были заметны в пределах Предкавказья⁵.

В Предкавказье данные успехи в значительной степени были обусловлены наличием свободных и удобных для сельскохозяйственных работ

¹ РГИА. Ф. 350. Оп. 9. Д. 296. Л. 21; РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1887 г. Д. 208; РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1888 г. Д. 175.

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 50; РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 246; Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910; Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912; Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916.

³ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 68.

⁴ Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Всеподданнейшая записка командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890. Тифлис, 1890; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

⁵ Всеподданнейшая записка командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890. Тифлис, 1890; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

угодий, а в Закавказье¹ соответственно результаты определялись промышленным развитием². В границах Дагестанской области, за «дикостью природы» и столько же малоземельем региона³, ввиду отсутствия реального промышленного кластера⁴, неуживчивости горцев⁵, при минимальном пополнении городского населения⁶ в процессе колонизации удалось создать лишь только несколько великоросских сел⁷. В 1916 г. их общий численный состав не превышал 370-ти семейств, а средоточием являлся Темир-Хан-Шуринский округ⁸.

Начиная с 1860 г. и вплоть до 1917 г. вопрос «русской колонизации» кавказского, а значит и дагестанского пространства в глазах имперского правительства всегда имел первостепенное экономическое и политическое, а равно и культурное значение. На том отрезке времени в колонизации участвовали и нерусские народы. На протяжении XVIII - XIX столетий Санкт-Петербургское правительство в процессе присоединения Кавказских территорий заселяло их христианскими народами Ирана и османской Турции, подавляющую часть которых в национально-этническом отношении составляли

¹ Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903.

² Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910; Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

³ Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 72; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 68.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1887 г. Д. 208; РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 50; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 219; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 53; Обзор Дагестанской области за 1909. Темир-Хан-Шура, 1910; Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916.

⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 261. Л. 51; Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910. С. 73, С. 75.

⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 228; РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 16.

⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 694. Л. 1-3; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 261. Л. 49-58; См. приложение А, Таблица В.

⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 694. Л. 1-3.

греки и армяне¹. К данному заселению также привлекались немецкие, швейцарские и шотландские колонисты. Однако видя, как армяне жадны до наживы и крайне беспринципны в этом деле и мало преданы имперскому правительству², с последней трети XIX в. многие в правительственных кругах все более утверждались в том, что любая инородная – нерусская колонизация кавказского пространства вредна, ведь данная колонизация обслуживает не российский, а иностранный интерес³. Заметим, что в Дагестане, в отличие, к примеру, от района Минеральных Вод, Черноморской и Азовской линий, южного Прикаспия⁴, иностранная колонизация не состоялась⁵.

Еще в начале 60-х гг. XIX в. по предварительному согласованию этого вопроса с Петербургом главное управление кавказского наместничества «в видах развития промышленности признавало полезным», несмотря на все запретительные акты и так называемую черту оседлости, «дозволить евреям ремесленникам», которые до того времени «могли иметь лишь временное» и ограниченное «пребывание на Кавказе и за Кавказом, причисляться к городским сословиям этого края и северо-восточного берега Черного моря» уже на постоянной основе⁶. Данная акция являлась эффективной мерой. Официально разрешенное ремесленное и промышленное водворение евреев в каспийско-

¹ АКАК. Т. I-XII. Тифлис, 1866-1904; Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; История народов Северного Кавказа: конец XVIII – 1917 г. М., 1988.

² Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903. С. 10.

³ Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910. С. 38.

⁴ Там же; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907.

⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 228; РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 16.

⁶ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

черноморских рубежах, несмотря на строгий контроль за направлениями их активности и серьезными мерами противодействия по ее увеличению, позволило имперскому правительству без привлечения средств казны в отдельных местностях Кавказа развить ряд направлений производства, а также местную инфраструктуру. Данная управленческая практика обеспечила прилив семитской деловой активности и в Дагестан¹. С наступлением XX столетия кавказская администрация, при выселении всех других, решила оставлять в пределах Дагестанской области лишь только тот еврейский контингент, который в тот момент действительно участвовал в развитии региона².

Несмотря на все заботы и старания верховного правительства в деле развития переселенческой политики в пределах Дагестанской области, до 1917 г. возникло только несколько великоросских сел, внутренний уклад которых практически во всем дублировал уклад селений внутренних губерний. Как следует из целого ряда научных разработок, когда главным и единственным законным органом самоуправления того или иного условного великоросского сельского общества, начиная с пореформенного периода и далее, выступал созываемый и направляемый мирским старостой сход всех его домохозяев³, то данные институты самоуправления имелись и у дагестанских новоселов. Все поселения русских новоселов в пределах Дагестанской области, (начавшие возникать в ее масштабах еще в 80-х гг. XIX в.⁴), имели выборных старшин и их помощников, которые следили за ходом повседневной жизни, и разрешали мелочные споры, а также вступали во взаимоотношения с высшей властью. Но так как после упразднения Дербентского уезда (1860 г.) в масштабах Страны

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1888 г. Д. 175. Л. 1; РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 228; РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 16; РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 119. Л. 3.

² ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 2. Д. 139. Л. 66, Л. 84 об.

³ Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957; Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990; Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970.

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 261. Л. 48.

гор уже не значилось уездов¹, «заведывание делом водворения» и устройства «поселков» новоселов, управление последними в Дагестанской области осуществляла не уездная администрация, а изначально «близлежащая полиция», а с наступлением XX столетия единственно уполномоченный чиновник, который представлял кавказское переселенческое управление – Комитет². А важнейшие вопросы жизнедеятельности русских поселян на территории находились в ведении военного губернатора³.

На всем протяжении последних четырех десятилетий от второй половины XIX в. и первых семнадцати лет XX столетия, гражданская администрация в Дагестанской области присутствовала и в слободах этого региона. Возникая в виде посада, крупных военных урочищ и укреплений, и имея торговый и промышленный характер, в 60-х и 70-х гг. XIX столетия в плане управления они были организованы практически так же как и обычные русские села⁴. Их управление всегда являлось полностью гражданским⁵. Все слободы по Дагестанской области и Закавказью имели сход, в полномочия которого входили вопросы координации внутреннего и хозяйственного характера в рамках поселений и избираемых на этом сходе старшин. Единственно верховное заведывание по слободам осуществляла не полиция, а «военно-окружное начальство»⁶.

Нужно обозначить, что во всех военных округах Дагестанской области, пусть и в незначительном количестве, но все-таки всегда присутствовал гражданский контингент, состоящий из русских учителей, врачей и

¹ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904; Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910; Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 261. Л. 58.

³ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 55.

⁴ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904; РГИА. Ф. 1405. Оп. 59. Д. 4046.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

представителей иных профессий¹. Правила военно-народного управления на них не распространялись². За неимением гражданских учреждений по ведомствам военных управлений, лицо гражданской подотчетности, в момент его присутствия там, становилось подконтрольно местному военному начальству³. В масштабах Страны гор все укрепления и штаб-квартиры войск являлись местом бытования общеимперских норм, а их армейские начальники имели полномочия уездных городничих⁴.

Отметим, что гражданская администрация в пределах Дагестанской области функционировала и во всех трех городах представленного региона. В период 1860-1917 гг. развитие гражданской юрисдикции и соответствующей номенклатуры дел в органах местной администрации кавказского пространства представляло собой не что иное, как наиважнейшую область стараний имперского правительства⁵, а одним из приоритетных направлений в институционализации, было развитие системы городского управления.

До низвержения монархии в России в пределах Дагестана были поэтапно образованы такие гражданские учреждения и организации как: полиция, мировые суды, прокуратура, таможенное и акцизное ведомство, строительное отделение, медицинская, ветеринарная и образовательная части, следственный комитет⁶. А города этого региона (Темир-Хан-Шура, Петровск и Дербент) в

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 24. Д. 231; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 219; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 53; Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. I. Тифлис, 1869.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190.

³ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1.

⁴ Там же.

⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 61; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190.

⁶ РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390; РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 640; РГИА. Ф. 573. Оп. 2. Д. 2205; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а; ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8; История Дагестана. Т. II. М., 1968; История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971; Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.

своём развитии знали военно-полицейскую¹ и полицейскую администрацию², а также администрацию, определявшуюся упрощенным вариантом второй редакции (1890 г.) Городового положения³.

Если вплоть до самого применения ко всем трем городам Дагестанской области второй редакции Городового положения (Темир-Хан-Шура и Петровск 1895 г., Дербент 1896 г.⁴), государственное управление в них строилось на полицейском⁵ или же военно-полицейском заведывании⁶, то с применением Городового положения все эти города восприняли стандарты самоуправления⁷.

С введением Городового положения в городах Дагестанской области было утверждено «общественное управление», состоящее из собрания выборных гласных и городского старосты, который избирался на четырехлетний срок и на которого, помимо прочего, возлагалось «председательствование в собрании уполномоченных, исполнение постановлений сего собрания», и «непосредственное заведывание всеми текущими хозяйственными делами» по городскому поселению⁸. Система городского управления второй редакции предусматривала возвышение и укрепление публичной власти на местах. С ее применением во всех трех городах Дагестанской области взамен командно-

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1; РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866. Д. 615; Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 2. Т. XXXII. №. 31860; №32322; Геворкян Д.П. Создание и деятельность российской администрации в Дагестане (1860-1917): дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866. Д. 615; РГИА. Ф. 1341. Оп. 116. Д. 397; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914. Л. 146-169.

⁴ Там же. Л. 146-169; Козубский Е.И. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее –СМОМПК). Вып. XII. Тифлис, 1894. С. 1-77.

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866. Д. 615; РГИА. Ф. 1341. Оп. 116. Д. 397; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093.

⁶ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1; РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866. Д. 615.

⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914. Л. 146-169.

⁸ Высочайше утвержденное 11 июня 1892 г. Городовое положение. СПб., 1892. С. 69-71; ПСЗ. Собр. 3. Т. XII. № 8708; ПСЗ. Собр. 3. Т. XV. № 11734.

директивных методов и практик управления стали развиваться элементы самоуправления.

Важно подчеркнуть, что хотя по применению ко всем трем городам Дагестанской области¹ упрощенного варианта «Городового Положения» 1892 г. в них и стали развиваться институты самоуправления², тем не менее, это самоуправление всегда являлось подконтрольным центральной власти. По городовому положению второй редакции выборность в состав гласных была ограничена порогом имущественного ценза (определявшимся в Дагестанской области 100 рублями³), а полномочия городского старосты – мнением губернатора⁴. За губернатором сохранялась прерогатива в утверждении, а в случае необходимости – отстранении того или иного городского старосты от должности, как собственно и принятия решений собрания гласных депутатов. В случае кризисных ситуаций губернатор имел полное право распустить все органы, представляющие выборную власть, вводить в городах экстренные и чрезвычайные меры.

Хотя вплоть до применения «Городового Положения» к городам Дагестанской области система управления по данным величинам оставалась лишена земских начал, тем не менее имперское правительство работало над их введением. Если на всем протяжении первых трех десятилетий по образованию Дагестанской области все три города, расположенные в периметрах данной территориально-административной единицы, да как собственно и многие прочие городские поселения кавказских рубежей, как в экономическом, так и в политическом отношении, как виделось тогда властям, были не готовы к усвоению «Городового Положения», то любое самоуправление в этих городах

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914. Л. 146-169.

² Там же. Л. 146-169.

³ Там же. Л. 155 об.

⁴ Высочайше утвержденное 11 июня 1892 г. Городовое положение. СПб., 1890.

предлагалось утверждать лишь только поэтапно¹. И даже более того, лишь только с подготовкой.

Данная подготовка заключалась в том что, в период 60-х – 70-х гг. XIX в. во всех трех городах по области, как собственно и во многих прочих городах кавказского периметра, при полицейских управлениях властями были сформированы особые комиссии из гласных депутатов, которые являлись выразителями мнения общества, но не имели никаких реальных полномочий для производства дел². Причиной применения ко всем трем городам по Дагестанской области не типовой, а только упрощенной формулы «Городового Положения», являлось их слабое экономическое развитие³.

Хотя и первый (1870 г.) и второй (1892 г.) вариант «Городового Положения» с юридической точки зрения представляли собой не что иное как весьма строгий и консервативный документ, тем не менее, по применению к кавказским городам и первый, и второй подверглись уточнению. Нужно обозначить, что и в первой, и во второй редакции «Городового положения» присутствовал пункт, который говорил о том, что число гласных лиц не из христиан, будь то думы или же совета гласных уполномоченных того или иного города, в варианте 1870 г. не должно превышать порога $1/3$ ⁴, а по стандарту 1892 г. - $1/5$ от их общего числа⁵, где это правило не подходило для Кавказа. На том отрезке времени в пределах региона имелись города и с чисто христианским, и с смешанным, и в большей мере с мусульманским населением. Во избежание гипотетически возможных конфронтаций, а также ввиду уже

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866 г. Д. 615; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914; ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914; ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914. Л. 146-169.

⁴ Высочайше утвержденное 16 июня 1870 г. Городовое положение с объяснениями. СПб., 1873; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866 г. Д. 615; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093.

⁵ Высочайше утвержденное 11 июня 1892 г. Городовое положение. СПб., 1890; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2665.

действительно имевших место быть общественно-политических противоречий, что проявилось в Баку и Эривани, имперское правительство во всех тех городах, чье население тогда, по большей части представлялось мусульманским и, в частности, по Дагестанской области в Дербенте¹, дозволило формировать общественные институты власти, не исходя из выше обозначенных пропорций, а половина к половине гласных², а также избирать городничими и старостами не только христиан, но и мусульман³. Говоря же об иудеях Дагестанской области, отметим что, хотя в период 1860-1917 гг. они и представляли где-то четверть населения каждого из городов по области⁴, однако при отклонении просьб о расширении квоты мест, до 1917 г. они могли делегировать в каждое депутатское собрание только по одному депутату⁵.

Как уже о том было сказано ранее, в пределах Дагестанской области не значилось уездов⁶. Тем не менее, в период 1860-1917 гг. в пригородной части всех трех дагестанских городов имелись рыбопромышленные артели и ватаги⁷, поселки железнодорожных служащих⁸, а также частные поместья. С отсутствием уездных управлений общественную жизнь в этих единицах направлял и регулировал особый полицейский пристав⁹. Добавим, что с 1871 по 1917 гг. особый полицейский пристав контролировал и территории Улусского

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866 г. Д. 615; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2665.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866 г. Д. 615; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2665; ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2665; ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3.

⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 228; РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 16.

⁵ ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 4. Д. 4.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1887 г. Д. 208. Л. 8; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 219. Л. 9; РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 119. Л. 11; Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912.

⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 426. Л. 10; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 219. Л. 10; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2665. Л. 9; См. приложение А, Таблица Б.

⁸ ЦГА РД. Ф. 23. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1887 г. Д. 208. Л. 8; РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 426. Л. 11; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 219. Л. 11; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2665. Л. 10; Обзор дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916.

магала¹. В 60-х гг. XIX в. данная территориально-административная единица (т.е. Улусский магал) находилась в ведомстве военно-полицейских сил². При этом скажем, что Улусский магал включал в себя 12 южно-дагестанских сел³, составлявших пригород Дербента⁴.

Хотя система гражданского управления Дагестанской области, за исключением коренного народонаселения г. Дербент и Улусского Магала, и тех редких случаев, когда те или иные отдельные дагестанские горцы в силу каких-либо обстоятельств сами не выражали желания быть причисленными к составу мещан того или иного областного города, практически никак не распространялась на автохтонные этносы, однако дагестанцы всегда трудились в органах местной гражданской власти⁵.

С момента претворения в жизнь программы сенатора П.В. Гана в Дагестане стали формироваться и на постоянной основе присутствовать и развиваться общеимперские административные учреждения, в которых на должностях второстепенного или же вспомогательного характера трудились и выходцы из местных жителей⁶. Имперское правительство и далее использовало их по гражданскому ведомству⁷.

Минимальная по штату должностей гражданская администрация в

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866 г. Д. 615; РГИА. Ф. 1341. Оп. 116. Д. 397; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1; РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. раздел 1866 г. Д. 615.

³ РГИА. Ф. 350. Оп. 9. Д. 296. Л. 21; РГИА. Ф. 1268. Оп. 24. Д. 231. Л. 10; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 219. Л. 11; РГИА. Ф. 1268. Оп. 23. Д. 53. Л. 9.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1883 г. Д. 127 б. Л. 1.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 426. Л. 9; Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910; Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912; Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916.

⁶ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; История Дагестана. Т. II. М., 1968; Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

⁷ Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 417-443; Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 54-80.

Дагестанской области¹, как равно и единая кавказская администрация, всегда имели исполнителей из местных выходцев, а с должной подготовкой, и руководителей командного звена, что подтверждает пример М. Алиханова–Аварского², П.-А. Эмирова³, Г. Бамматова⁴, и то, что практически все низовые должности Дербентской городской полиции, при русском полицмейстере и русских офицерах, в ту пору занимали коренные уроженцы г. Дербент⁵. Причем до 1917 г. город Дербент сохранил свое традиционное деление на магалы (т.е. кварталы), в каждом из которых был сход и староста⁶.

На всем протяжении последних четырех десятилетий от второй половины XIX в. и первых семнадцати лет из XX столетия гражданская администрация по Дагестанской области имела минимальный штат, но множество различных ведомств. В первые три с половиной десятилетия по образованию Дагестанской области гражданская администрация координировала сферы судебной, полицейской, следственной, прокурорской власти, отвечала за организацию и контроль светского образования, осуществление акцизного и таможенного сбора, и многое другое⁷. В последующем компетенции гражданской власти

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390. Л. 1; РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 640. Л. 59; РГИА. Ф. 573. Оп. 2. Д. 2205. Л. 1; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а. Л. 1; ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8. Л. 5-37; История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 209-210; История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 122-125; Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 69-70.

² Алиханов М. В горах Дагестана: путевые впечатления и рассказы горцев. М., 2005.

³ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 12. Д. 11; Нурмагомед Эмиров. Личность и эпоха. К 100-летию со дня рождения. М., 2010.

⁴ Магомедханов М.М. Дагестанцы: вехи этно-социальной истории. Махачкала, 2007.

⁵ ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8. Л. 5-73.

⁶ ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 3. Д. 25. Л. 33-35; Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

⁷ РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390; РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 640; РГИА. Ф. 573. Оп. 2. Д. 2205; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7-а; ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8; ЦГА РД. Ф. 20. Оп. 1. Д. 26; История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988; История Дагестана. Т. II. М., 1968; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971; Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989; Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

только расширялись¹. До 1917 г. в Дагестанской области были открыты сберегательные кассы, отделения банков, различные промышленные предприятия, товарищества, кооперативы, больницы, светские школы, аптеки, библиотеки, издательства газет. Стали функционировать биржи и профсоюзы.

Подводя итог параграфу, отметим, что формирование гражданских институтов власти в границах дагестанских рубежей началось в момент образования Дагестанской области и в большей мере с чистого листа. Все выше приведенные гражданские учреждения и органы в масштабах данной территориально-административной единицы естественно формировались поэтапно. В начальных стадиях развития региона, при неимении нужного количества специально подготовленных чиновников, отдельные из этих ведомств возглавляли непосредственно военные, а гражданская система управления Дагестанской области учитывала местный колорит. С низвержением монархии в России, где эта историческая данность повторилась, и в постсоветский период развития в пределах дагестанских рубежей начал происходить процесс выдавливания и оттока как иудеев, так и русских².

Итак, после завершения Кавказской войны в пределах Северо-Восточного Кавказа была образована Дагестанская область. Сформированная 5 апреля 1860 г., она существовала вплоть до 1921 г., и на всем протяжении имперского периода истории имела дуально-инклюзивную систему управления. Данная система управления вплоть до самого 1917 г. разделялась на общеимперскую – гражданскую и военно-народную администрацию, а сама область на ведомства гражданских и военных управлений. К ведомству гражданской администрации

¹ Губаханова Р.А. Государственные учреждения в Дагестане в пореформенный период // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Сборник статей. Махачкала, 1989. С. 140-145.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 115; См. приложение В.

в периметрах данной территориально-административной единицы относились города, слободы, а также русские переселенческие села, штаб-квартиры войск, их урочища и укрепления. К ведомству военно-народной администрации относилось все коренное, но при обязательном условии не городское население Дагестанской области, которая в военном отношении подразделяясь на округа и военные отделы.

Данная исключительность, в частности использование в периметрах Дагестанской области военно-народной администрации, подразумевалась лишь как временная и подготовительная мера, которая, как это виделось тогда властям, должна была пошагово подготовить дагестанских горцев к усвоению гражданской формы управления. В связи с этим вплоть до 1917 г. в кругах имперского правительства присутствовала и развивалась острая полемика относительно уместности и неуместности расформирования в Дагестане военно-народной администрации и утверждения там единственно губернской формы управления. Сама гражданская администрация в пределах Дагестанской области при ряде частных исключений устойчиво имела общепринятый для всей империи стандарт. Тем не менее, она учитывала и культурные особенности региона.

ГЛАВА 3. СИСТЕМА ВОЕННО-НАРОДНОГО УПРАВЛЕНИЯ

в 1860 – 1917 гг.

3.1. Специфика военно-административного контроля

С образованием Дагестанской области в ее периметрах была образована система военно-народного управления, где это управление имело инклюзивное устройство. Хотя «военно-народное управление кавказскими горцами, в том виде, в котором оно» сложилось и функционировало в пределах Дагестанской области и «возникло» «вслед за покорением Восточного Кавказа», «принцип, лежащий в основании этой системы управления, был применяем» в Дагестане и в период первой половины XIX в.¹ Военно-народное управление функционировало и в других местностях Кавказа². Данная управленческая модель была основана на простом разграничении полномочий: нормативно-правовое управление территорией делегировалось офицерам армии, а низовое оставалось автохтонным, учитывающим местный правовой и политический уклад. Данная система управления в пределах Дагестанской области присутствовала и функционировала в период с 1860 до 1917 гг.

В первой половине XIX в. инклюзивное административно-управленческое устройство в пределах Дагестана в наибольшей степени проявилось в Самурском округе. Следует отметить, что руководство этим вновь сформированным в 1839 г. территориально-административным подразделением было поручено окружному военному начальнику, которому «между прочим предписывалось» с помощью избранных от каждого магала депутатов «водворить» в последнем «спокойствие», а «при разборе дел придерживаться народного обычая», и «не стесняясь» общеимперскими «законами

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 7; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 33; РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9. Л. 15.

² Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907.

разбирательство духовных дел поручить» выборному «казию», а в экстраординарных случаях сноситься с войсковым начальством в этом крае¹.

Как факт, подобная управленческая организация до 1860 г. присутствовала и в других пределах Дагестана². На протяжении практически всей первой половины XIX в. имперское командование на Кавказе в пределах дагестанских рубежей использовало косвенное управление³, которое в любой инвариации учитывало местную специфику, местный правовой и политический уклад⁴, воспринимало культурные особенности региона.

Хотя механизмы косвенного управления и модель организации по типу Самурского округа и являлись базисной основой, на которой была построена система военно-народного управления, последняя (т.е. система военно-народного управления) являлась не иначе, как самостоятельным проектом. Как на то прямо указывал барон А.П. Николаи при условии, что «никакая приобретенная веками национальная» или же культурно-цивилизационная «своеобразность»⁵, сам «образ жизни и склад понятий народных»⁶ исторически «не сдаются поглощению без борьбы»⁷ и «не могут быть изменены в несколько десятков лет»⁸, и при условии, что «горцы», «всегда и везде» отличались и «отличаются наибольшим консерватизмом» и «наибольшим упорством в

¹ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 84, С. 179.

² Там же. С. 182-184.

³ История народов Северного Кавказа: конец XVIII - 1917 г. М., 1988; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6 (150). С. 65-75.

⁴ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; Губаханова Р.А. К вопросу об организации управления Дагестаном во второй половине XIX века // Из истории дореволюционного Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1976. С. 103-126; Губаханова Р.А. Политика России в Дагестане во второй половине XIX века (историография вопроса) // Историография истории Дагестана досоветского периода. Сборник статей. Махачкала, 1986. С. 9-17.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 639. Л. 77.

⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 27.

⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 639. Л. 77.

⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 27.

отстаивании своей независимости», то это все влияло на политическую ситуацию в Дагестане¹. В процессе управления Дагестанской областью Санкт-Петербург учитывал все вышеприведенные аспекты.

Опираясь на негативный и позитивный опыт первой половины XIX в., имперская администрация придерживалась позиции, что политическая интеграция и освоение пределов Дагестана, как впрочем и любое приобщение его «этнокосов»² к имперским ценностям и идеалам единственно возможно с нелинейностью и постепенностью³, не отменяя, а учитывая и воспринимая местный колорит. Заметим, что с 1860 по 1864 гг. Дагестанской областью руководил командующий войсковой дивизии⁴, далее начальник области⁵, а с 1883 г. военный губернатор⁶.

В период 1860-1917 гг. координация законодательной и управленческой деятельности в Дагестанской области последовательно переходила от начальника войсковой дивизии к начальнику этой области, далее к военному губернатору. В то же время, их полномочия по сути были идентичны. Как на то прямо указывает С.Ш. Гаджиева, «во главе управления» Дагестанской областью всегда находился «особый начальник»⁷, который в зависимости от сиюминутной конъюнктуры подчинялся или непосредственно кавказскому наместнику, или же главноначальствующему по гражданской части⁸, и «сосредотачивал всю полноту» власти региональной «административно-политической» и в частности гражданской с «правами генерал-губернатора, а по

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 28.

² Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

³ Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 70-73; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865.

⁴ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1201-1202.

⁵ Там же. С. 434-435.

⁶ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 7.

⁷ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 148.

⁸ История народов Северного Кавказа: конец XVIII - 1917 г. М., 1988; История Дагестана. Т. II. М., 1968; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

управлению» дагестанскими народами — «с правами, определенными особым положением», и всю полноту военной власти¹. На том отрезке времени у руководства области имелась и своя номенклатура.

В то время как военный губернатор области имел двух помощников, где первому вверялись все дела по управлению дагестанскими народами, а второму все дела гражданского управления, и небольшую, канцелярию², начальник области, как собственно и командир дивизии, могли рассчитывать – начальник области – на небольшую канцелярию, разбитую на гражданское и военное ведомство, а командир дивизии – единственно дивизионный штаб³. Этот штаб всегда имел типичный для того периода штат должностей и стандартно-типовое военное устройство.

Если на всем протяжении существования первого наместничества, облеченное всей полнотой «судебной, хозяйственной, административной, финансовой и военной» власти⁴, руководство Дагестанской области для разрешения дел как гражданского, так и военно-народного управления, в обязательном порядке должно было сноситься исключительно и только с кавказским наместником, то далее оно имело право относиться напрямую в ведомства, а также профильные министерства. В период продолжительного наместнического управления с 1845 до 1883 гг. любая инициатива по Кавказу, «начиная» от самого обычного «ходатайства какого-либо местного учреждения» и далее по возрастающей «завершалась» не иначе как «известного рода разрешением на месте»⁵. С упразднением наместничества в кавказских рубежах в вопросе производства дел установились общие для всей империи стандарты.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 148; Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 7; См. приложение А, Схема В, Г.

³ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 146; См. приложение, Схема А, Б.

⁴ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 434-435.

⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 6 об.

Принципиальное различие в системе управления Дагестанской областью в период существования наместничества и период присутствия на Кавказе главноначальствующего заключалось в том, что при главноначальствующем руководство областью осуществляла местная – региональная администрации и министерства, тогда как при наместнике управление на Кавказе в целом координировала именно наместническая власть. С восстановлением Наместничества (1905 г.) в движении дел вновь утвердились прежние начала¹.

Со второй половины XIX и до начала XX столетий центральная администрация Кавказа объединяла и гражданское, и военно-народное управление, для контроля которого в ней был особый орган. Как о том писал Х.-М.О. Хашаев, впервые «особый орган управления кавказскими горцами был учрежден 19 июля 1860 г. при главном штабе Кавказской армии и имел название Канцелярия по управлению кавказскими горцами». Уже «в 1865 г. эта Канцелярия была преобразована в Кавказское горское управление, а в последующем в Кавказское военно-народное управление». В 1883 г. на основе данного подразделения была вновь сформирована особая «канцелярия»², которую с восстановлением наместничества (1905 г.) унаследовал наместник³.

И если максимально кратко говорить о компетенциях, а также и функционале только что отмеченных структур, то нужно подчеркнуть то, что последние являлись той инстанцией, которая одновременно инспектировала и координировала военную администрацию в регионах, совместно с министерствами по профилю осуществляла разработку «проектов» и «законоположений» по отношению «судопроизводства», «следствия», налогообложения, рассмотрение «поступающих» от горцев «жалоб и претензий», как собственно и прочих подлежащих дел⁴. Все

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 8; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 13 об.

² Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 65.

³ Там же. С. 65.

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 79.

вышеперечисленные органы, как и прочие из органов единого кавказского правления, с начала XIX в. располагались в городе Тифлисе.

Как на то было указано ранее, в плане военного управления Дагестанская область подразделялась на 4 военные отдела, и 9 однотипных округов, где все эти величины имели свою собственную администрацию и свое особое начальство. Согласно Положению об управлении Дагестанской областью, абсолютно все «военные начальники», как «начальники отделов», так и «начальники окружных управлений» Дагестанской области при непосредственном подчинении первых руководству области, а вторых непосредственно первым в подведомственных им «районах» сосредотачивали и замыкали на себе «начальствование» над расположенными там «войсками», и управление над «местным населением». В подведомственных им подразделениях им принадлежала военная, судебная, хозяйственная, политическая и финансовая власть¹. Системная администрация данных структурных единиц на начальных стадиях развития области была представлена номенклатурой войсковых штабов, а далее – особых канцелярий².

Если после окончания военных действий на Восточном Кавказе на управление дагестанскими горцами предлагалось «смотреть» исключительно как на прямое «продолжение их покорения», и «считать еще несколько лет необходимые для того расходы» и действия не иначе как «издержками Кавказской войны», то это было фактором того, что руководство Дагестанской области формировалось из военных³. К тому же «сложившийся веками своеобразный общественный строй жизни» и полное несоответствие правового и политического уклада дагестанского народонаселения с действующим в

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 17, Л. 20.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 67-68; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 18-21.

³ Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 70-71; Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 168.

империи законодательством привели к тому, что в этом регионе была использована дуально-инклюзивная система управления. Нормативная и управленческая эклектика дагестанских особенностей по формированию военно-народной администрации привела к тому, что управление и координацию жизнедеятельности общественной жизни на территории могли осуществлять лишь только те, кто знал специфику и «ритмы дагестанской жизни»¹. Кто понимал и знал богатую кавказскую культуру. К моменту образования Дагестанской области, знания и опыт по руководству этим регионом имели не гражданские чиновники, а офицерский контингент². Это видится самоочевидным, т.к. именно военные обеспечивали контроль за дагестанскими территориями на всем протяжении первой половины XIX в.³

Если на всем протяжении периода 60-х и 70-х гг. XIX в. практически весь руководящий состав Дагестанской области был сформирован из офицеров армии⁴, то далее, как предполагалось, их количество в администрации области должно было уменьшиться. Как о том писал в 1907 г. в своем донесении на имя императора всероссийского Николая II предпоследний кавказский наместник гр. И.И. Воронцов-Дашков: когда в прежние времена, «все функции» руководства по военно-народному управлению «сводились почти и только к поддержанию на месте» одного «порядка», о «разделении» полномочий этого руководства, да как собственно и его замены на общеимперский ресурс, еще «не могло быть и речи». Однако, «при развитии крестьянского дела, сложности податного обложения, расширении торговых сношений, привлечших в сельские местности лиц, не подлежащих ведению» этого управления, «при распространении

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 5-6; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 230-231.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 7; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393; РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9.

³ Там же. Л. 23.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861.

горного дела и фабрично-заводской промышленности, при возникновении потребностей в создании новых путей сообщения, в устройстве почтово-телеграфных сношений, в распространении народного образования, в урегулировании условий сельского хозяйства» и т.д., «одно административное лицо очевидно» стало не в состоянии «совмещать в себе все функции административной деятельности». Исходя из этого, в пределах Дагестанской области настал момент для утверждения гражданской власти¹.

Однако наряду с этим мнением, в кругах имперского правительства также присутствовало убеждение, что «принцип разделения властей» в сугубо европейском понимании и «неимение начальством права» наказывать и приказывать «одновременно» по большей части недоступны «пониманию горца», что признается «им за слабость»², что только «офицеры регулярных войск» при их армейской дисциплине единственно «умеют» совладать и управлять столь «беспокойным населением»³, поддерживать порядок в масштабах дагестанских и кавказских гор. Исходя из этого, уменьшив в 80-х гг. XIX в. «во всех возможных случаях наряд» служащих от войск на должности второстепенного значения⁴ и (при крайне неудачном опыте⁵), переведя в 1893 г. медицинскую часть Дагестанской области из военного в гражданское ведомство⁶, Санкт-Петербург так и не решился упразднить в Дагестане военную систему управления⁷.

В основания системы управления Дагестаном была заложена военно-силовая составляющая. «Долговременные враждебные отношения» и

¹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 125-126.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 43.

³ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 24-27.

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 5.

⁵ Предельский А.Г. Укрепление Хунзах и Аварский округ, Дагестанской области. Санитарно-географический очерк. СПб., 1903. С. 18, С. 22-24; См. приложение В.

⁶ ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 5. Д. 1. Л. 16.

⁷ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 6.

«неприятные чувства» местного «населения» по отношению к русской власти «не могли исчезнуть одновременно с прекращением» Кавказской войны¹. Считалось, что стабильность в регионе можно обеспечить лишь только в случае, если там будут располагаться воинские части. Как о том говорил в 80-х г. XIX в. первый главноначальствующий гражданской частью на Кавказе кн. А.М. Дондуков-Корсаков: «абсолютно все «мусульманское население» Кавказа еще «не может считаться» полностью «преданным нашему Правительству и политически благонадежным» и, «если при обычном течении дел» не стоит «опасаться серьезного нарушения порядка» со стороны последнего, «то в случае войны и особенно при неудаче нашего оружия», «в некоторых местностях» Кавказа, и, в частности, в пределах Дагестана, где население последнего, хотя и «при многих, достойных уважения качествах», будучи «наружно спокойным и покоренным», при «благоприятных обстоятельствах и под руководством искусных проповедников» могущее «подняться как один», там могут произойти масштабные волнения»². И даже более того, суровые в своей слепой жестокости и ярости восстания³. К тому же во второй половине XIX и начале XX столетия дагестанские и кавказские территории входили в поле зрения таких государств как Англия, Франция, Германия, Япония, Османская Империя, Иран⁴. Ответом имперского правительства была высокая концентрация в этих территориях армейского контингента⁵, который в упреждении неудобств, как правило,

¹ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 186.

² Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903. С. 16-18.

³ Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 70.

⁴ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865; Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984; Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992; Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской Империи. Т. 4. М., 2018.

⁵ Всеподданнейшая записка командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 год. Тифлис, 1890.

«квартировался обособленно»¹.

На всем протяжении последних 4-х десятилетий второй половины XIX в. и первых 17-ти лет XX столетия Санкт-Петербургская администрация, как ввиду построения доверительных отношений с местным населением, так и ввиду предупреждения конфликтов, настойчиво рекомендовала руководству Дагестанской области, да и вообще командированным на Кавказ чинам изучать и уважать религиозные воззрения горцев и местную культуру². Однако в данный период времени, как и на предыдущих этапах, на Кавказе имелся дефицит специально подготовленных рабочих кадров. «Азиатские дела» для России – это не та или иная «прихоть, происходящая от избытка сил» и, тем более, «не удовольствие той или другой исключительной цели, как торговля» или же «политическое влияние», «у России, как» и «у Януса два лица», где одно из них «обращено к Европе», а «другое к Азии»³, а границы России «безраздельно» сливаются «с Азией на протяжении 10-ти тысяч верст». В связи с этим Россия «заинтересована делами» этого континента «гораздо в высшей степени, чем какая-либо другая европейская держава», но парадоксально, что в Европе специалистов по Востоку всегда было больше, чем в нашем Отечестве, в котором в 60-х гг. XIX в., по сути, не было офицеров и чиновников, систематически обучаемых в вопросах ориентализма⁴. Это относилось и к области познания Кавказа⁵.

С 1860 г. и до низвержения монархии в России, системное и комплексное представление и понимание Кавказа и Востока в целом в кругах верховного,

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093. Л. 22.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865.

³ Там же. С. 216-217.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 73.

центрального кавказского и дагестанского регионального правительства постепенно улучшалось. Однако общее, поверхностное отношение к местной специфике, презрение к чужой культуре и религии, масштабная коррупция вели к постоянному напряжению в обществе, настороженности, недоверию и отторжению, волнениям, конфронтации и другим негативным явлениям¹.

Имперская администрация на территории Кавказа отдавала себе отчет в том, что абсолютно все местные «населения судят как о самом Правительстве», так и о «его целях и задачах», «и вообще о господствующей в государстве народности по тем представителям власти, которые поставлены» над ними². До самого 1917 г. в пределах всего Кавказа и Дагестана, в частности, наблюдались неоднократные попытки замещения всех должностей исключительно и только «достойными и способными» кандидатами³, но в реальной практике не все чины администрации имели соответствующий сказанному профиль⁴. Как о том свидетельствует источник, «поддержание в народе без всякого колебания, уважения к силе и значению нашей власти и внушение горцам веры в справедливость нашего суда, во всех возможных случаях» всегда и постоянно выступали первоочередной целью и «главной заботой Правительства»⁵. Тем не менее по причине того, что служба на кавказской окраине была трудна т.к. с одной стороны она требовала «особых усилий, чтобы изучить строй чужой народной жизни», «приспособиться к понятиям и предрассудкам массы и

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393; РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910; Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб, 1913.

² РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 198. Л. 17.

³ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Л. 7.

⁴ РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 198. Л. 17.

⁵ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71-а. Л. 3.

заслужить ее доверие правильным разрешением возникающих в среде ее потребностей, не упуская притом из виду и целей и задач правительственных», а с другой «в большинстве случаев при отсутствии всех» жизненных «удобств создавала» дополнительные сложности бытового характера, то это все отпугивало лучших управленцев¹. Кавказскую администрацию, по большей части, приходилось создавать из самых нерадивых². Описанная ситуация в основном характеризовала ситуацию в ведомствах гражданских управлений. В то же время, данные тенденции имели место быть и в ведомствах военных³.

Все уровни администраций на Кавказе до 1917 г. в плане кадровой политики формировались вдумчиво⁴, но результаты были заметны в основном в высших правительственных органах⁵, в отличие от местной администрации.

Кроме того, становлению и развитию модели управления Кавказом мешало «незнание» чиновниками «местных языков»⁶, а также то, что многие из них тогда стремились на Кавказ лишь только в целях построения карьеры⁷. Многие боялись потерять свое положение и должность, в связи с чем оставались не самостоятельны в своих решениях и действиях, а некоторые

¹ РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 198. Л. 17 об.

² См. приложение В.

³ Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907; Всеподданнейшая записка командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 год. Тифлис, 1890.

⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Л. 3.

⁵ РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 198. Л. 18; Далгат Э.М. Учреждения местного управления Дагестана в конце XIX – начале XX веков // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Сборник статей. Махачкала, 1989. С. 154-163.

⁶ РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 198. Л. 18.

⁷ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 322; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907.

«люди официального класса, и в том числе и самые близкие» к Российскому престолу, как об этом сообщает Р.А. Фадеев, имели привычку напрашиваться «на службу европейским интересам» и «нисколько не скрывая» это «продавать свою страну» за деньги¹.

Кавказская центральная и региональная администрации до низвержения монархии в России функционировали и формировались наличием обозначенных проблем. И хотя многие сотрудники местных органов власти и радели делом государства, но среди них были и такие, которые работали не продуктивно и с безразличием к происходящему ждали продвижения по службе и перевода в центр, а многие путем коррупции, не видя перспектив, формировали собственное счастье².

Безусловно, как общекавказская, так и региональные, в том числе и дагестанская администрации, никогда не были лишены талантливых и рачительных руководителей и исполнителей, которые радели за государственное дело, но данные чиновники просто не могли превзойти общую инертность самой системы в рамках управленческой модели на местах. Как об этом писал гр. И.И. Воронцов-Дашков, «местные администрации» практически «неприспособлены к вдумчивой» и «самостоятельной деятельности, привыкшие в течение долгих лет только к беспрекословному, чисто внешнему исполнению приказаний начальства и к предупреждению его желаний, в смысле представления положения вещей в благоприятном для него свете, с тщательным скрыванием всего того, что нарушает картину общего благополучия», очень часто на деле «оказывались не в состоянии разобраться в причинах

¹ Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 212.

² РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 322; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907.

совершающегося, так как, будучи оторванными от местных интересов, видели зло исключительно в противодействии своим неудачным начинаниям, сгущали краски этого противодействия и не справлялись» ни с решением поставленных задач, ни «с анализом явлений»¹. Все это было системным явлением и отражало специфику управленческой модели на Кавказе.

Продолжая говорить о тех деструкциях, которые имели место быть в системе управления Дагестанской областью, отметим, что катастрофические последствия для этой области имело решение властей о назначении на должности командного и среднего звена большого количества мстящих дагестанцам за былое (как это проявилось в Закатальском округе, где было развито и лихоимство, и мздоимство, и унижение офицеров джарцев, воевавших в царской армии, и обращение через силу в христианство), и просто искажающим реальную действительность в угоду корысти, что стало очевидно при восстании в том же округе (1863 г.), чиновников и управленцев из грузин и армян². С восстанием в Дагестане (1877-1878 гг.) имперское правительство при осознании своей ошибки сохранило их при власти в области, но постепенно масштабы таких назначений стали снижаться.

В силу вышеприведенных факторов и обстоятельств, имперское правительство при формировании корпуса управленцев Дагестанской области, помимо непосредственно профессиональных качеств административных сотрудников, назначаемых в этот регион во избежание негативных последствий, было вынужденно учитывать и их этническую принадлежность. Схожая позиция наблюдалась и в отношении войск, которые тогда располагались в регионе. Если в пореформенный период, а точнее после военной реформы Д.А.

¹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб, 1907. С. 7.

² РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 807; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 277.

Милютин¹, где последняя, наравне со славянским элементом, предписывала отбывание обязательной воинской повинности и другим этносами империи, «в частях» Кавказского военного округа количество «инородцев год от году» стало увеличиваться², то, с условием того, что многие «воинские части» этого округа «постоянно» пребывали «в изолированном положении исключительно среди» местного «мусульманского народонаселения», то «при значительном составе инородцев, в числе которых» было и «немало магометан», последние (т.е. воинские части) как виделось, утратили свою былую боевую силу³. Бытовало мнение, что в критический момент они ни в коей мере не смогли б ни поддержать, ни удержать порядок.

В кругах верховного правительства империи на том отрезке времени циркулировало убеждение, что «вследствие» разнохарактерных «причин» и «исторических» проистечений⁴, а более ввиду ассимиляции и обрусения, все мусульманство «внутренних губерний» по складу жизни и характеру, и качествам весьма отлично от своих единоверцев на Кавказе⁵, а также и турецких и персидских. Тем не менее, в них также присутствовало подозрение, что мусульмане внутренних губерний по причине веры, а равно и идущих из истории фантомов и претензий к высшей власти, в момент военных действий, усмирения восстания на Кавказе или в Дагестане не станут направлять оружие на своих единоверцев, а то и вовсе поддадутся их тлетворному влиянию и уговорам, в итоге перейдут на сторону кавказско-дагестанских или заграничных

¹ Милютин Д.А. Дневник. Т. I. М., 2016.

² РГВИА. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 34. Л. 31.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Всеподданнейшая записка командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 год. Тифлис, 1890. С. 42.

⁵ Там же. С. 42; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 122.

мусульман¹. По мнению кн. А.М. Дондукова-Корсакова, на Кавказе «было б в высшей степени полезно» все боевые «части вверять командованию», не присланных, а лишь «испытанных Кавказских офицеров»².

До 1917 г. распространенной точкой зрения в местной и имперской администрации было убеждение в невозможности полноценного управленческого процесса в Дагестанской области без применения силы военных или введения в состав местной администрации выходцев из армии.

3.2. Дагестанские этно-социальные и политические институты в системе военно-народного управления: опыт адаптации

Вплоть до 1917 года «главной заботой военно-народного управления» «была постепенная подготовка» горцев «к такому состоянию, чтобы установленный между ними порядок мог быть сохраняем» и «без пособия военной силы»³, в связи с чем военно-народная администрация должна была стараться «направлять дело к тому, чтобы горское население постепенно, без ломки и потрясений перешло к общему гражданскому» управлению⁴. Тем не менее, прекрасно понимая, что любое изменение «культурного состояния совершается вообще медленно», где «среди горцев каждый шаг в этом направлении», в силу присуще-характерного им консерватизма, «достигается с несравненно большими усилиями», нежели чем среди «народов более поддающихся и более доступных для культурного влияния»⁵, когда «большинство населения Кавказа» исторически отличалось и «отличается

¹ РГВИА. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 34. Л. 32 об.

² Всеподданнейшая записка командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 год. Тифлис, 1890. С. 20-21.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 47.

крайней восприимчивостью» и «способностью поддаваться увлечениям минуты и непоколебимой привязанностью к своим вековым обычаям»¹, то исходя из этого, имперская администрация старалась не форсировать события. И даже более того, в вопросе управления горцами последняя всегда являла осторожность.

В вопросе управления Дагестанской областью Санкт-Петербургское правительство делало «уступки» региону², в связи с чем процесс изменения модели и структуры управления областью до низвержения монархии в России так и не был завершен. В представленной модели управления это отражалось в текущей деятельности и принципах комплектования практически всех местных судебно-правовых и политических институтов.

На всем протяжении существования и функционирования системы военно-народного управления последняя, как и задумывалось ее организаторами, помимо непосредственно военно-административных методов и практик включала в себя и сугубо местные судебно-правовые и политические нормативные требования, которые подверглись изменению.

Как сообщает генерал-лейтенант А.А. Щепелев, создание военно-народного управления подразумевало собой появление в Дагестанской области таких институтов и учреждений, «которые, соответствуя духу народных установлений и потому будучи понятными и доступными» для ее коренного «населения», давали бы вместе с тем властям «возможность направлять исподволь народную жизнь сообразно» видам и задачам правительства и «своевременно, без потрясений, устранять все то, что препятствовало достижению главной цели», которая заключалась «в постепенном изменении и смягчении нравов» горцев и «переходе к более совершенным формам быта и

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 12.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 639. Л. 77.

гражданственности»¹. Акцент делался именно на постепенности преобразований местных институтов.

До 1917 г. корректировке в Дагестанской области подверглись и местные социально-политические и правовые институты, адат и шариат. Причем народно-автохтонная администрация в Дагестане функционировала лишь на уровне общин² и на уровне наибско-участковых управлений³.

На всем протяжении с 1860 по 1917 гг. как наибские, так и участковые управления Дагестанской области представляли собой не что иное, как промежуточную страту между сельской и окружной администрацией⁴, а их начальникам принадлежала власть, имеющая «полицейский» и «распорядительный» характер⁵. «Участковые начальники» по содержанию функций и полномочий «по надзору за сельскими обществами» одновременно выступали проводниками и исполнителями абсолютно всех решений и идей военного губернатора и окружного начальства⁶, на которых возлагалось «прекращать» там «своеволия и споры», а также «преследовать воров», охранять – поддерживать порядок⁷. Им надлежало контролировать и направлять всю повседневную жизнь подведомственной им административно-территориальной единицы.

Что любопытно, в период 1860-1883 гг. кавказская администрация хотела чтобы большая часть наибских должностей в Дагестане была оставлена за офицерами «регулярных или же казачьих» частей, но данный вопрос тогда так и не был решен. Во многом он не был решен ввиду того, что «содержание,

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 49; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260; Отчет наместника кавказского и главноначальствующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 36, Л. 111, Л. 113; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 29.

³ Там же. Л. 24 об.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1.

⁵ История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 122.

⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 109.

⁷ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 22.

получаемое этими последними» (т.е. наибами), было «так незначительно в сравнении с <...> расходами, которые сопряжены с наибской должностью», что могло удовлетворять только местных жителей, и то с ведением подсобного хозяйства¹.

К 1860-м гг. имперские чиновники при множестве проблем в реализации поставленных задач, воочию увидели то, что все низовое управление в Дагестане ввиду его культурного многообразия (где каждый джамаат всегда отличен от другого), единственно возможно проводить лишь только через тех, кто объективно знает и воспринимает этот колорит, а также понимает ритм, философию и повседневность дагестанской жизни.

К этому времени Санкт-Петербургское правительство убедилось в том, что «популярность» российского управления в пределах Дагестанской области, да, как собственно, и в периметрах всех остальных азиатских окраин империи, «продолжается лишь до тех пор, пока русская власть <...> не переходит в мелочную администрацию», и что этот переход гарантирует ей лишь только «общие неудовольствия и народные вспышки»². В связи с этим практически вся низовая власть в данном регионе была делегирована местным горцам, но все же это создавало не только выгоды, но собственно и «неудобства»³. Это видится самоочевидным, т.к. этническая консолидация «при крайней пестроте этнографического состава кавказского и особенно закавказского населения» всегда чувствовалась «здесь сильнее», нежели чем в других регионах⁴. Таким образом, постановка задачи о создании единой модели управления на территории и системной координации отдельных местных структур сводилось на нет. Данный фактор воспринимался в имперской администрации, как

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 51.

² РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 322. Л. 7.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 51.

⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 35. Л. 27.

задевающий интересы власти¹.

Отмеченные обстоятельства являлись фактором того, что вплоть до самого 1917 г. имперское правительство не могло эффективно направлять и регулировать существующие на Кавказе низовые управления. Этническая, узкоджамаатская и родственно-семейная консолидация², местного населения поддерживали «независимость» и «обособленность», нарушали «законность»³, что создавало множество управленческих и административно-правовых проблем при управлении регионом. Для пресечения всех вышеприведенных неудобств имперская администрация использовала практику «кнута и пряника» (где допускалось награждение и поощрение за службу, и равно отстранение и взыскание за провинности), а также метод кадровых ротаций⁴. В Дагестане данные практики использовались в полном объеме.

Как уже о том было сказано выше, «низшие», «промежуточные чины» по военно-народному управлению⁵, в Дагестанской области занимали коренные уроженцы. Причины такого положения дел в основном были сформированы расположенностью местного населения, знанием и пониманием местных особенностей и коммуникаций. Тем не менее, в данной практике всегда имелись исключения. К примеру, когда в той или иной отдельной местности население не принимало, или же не воспринимало «своих» низовых начальников, верховное правительство с целью разрешения и заземления конфронтации меняло их на управленцев, имеющих нейтральный статус. В охваченные неурядицей подразделения и управленческие единицы сначала определялись все те же дагестанцы, но только из других пределов региона, а если это действие не помогало и кризис продолжал усугубляться, то далее имперское

¹ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 21.

² Там же. Л. 21.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 51.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1883 г. Д. 127 б.; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 15; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 22; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1883 г. Д. 127 б. Л. 15.

командование уже рокировало их военными, которые до времени и выполняли функции наибов или же старшин¹. Выбор сельских старост в Дагестанской области народным волеизъявлением производился только до восстания 1877-1878 гг., а дальше сельских старост и в должности наибов только назначали².

Если на всем протяжении имперского периода истории Дагестанской области Санкт-Петербургское правительство в пределах данного региона периодически использовало офицеров армии для выполнения обязанностей наибов и старшин, то в очерченный рубеж помимо прочего оно готовило и подводило дагестанцев к высшей власти³.

В системе военно-народного и гражданского управления данной территориально-административной единицы, пусть и в различные периоды по-разному, но объективно всегда присутствовал и ощущался дефицит специально подготовленных и обученных кадров. Параллельно на уровне правящих кругов империи, помимо прочих суждений относительно этого вопроса, в пореформенный период и далее имелось устойчивое убеждение в том, что никто не может знать душу того или иного народа лучше, чем представители этого же народа. Наблюдалась фиксация постепенного увеличения количества лиц в системе управления, понимающих, что органичное и гармоничное сращения центра и периферии, как равно и приобщение новых территорий и этносов к общегосударственным ценностям, и в целом устойчивое развитие любого

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1883 г. Д. 127 б.; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 15; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 22; ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14.

² Егорова В.П. К вопросу о сельском управлении в Дагестане после присоединения к России // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1970. С. 104-109.

³ Отчет наместника кавказского и главноначальствующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910.

государства не могут происходить вне участия всех народов и культур¹, находящихся на территории последнего. Итогом становилась подготовка и назначение на высшие управленческие должности российских «инородцев».

И если в момент образования Дагестанской области и первые десятилетия после этого вся высшая военная и гражданская администрация региона ввиду неподготовленности местных кадров и прочих факторов формировалась только пришлым элементом, то далее, в процессе административно-управленческой подготовки дагестанцев, а также проверкой и перепроверкой их на преданность, имперское правительство восполнило пробел². К примеру, в Андийском округе помощником начальника работал Н. Баматов³, П.-А. Эмиров служил по канцелярии губернатора, а после возглавлял столичный – Темир-Хан-Шуринский округ⁴.

Важно подчеркнуть, что тогда, когда верховное правительство империи постепенно пришло к осознанию того, что в пределах Дагестанской области как наибско-участковые, так и сельские администрации, пусть и при всех издержках данной практики, следует оставлять в руках местных выходцев, то процесс формирования верховной власти в области оно рассматривало иначе.

На всем протяжении истории дагестанские периметры представляли собой не что иное, как крайне пеструю этно-политическую мозаику⁵, где

¹ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 322; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393; РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9; Всеподданнейшие записки главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, 1903; Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865; Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

² Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 417-443; Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 54-80.

³ РГИА. Ф. 573. Оп. 1. Д. 965. Л. 1; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 106. Л. 29.

⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 12. Д. 11; Нурмагомед Эмиров. Личность и эпоха. М., 2010.

⁵ Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период раннего средневековья и ордынскую и пост ордынскую эпоху // Клио. 2022. № 1(181). С. 111-126; Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период XVI-XIX вв. // Клио. 2022. № 2(182). С. 82-96.

последняя, в силу отчетливо заметного антагонизма всех ее составных частей, всегда и во всем была переполнена множеством противоречий и проблем¹, где в силу крайне стойкой исторической памяти дагестанцев² все эти противоречия и проблемы просто не могли исчезнуть из их сознания в одно мгновение. Естественно, по завершению процесса интеграции Восточного Кавказа в общероссийское пространство этнокультурная и ментальная пестрота продолжали существовать и далее. Имперская администрация постепенно приходила к выводу о том, что успешное развитие Страны гор единственно возможно при нейтральной власти.

За аргумент в представленном суждении бралась позиция, что возвышение одних из местных элементов над другими при внутренних противоборствах этносов, а также джамаатов, и тухумов породит сведение счетов и ущемление одних другими, а равно открытую и грязную борьбу за власть³. В правительственных кругах не допускалась и мысль, что Дагестаном может управлять свой, т.е. представляющий местные народы, губернатор.

Вплоть до самого низвержения монархии в России Дагестанская область в плане своего территориально-административного устройства имела пирамидальную конструкцию, в которой нижайшей патестарной единицей являлась сельская община⁴.

Как это прямо следует из целого ряда историко-этнографических исследований отечественного кавказоведения⁵, любая дагестанская сельская

¹ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Сборник статей. Махачкала, 1981; Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014; Умаханов М.-С.К. Дагестан во второй половине XVIII – нач. XIX веков. Махачкала, 2011; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1.

⁵ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Сборник статей. Махачкала, 1981;

община вплоть до самого начала XIX столетия выступала крайне обособленной и замкнутой «самостоятельной хозяйственной и общественной единицей», которая имела «свое собственное местное управление» и была способна на основе своих же собственных и «устоявшихся» во времени «адатов-обычаев, регламентировавших» все грани ее жизнедеятельности, решать абсолютно «все» свои «внутренние», а зачастую и многие внешние «вопросы»¹. Каждая из них всегда и во всем испытывала неимоверную привязанность «к своим старым учреждениям» и неимоверно дорожила своим особенным². Имперское правительство с завоеванием дагестанских рубежей не стало обнулять и игнорировать данный порядок.

В момент образования Дагестанской области в имперском правительстве присутствовало убеждение в том, что локальную цивилизацию никак «нельзя» ни «изменить», ни отменить «простым <...> распоряжением» циркуляра³. К тому же в Дагестане подобные действия могли детерминировать масштабные протесты. В связи с этим в кругах правительства было принято решение принять региональную мозаику, сохранить как низовую единицу управления вновь учрежденной области традиционный дагестанский джамаат⁴. Единый принцип управления последними был принят лишь только с утверждением в 1868 г. «Положения о сельских управлениях»⁵.

Говоря о тех качественных изменениях и структурных преобразованиях, которые были произведены имперскими властями в системе организации общественного управления в дагестанских рубежах, по образованию

Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014; Умаханов М.-С.К. Дагестан во второй половине XVIII – нач. XIX веков. Махачкала, 2011; История Дагестана. Т. I. М., 1967; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961.

¹ Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002. С. 352.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 33.

³ Там же. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 128; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 33.

⁵ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 68.

одноименной области отметим, что главнейшими из них были: утрата свободы волеизъявления и демонтаж демократических институтов.

Как следует из материалов целого ряда историко-этнографических исследований отечественного кавказоведения, вплоть до самого начала XIX в. базисной основой абсолютно каждого дагестанского джамаата, да как собственно и его главной политической силой, был и оставался сельский сход лично свободных, совершеннолетних и равных между собой по политическим правам домохозяев мужчин, где последний путем компромиссного или же удовлетворяющего всех решения и открытой или же закрытой баллотировки определял и во всем регулировал внутренний уклад того или иного поселения, избирал, а если того требовала ситуация – и отстранял от должности любого из членов своей администрации¹. После 1859 г. все эти общества лишились данной инициативы.

Когда в своей устойчивой традиции все джамааты Страны гор в вопросах внутреннего управления являлись полностью самостоятельными величинами, где мнение большинства во всем давило над отдельными суждениями, в том числе и в частной жизни, то после 1859 г. все эти единицы и их номенклатура как под копирку стали подконтрольны высшей власти, которая сначала просто утверждала или отклоняла выбранных, а с 1878 г., пусть и в согласовании со сходом, стала самолично назначать старшин². С отмеченного рубежа и вплоть до 1917 г. любое приискание и суждение общего собрания жителей любого поселения Дагестанской области, если оно прошло без разрешения властей,

¹ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Сборник статей. Махачкала, 1981; Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961; Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 50; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 27 об.

считалось незаконным и, следовательно, не имеющим значения и силы¹.

Если, начиная с момента образования Дагестанской области и вплоть до низвержения великоросской монархии, абсолютно все джамааты Дагестана имели или назначаемых, или утверждаемых старшин, то это было вынужденной мерой. Превалирующая часть автохтонного «населения» Страны гор, «сохранив свои верования», «обычай», «образование», «народное судопроизводство» и самоуправление «в низших инстанциях», как и прежде, продолжала «жить совершенно обособленной жизнью» и имела достаточно «много элементов» крайне «не довольных новыми порядками», где последние были «склонны смотреть на владычество русских как на явление случайное и переходящее»².

С условием, что старшина являлся главным регулятором дел того или иного джамаата³, а также «глазами и ушами» высшей власти⁴, то метод точечного назначения давал возможность назначать на эти должности лишь только тех, кто был проверен и лоялен⁵. Метод назначения и утверждения при сложности тухумно-родовых взаимоотношений в Дагестане и их антагонизме⁶, как виделось, блокировал противоборства этих социальных страт за власть и избавлял селения от «волнений, беспокойств», интриг⁷.

В данный период времени утверждались и назначались не только сами старосты, но и их помощники⁸, а для большего осведомления о повседневной жизни горцев и деятельности их управ, в каждом джамаате Страны гор властями были созданы сети «агентуры»⁹.

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 111; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 28.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 12. Д. 43. Л. 2.

³ Там же. Л. 2; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1.

⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 12. Д. 43. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ Хашаев. Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007.

⁷ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 12. Д. 43. Л. 3.

⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 50, Л. 110; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 31.

⁹ РГВИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 75; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 75; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 68.

Следует отметить, что, хотя с образованием Дагестанской области и введением в ее пределах системы военно-народного управления, абсолютно вся административная и организационная составляющая дагестанских сельских обществ и была переведена из ведомства самого общества в непосредственное заведывание и распоряжение областного руководства, тем не менее, до низвержения монархии в России все джамааты Страны гор еще во многом сохранили право голоса и собственное мнение в решении управленческих и административно-правовых вопросов.

Как на то прямо указывал в своем донесении на имя императора Николая II в 1907 г. предпоследний кавказский наместник гр. И.И. Воронцов-Дашков, принцип «организации сельского общественного управления на Кавказе», где «на практике» все «сельские канцелярии, наделенные широкими полномочиями и поддерживаемые администрацией», при наличии ярко выраженного «стремления забрать в свои руки» не только всю полноту управления, но и вообще «все общественные дела» к началу XX в., при наличии как раз-таки этой самой поддержки, совершенно нивелировал и подавил «всякую самостоятельность сельских обществ». В связи с этим «хозяйственная» и социально-политическая жизнь последних практически «замерла» и «атрофировалась»¹. По сравнению с другими местностями Кавказа, в Дагестане данное положение вещей проявлялось менее рельефно.

Практически все общества по области, как в только что отмеченный рубеж, так собственно до и после этого, как в силу исторической традиции (где каждый частный обыватель испокон времен был максимально полно вовлечен в общественную жизнь родного для себя селения)², так собственно и в силу

¹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 27.

² Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Сборник статей. Махачкала, 1981; Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014; Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002.

данности, что сами назначенцы еще не мыслили себя вне плоскости родного джамаата, активно обсуждали и рассматривали все разрядки государства и уточняли их конкретику¹, а также все вопросы, которые своей повесткой затрагивали их частно-поселенческий уклад². Сельский сход в пределах Дагестанской области считался правомочным лишь только если он произошел по разрешению властей и если в нем участвовало не менее половины всех домохозяев³.

Продолжая и развивая мысль относительно роли и места общественного схода в системе низового управления Дагестанской области, отметим, что хотя на всем протяжении имперского периода истории данной территориально-административной единицы последний и оставался весьма важным институтом общественного управления, в тот отрезок времени он все же потерял свою былую эффективность. Как на то прямо указывал начальник Кази-Кумухского округа, тогда, когда «практика сельско-общественной жизни» в пределах как непосредственно этого, так и других окружных управлений выявила и наглядно «показала», что площадка «сельского схода», помимо прочего еще является и тем местом, где обыватели того или иного дагестанского поселения сводят между собой «счеты» и тогда, когда все эти действия в реалиях Дагестана лишь только «в лучшем случае» заканчивались обыденными «ссорами», то данная тенденция в конечном счете привела к тому, что «серьезные» и «степенные люди» все чаще стали уклоняться от участия в сходах⁴. Данная тенденция дезорганизовывала сельскую общину.

При назначении и утверждении в ее администрацию все более лояльных и податливых, и отстранении авторитетных и харизматичных, и обмельчании схода, дагестанские сельские общества пусть и не полностью и сразу, но все-

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 53.

² Там же. Л. 116-118; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 34 об.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 117.

⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 101. Л. 1.

таки со временем стали находиться под управлением не лучших, как это было исторически, а худших сил¹.

Помимо представленных проблем в осуществлении низового управления в Дагестанской области, проблемой выступало то, что ввиду масштабного отходничества дагестанцев на заработки², имперская администрация столкнулась с тем, что сход, по многим дагестанским джамаатам, не обладая нужной квотой голосов, был вынужден рассматривать насущные дела не постоянно и в должном качестве, а лишь периодически и скопом³.

Состоявшиеся в конце XIX и начале XX вв. две ревизии сельского «общественного управления» Кавказа привели имперское правительство «к убеждению» в том, «что самые существенные» и «основные начала» этого последнего там «нарушены», а само управление уже весьма мало имеет «значение общественного самоуправления», а лишь только «проявляется в действиях агентов, назначаемых местной административной властью»⁴. Помимо этого Санкт-Петербургские чиновники увидели и то, что в низовое управление на Кавказе прокрались «беззаконие» и «лихоимство»⁵. Как указывал гр. И.И. Воронцов-Дашков, к этому времени «обстоятельства» уже успели «превратить старшин и писарей» Северо-Кавказских и Закавказских губерний и областей «в начальников бесконтрольных» и практически «независимых от сельских обществ», где эти тенденции неминуемо вылились в то, что «сельские должностные лица, пользуясь» административной «поддержкой и своим

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 49; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 101. Л. 1, Л. 11; РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 8757. Л. 16.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 101. Л. 10 об; РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1895 г. Д. 119; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 329; РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 50; Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910; Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912; Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916; См. приложение А, Таблица А.

³ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 101. Л. 11 об.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 59. 1881 г. Д. 158 а. Л. 659.

⁵ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 27.

независимым от избравшего их общества положением»¹, тем, что практически «все жалобы» на них отклонялись, стали заниматься произволом².

Все выше приведенные тенденции в кавказских территориях развили множество отчетливо заметных негативных следствий. И в частности: преобладание «личных» и «партийных интересов» над государственной повесткой, масштабную коррупцию³, коррозию сознания, где это все имелось и в пределах Страны гор⁴. При чем как на Кавказе в общем⁵, так и в Дагестане в частности⁶, помимо присяг, прямо доказывающих беззакония властей, практиковались и такие кляузы, посредством которых местные обыватели сводили счеты меж собой, стремились очернить, а с этим и убрать мешавшего им правильным подходом к делу и должной чистоплотностью того или иного условного администратора от власти.

Итак, важно подчеркнуть, что, хотя сразу же по образованию Дагестанской области Санкт-Петербургское правительство и сумело взять периметры данной территориально-административной единицы под свой плотный и строгий контроль, но тем не менее оно не стало нивелировать их самостоятельность. Как уже о том говорилось ранее, отличительной особенностью Дагестана выступала его исключительная политическая и этническая дробность⁷, при которой абсолютно все джамааты Страны гор были отличны

¹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 27, С. 136.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 59. 1881 г. Д. 158 а. Л. 137, Л. 689.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 8757; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 137.

⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 15; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 22; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 10; См. приложение В.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 8757.

⁶ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 15; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 22; ЦГА РД. Ф. 148. Оп. 7. Д. 11; ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7; См. приложение В.

⁷ Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период раннего средневековья и ордынскую и пост ордынскую эпоху // Клио. 2022. № 1 (181). С. 111-126; Баканов А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период XVI-XIX вв. // Клио. 2022. № 2 (182). С. 82-96.

друг от друга по своим частным параметрам¹, что принималось имперским правительством в силу невозможности как-либо существенно повлиять на ситуацию. Даже сбор налогов в каждом джамаате Страны гор до низвержения монархии в России производился по адату².

Путем тотального контроля дагестанских джамаатов Санкт-Петербургское правительство «обуздало» эти величины, но все-таки до 1917 г. они сохранили свой традиционный жизненный уклад. Представленный подход давал властям возможность поддерживать порядок в Дагестане.

3.3. Судебно-правовая система Дагестанской области: адат, шариат, российские законы: 1860-1917 гг.

Если центральной или, как принято обозначать в источниках, осевой идеей, положенной в основание системы военно-народного управления Дагестанской области, было создание там такого административного ресурса, который бы объединял в единое целое и общеимперские, и сугубо местные порядки, и тем самым предоставлял правительству возможность безболезненно и незаметно регулировать и направлять жизнь автохтонного населения, сообразно своему видению и понимаю задач³, то это находило отражение не только в политической, но и судебной сферах⁴. Как на то прямо указывает целый ряд источников, «при устройстве настоящего судопроизводства»

¹ Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Сборник статей. Махачкала, 1981; Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014; История Дагестана. Т. I. М., 1967; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961; Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002; Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1996.

² РГИА. Ф.1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70; См. приложение В.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755.

абсолютно во всех «областях военно-народного управления»¹, Санкт-Петербургская администрация имела «в виду создание» там «таких судов, которые соответствовали бы судам, существовавшим с незапамятных времен у горцев», и «которые в то же время»² без «насилия над внутренней жизнью народа и складом его воззрений» позволяли бы руководящим инстанциям «путем внесения в судебное разбирательство изменений», постепенно «устранять» и «смягчать» все «те обычаи и порядки, которые не могут быть терпимы в благоустроенном государстве»³. В конечном счете «без особых неудобств для народа перейти со временем к решению всех дел на основании общих законов Империи»⁴. Данная работа должна была проводится без спешки.

С образованием Дагестанской области в пределах региона была выстроена четкая судебная система, где низовыми элементами являлись судебные инстанции по джамаатам, а далее по восходящей судебные инстанции по округам, верховный суд по области⁵, в которой сосуществовали общеимперские порядки, исламская законодательная база, и адат⁶. До упразднения ханств в них функционировали свои словесные суды, во всем подотчетные и подконтрольные имперской власти⁷.

Хотя созданная в рамках модели военно-народного управления система

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1885 г. Д. 9. Л. 26; РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 400.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 63.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 400.

⁵ Там же; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1; РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1; Сулейманов Б.Б. Административно-политическое управление Дагестана во второй половине XIX века.: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1998; Магомедханов М.М., Гарунова С.М., Баканов А.В. Религиозно-правовые аспекты управления Дагестанской областью Российской империи // Известия дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12. № 4. С. 5-10; Магомедханов М.М., Баканов А.В. К изучению истории реисламизации общественного сознания в Дагестане // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей VII-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. Назрань, 2019. Вып. VII. С. 174-180.

⁷ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 44-45; РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390. Л. 4.

судебно-правового обеспечения Дагестанской области и сочетала в себе общеимперские, сугубо местные, а равно и исламские правовые нормы, вплоть до 1917 г. главенствующее положение в этой плоскости оставалось за адатом.

В источниках неоднократно нами выявлялись факты, подтверждающие специфику формирования и факторы, обуславливающие особую традиционность и неизменность воззрений дагестанских горцев. Очевидным становилась невозможность полного искоренения существующих порядков, традиций и нравов местного населения, что существенным образом тормозило переход на современные нормы и правила имперского законодательства в рамках территориальной юрисдикции¹. К тому же во всех «Закавказских губерниях», в которых еще с первой половины XIX в. было «введено судопроизводство» с использованием общеимперских «уголовных законов», основная часть их «мирного населения, не находя в нем удовлетворения, согласно с усвоенными ими понятиями о праве и справедливости отшатнулась от» него², старалась с ним не соприкоснуться³. В связи с озвученным пусть и при ряде изменений, судебно-правовая практика по ведомству военных управлений Дагестанской области до 1917 г. осталась автохтонной⁴, а общее законодательство по этим ведомствам, как говорят источники, затронуло лишь плоскость самых важных уголовных дел⁵. Первостепенное значение адата определялось тем, что имперское правительство целенаправленно блокировало и нивелировало значение и силу шариата.

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 36.

² Там же. Л. 38, Л. 44, Л. 46; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 33-34; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 68; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 134.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 38, Л. 44, Л. 46; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 33-34; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 68; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 134.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 407.

⁵ Там же. Л. 409; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 122-123; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 43.

За исключением самых важных уголовных правонарушений, где к последним, как о том говорят источники, относились: разбой, похищение казенного имущества, явное неповиновение начальству и его тяжкое оскорбление, возмущение против правительства, измена, остальные правонарушения дагестанских горцев, совершенные ими в пределах территорий военно-народного управления одноименной области, вплоть до самого низвержения монархии оставались полностью изъяты из ведомства общеимперской законодательной базы. Вне этих ведомств все преступления горцев судились общим для империи законом¹. Так как все города и все военные урочища, штаб-квартиры войск, слободы и села русских переселенцев, расположенные в периметрах Дагестанской области, в отличие от всех прочих дагестанских территорий, подчинялись не военно-народной, а исключительно и только гражданской администрации², где функционировали и гражданские судебные инстанции, то в пределах этих величин любое правонарушение любого обывателя из горцев решалось по гражданской части³ в рамках общей юрисдикции. С 1860 г. до 1917 г. любое правонарушение любого горца Дагестана, независимо от объекта (субъекта) правонарушения, даже если это правонарушение происходило по отношению к такому же горцу – дагестанцу, в границах ведомства гражданских управлений Дагестанской области⁴, применяемая мера наказания и нормы судопроизводства устанавливались и производились в контексте общих для всей империи судебных порядков, в соответствии с правилами общих судебных инстанций, а не в рамках частных и инклюзивных правил. Аналогично решалась и вся совокупность тяжб, без

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 413; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 45; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755.

² РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390. Л. 2; АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 435.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 413; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 125; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 45.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 414; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 46; РГИА. Ф. 1341. Оп. 104. Д. 390. Л. 5.

относительной фильтрации личности истца или ответчика, будь то представитель горских этносов или представитель от гражданских ведомств¹.

Если на всем протяжении имперского периода истории Дагестанской области абсолютно все правонарушения, совершенные дагестанскими горцами в периметрах ее гражданских управлений разбирались единственно при помощи общеимперской законодательной базы, то следует отметить то, что вне области любое правонарушение горца также решалось по гражданской части².

Хотя на всем протяжении периода 1860-1917 гг. единое территориально-административное пространство Кавказа помимо единиц, где функционировала общеимперская гражданская администрация, составляли еще и такие единицы, в которых, как и в Дагестанской области, присутствовала и успешно функционировала система военно-народного управления³, тем не менее в этих местностях разбор всех тяжб для дагестанских горцев мог быть осуществим исключительно в ракурсе единых для империи законов⁴.

Добавим, что на том отрезке времени представленное правило имело силу действия не частного, а общего порядка. Все округа, области, отделы на Кавказе, в которых, как и в Дагестанской области, до 1917 г. присутствовала и работала военная администрация, в виду различия обычаев имели замкнутое правовое поле, которое для каждой административно-территориальной единицы функционировало частно, только в рамках собственных границ⁵. Вне этих

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 125; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 46.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 415; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 1377; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 415; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 8 об.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 412; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 9; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: судоустройство и судопроизводство в частях Кавказа (далее – АДОЗО). Тифлис, 1899; Комаров А. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Тифлис, 1868. Вып. I. С. 1-88; Мискроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002.

областей и округов их коренные этносы, как собственно и жители пределов Страны гор, с распространением на них всех норм гражданской подотчетности во всем утрачивали свой особый статус¹.

Если в периметрах военных управлений Дагестанской области функционировала особая градация судов, где каждая вышестоящая инстанция из них являлась апелляционным органом для нижестоящей², то в гражданских ведомствах по области присутствовали суды общеимперского – гражданского разряда³. Как сообщают источники, а также такие историографические работы, как «История Народов Северного Кавказа» и «История Дагестана», если на протяжении первых пятнадцати лет, прошедших с момента образования Дагестанской области, все гражданское судопроизводство там осуществлялось такой судебной инстанцией как Дагестанский областной суд, то с 1875 г. оно стало осуществляться посредством трех мировых инстанций⁴. На том отрезке времени они располагались в Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте.

В мировых судах и в Дагестанском областном суде судебные процессы производились в силу действия общеимперского закона и порядка, общим делопроизводством, а суды по ведомству военных управлений функционировали гласно и публично, методом приведения обвинительных и очистительных присяг⁵. Дербентский суд имел отделение в Дешлагаге⁶.

Хотя все вышеприведенные правила и нормы, относящиеся к судебноп-правовому надзору по делам дагестанских горцев, вплоть до 1917 г. представляли собой устойчивые и практически незыблемые установки, тем не

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 423; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 11.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1.

³ РГИА. Ф. 573. Оп. 2. Д. 2205; История народов Северного Кавказа: конец XVIII – 1917 г. М., 1988. С. 209-211.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190; РГИА. Ф. 573. Оп. 2. Д. 2205; История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 121; История народов Северного Кавказа: конец XVIII – 1917 г. М., 1988. С. 210.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962.

⁶ РГИА. Ф. 573. Оп. 2. Д. 2205.

менее со временем они частично видоизменились. «Начиная с восьмидесятых годов» XIX столетия, в связи с «усилением в отдельных местностях Закавказья» совершения «таких преступлений как убийство, разбой, грабежи, притонодержательство, поджоги» и «скотокрадство», «вследствие местных бытовых условий и слабого развития среди местного населения правового порядка» у официальных властей отсутствовала реальная «возможность искоренить» это «зло» обычными методами, в связи с чем «для восстановления <...> общественного порядка» им было дозволено использовать «различные» экстраординарные и «чрезвычайные меры»¹. Начиная с 1893 г. «в виде временной меры» и «впредь до искоренения разбойничества в Кавказском крае и Ставропольской губернии, дела о разбое, умышленном убийстве, грабеже с насилием, поджогах жилых строений, восстании» и «вооруженном сопротивлении властям» переводились в ведомство «военного суда», и стали разрешаться соответственным законом². Представленная практика осуществлялась вплоть до 1917 года³. Данная практика реализовывалась вне зависимости от сословных, национальных и религиозных различий⁴, и по мнению современников эпохи, являлась мерой вынужденной, несущей положительный эффект⁵. Начиная с 1892 г. имперская администрация, с условием происхождения преступления в Дагестане, дозволила использовать местные словесные суды для разбора дел горцев Закатальского округа и Терской области⁶.

Произведенное в 1892 г. распоряжение кавказской администрации о

¹ ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 1. Д. 71. Л. 7.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 6. Д. 7. Л. 9; РГИА Ф. 727. Оп. 2. Д. 82. Л. 98.

³ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб, 1907; Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910.

⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 6. Д. 7. Л. 9.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 8757. Л. 12 об.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 405.

дозволения подсудности населения Терской области, а именно жителей бывших засулакских кумыкских владений, части салатавского вольного общества¹ и горцев Закатальского округа² в словесных судах Дагестанской области, было продиктовано тем, что все коренные этносы данных территорий имели полное историческое, культурное, политическое и правовое³ сопряжение с народонаселением этой области⁴. Данная позиция властей была продиктована сложившейся административно-управленческой иерархией в существующей модели военного управления⁵.

Интересно, что, хотя верховная кавказская администрация, в случаях происхождения преступления в пределах Дагестанской области и только в отношении ее коренных этносов, дозволила подсудность горцев Терской области и горцев закатальских территорий в судах по Дагестанской области, в случаях других правонарушений дела рассматривал гражданский суд⁶. Добавим также то, что имперская администрация, по возбуждению перед ней вопроса о переносе разбирательства тех тяжб, которые происходили между горцами Дагестана вне области, из ведомства общеимперского законодательства, в словесные суды по региону, не стала одобрять подобных действий⁷.

Несмотря на то, что на всем протяжении имперского периода истории Дагестанской области судебное-правовое обеспечение дагестанских горцев поддерживалось при помощи эклектики судебного-правовых систем, главенствующее положение до 1917 г., бесспорно, оставалось за адатом. Как на

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 405-406.

² Там же. Л. 405; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 9, Л. 12.

³ АДЗО. Тифлис, 1899.

⁴ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961; Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002; Бакиханов Аббас-Кули-Ага. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991; Алькадари Гасан-Эфенди. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 406.

⁶ Там же. Л. 406; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 12.

⁷ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 89. Л. 20.

то прямо указывал кн. А.И. Бярятинский, после окончания Кавказской войны одна из главнейших целей «горского управления»¹ должна была «состоять в том, чтобы поддержать те древние народные обычаи, которые еще уцелели» и «восстановить те, которые могут быть восстановлены»², и путем противопоставления последних догмам ислама «обессилеть» шариатские основы, на которых в свое время сформировалось «движение мюридизма». «Между тем предоставить суду шариата вопросы исключительно духовные», а «в народе» утвердить «словесное судопроизводство»³. Представленные действия властей *de facto* обосновывались тем, что в сравнении с шариатом, адат гораздо более изменчив⁴.

Прекрасно видя ту приверженность традициям и «старым учреждениям», которая всегда царила в горском обществе⁵, имперская администрация с предоставлением им «суда» и низового «управления по адату»⁶ стремилась «парализовать» и подорвать «влияние» ислама, чтоб он не стал площадкой для сплочения народных масс⁷. С 1860 и вплоть до 1917 г. исламское законодательство в системе ведомства военных управлений охватывало только

¹ Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1961. С. 72.

² РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260. Л. 3.

³ Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1961. С. 72; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 403; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260. Л. 15.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 32.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260. Л. 3.

⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 11; Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260. Л. 4; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 72; Шихалиев Ш.Ш., Магомедханов М.М., Баканов А.В. К изучению имперского опыта управления религиозными процессами в мусульманских регионах Северного Кавказа (конец XIX – начало XX вв.) // Известия дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12. № 4. С. 10-15; Магомедханов М.М., Баканов А.В. Кавказ в языковой политике России: этно-социальный и правовые аспекты // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей VIII-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. Назрань, 2020. Вып. VIII. С. 98-105.

плоскость дел о «заключении и расторжении браков, личных» имущественных правах, наследстве и о «законности рождения»¹.

Поскольку в сравнении с исламской догматикой «по самому» своему «происхождению адат» – это «есть не что-нибудь неизменное» и «незыблемое», в связи с чем сам «народ смотрит на адат», не иначе «как на дело ума человеческого», где последний «возникает» лишь тогда, когда «в нем является» необходимость и «предается забвению, когда» эта «надобность в нем минует»², то данная специфика учитывалась властью. Еще «в 1868 году в рапорте Кавказского Горского Управления на имя Начальника Дагестанской области между прочим указывалось, что имея в виду <...> введение в данной территориально-административной единице общего гражданского управления, <...> нынешний порядок производства дел в Окружных Народных Судах приведет к порядку, который должен быть введен с Мировым Институтом». В связи с этим руководству Дагестанской области предлагалось «принять» самые энергичные и действенные «меры к тому, чтобы» все «окружные народные суды» в регионе, «при разборе уголовных дел горцев определяли» им «взыскания, соображаясь по возможности с Уставом о наказаниях, налагаемых Мировыми Судьями»³. Постепенно изменяя нормы местного обычного права и приравнивая их к требованиям гражданского законодательства, имперская администрация рассчитывала, что сможет постепенно перестроить местный правовой и политический уклад⁴. Тем не менее до 1917 г., за исключением ранее представленного перечня гипотетически возможных уголовных и гражданских

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 137; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 43; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 10; Мискроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 42.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 434.

⁴ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; История народов Северного Кавказа: конец XVIII – 1917 г. М., 1988; История Дагестана. Т. II. М., 1968; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961; Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002.

дел, вся остальная совокупность дел в масштабах ведомства военных управлений Дагестанской области, и даже прецедентные, разрешились с помощью адата¹.

Важно подчеркнуть, что на всем протяжении последних четырех десятилетий второй половины XIX в. и первых семнадцати лет XX столетия повседневная жизнь дагестанского общества, как на то прямо указывают такие видные представители отечественного кавказоведения как Х.-М.О. Хашаев², С.Ш. Гаджиева³, В.Г. Гаджиев⁴, А. Исламмагомедов⁵, М.-З.О. Османов⁶ и прочие, формировалась на постулатах прежнего исторического опыта, и практически во всем регулировалась правовыми нормами местного происхождения. Тем не менее, в представленный рубеж Кавказская администрация сумела «обобщить», видоизменить, и «вовсе устранить» отдельные «адаты»⁷.

К моменту произошедшей в 1859 г. окончательной и бесповоротной интеграции дагестанских периметров в общероссийское пространство юридические воззрения и понятия великоросского и дагестанского общества, да как собственно, и жизненный уклад последних, в силу того, что они развивались и формировались под воздействием различных сил и обстоятельств, представляли собой не что иное, как весьма и весьма разнохарактерные величины. Некоторые обычаи, судебные практики и порядки горцев, как в «виду их суровости», так и прочих качеств, в корне противоречили «принципам

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 434; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 8, Л. 12.

² Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

³ Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

⁵ Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002.

⁶ Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1996.

⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 42.

русского права», в связи с чем они постепенно изживались¹. Некоторые из них подвергались изменению.

Так, к примеру, учитывая, что адатное законодательство в любом из преступлений первоначально усматривало «посягательство на материальный интерес» истца, требуя взыскать с ответчика определенный по адату штраф², в виду несоответствия запросам и контексту времени, взамен взыскания имуществом, имперская администрация установила в Дагестане денежные выплаты³, а в момент образования области поставила вне рамок ее правового поля так называемый ишкиль⁴. Наличие спорных случаев в применении норм права было продиктовано не столько самим законодательством и спецификой местных нормативно-правовых традиций, сколько стремлением правительства действовать, не раздражая местное население.

Несмотря на то, что с момента образования Дагестанской области имперское правительство стало выступать единственным регулятором абсолютно всех, в том числе и правовых дел по региону⁵, на том отрезке времени оно не стало пресекать практик применения низовой инициативы в отношении судопроизводства.

Согласно исторической традиции, абсолютно каждый дагестанский джамаат, несмотря на официальную принадлежность к тому или иному феодальному владению или вольному обществу, вырабатывал, уточнял и видоизменял свои внутренние распорядки и правовые нормы сам⁶. После 1859

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 419; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Т. II. Одесса, 1883; АДЗО. Тифлис, 1899; Комаров А. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 418; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Т. II. Одесса, 1883; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 2012.

³ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 49. Л. 50; См. приложение В.

⁴ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 221.

⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 83 об.

⁶ Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М., 1961.

г. все джамааты Страны гор имели право пересматривать и даже изменять свои адаты. Однако, в сравнении с прошлым периодом, теперь все эти общества могли произвести представленные действия не самолично, а лишь в согласовании и с разрешения властей. К примеру, одни селения Дагестанской области просили отменить, а ряд других, наоборот, ввести у них в судебный обиход партикулярный штраф в случаях умыкания девушки для брака¹.

Хотя на всем протяжении имперского периода истории Дагестанской области система судебно-правового обеспечения этого региона по ведомству военно-народного управления представляла собой гибридно-эkleктичную, во многом несистематизированную и неинституциональную модель организации², тем не менее она имела популярность в горской массе. Как на то прямо указывал первый главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь А.М. Дондуков-Корсаков, помимо ее простоты и доступности пониманию обычного народа, наиважнейшими достоинствами «системы военно-народного управления» выступало то, что будучи не стесненной «формальностями чисто гражданского строя», она давала возможность народонаселению дагестанских периметров при разборе превалирующего большинства возникающих у них дел «ведаться собственным судом, решающим их по обычаю, одинаково весьма чтимому» между ними, «и потому не возбуждающему неудовольствия против основанных на нем судебных приговоров»³. К тому же в словесных судах отсутствовала всякая рутинность⁴.

До низвержения монархии в России гражданские судебные инстанции губерний Закавказья, в которых горцу были чужды и язык, и делопроизводство, где было место махинациям и разным ухищрениям адвокатуры и лжесвидетельству, не то что не смогли искоренить разгул преступности, а лишь

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 16. Л. 14; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 27. Л. 22.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962.

³ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 33.

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 79; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190.

наоборот, за оправдательными приговорами по многим правонарушениям и прекращением процессов, усилие неуважение к общеимперскому закону¹. Проводя сравнение инстанций, отметим, что словесные суды Дагестанской области, их методики дознания и практики при производстве дел, помноженные на доверие общества, в противоположность представляли собой тот ресурс, который был способен поддержать порядок в дагестанских рубежах². В данный период времени процент преступности по Дагестанской области был в целом ниже, нежели в прочих местностях и территориях Кавказа, а процент раскрытия уголовных дел в статистике всегда и постоянно оставался выше³.

За исключением Дагестанского народного суда, где весь численный состав его судей и депутатов на всем протяжении с 1860 г. и вплоть до низвержения монархии в России всегда и постоянно назначался руководством области, состав окружных, а равно и всех сельских судебных инстанций этой области избирался населением⁴. Важно подчеркнуть, что когда абсолютно все сельские старшины Дагестанской области, прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей, сначала должны были быть утверждены в своем звании властями региона⁵, в судебной сфере установились те же самые порядки⁶. Ни сельские, ни окружные судьи, как собственно и депутаты

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 424; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 38, Л. 44, Л. 46; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 34; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 11; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 68; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 134; АДОЗО. Тифлис, 1899.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 82; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 39, Л. 48; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 33; См. приложение А, Таблица Д; См. приложение В.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 92; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 429; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 115; См. приложение А, Таблица Д; См. приложение В.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф.2. Оп. 5. Д. 1; АДОЗО. Тифлис, 1899; Комаров А. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868.

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф.2. Оп. 5. Д. 1.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190; РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф.2. Оп. 5. Д. 1; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311; АДОЗО, Тифлис, 1899; Комаров А. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868.

окружных судов, не могли приступить к исполнению своих обязанностей без санкции властей¹. Все сельские словесные суды в границах Страны гор по штату должностей имели кадия и судей, где первый координировал дела по шариату, а вторые по адату, а окружные и Народный Дагестанский Суд располагали дополнительным штатом депутатов².

«Построенная применительно к судам, существовавшим с незапамятных времен» у дагестанских «горцев»³, модель судебно-правового обеспечения Дагестанской области со временем теряла эффективность. В течение первых 3-х, а скорее первых 4-х десятилетий, прошедших с момента образования данной территориально-административной единицы, практически «ни одно преступление, совершенное» в этом регионе в ту пору не оставалось без раскрытия, а «подозреваемые» нередко «сознавались и в совершении таких» преступлений, «которые при общем порядке судопроизводства» в условиях «совершенного отсутствия улик против кого бы то ни было» «не могли» быть рассмотрены, а иногда и вовсе «поступить в суд» мирского разряда⁴. В дальнейшем в Дагестане как ухудшилась раскрываемость, так собственно и увеличилась преступность⁵.

Данная специфика определялась тем, что в заявленный рубеж в сознании горских этносов, при их знакомстве с нормами и методами гражданской юрисдикции, взамен понимания неминуемости наказания по адату⁶, прокралось понимание того, как в случае нарушения установленных порядков, при сохранении собственного «Я», умело обойти и нивелировать закон⁷.

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф.2. Оп. 5. Д. 1; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190.

² Там же; АДОЗО. Тифлис, 1899.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 22 об.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 47 об.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 438; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 19; См. приложение А, Таблица Г.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 407, Л. 420 об; Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002.

⁷ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 43.

По мнению обер-прокурора Н.М. Рейнке, представленную только что деструкцию детерминировало так же то, что на рубеже XIX – XX вв. адат народов Страны гор уже почти не отвечал запросам – вызовам эпохи¹.

В начале XX столетия адатное право дагестанских горцев, а, следовательно, и основанная на нем система судебно-правового обеспечения Дагестанской области по военно-народному управлению, если и не полностью, то во многом перестала отвечать запросам и вызовам бурно развивающейся эпохи². В представленный рубеж адатное законодательство утратило динамику развития. К моменту образования Дагестанской области в кругах верховного правительства сложилось убеждение в том, что «равномерное подчинение» народонаселения новой территориально-административной единицы «всем сложным» и «непонятным», а «потому» еще и не «отвечающим его потребностям формам» общеимперского «административного и судебного» порядка, «не только» не станет «служить средством для успешного» и органичного «слияния» центра и периферии, а лишь, «напротив», станет ошибкой и оттолкнет их друг от друга³. Исходя из этого, правительство допустило силу действия адата в рамках дагестанских территорий.

Заметим, что основной целью имперских властей в данном вопросе было не дать толчок к развитию⁴, и так застывшей на средневековом уровне сугубо местной правовой конкретике⁵, а, наоборот, постепенно сужая сферы ее применения и каких-либо ракурсов эволюции с точки зрения юрисдикции,

¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 8.

² Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 128-129; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 19.

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 19; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 422; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 13; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260. Л. 3, Л. 15; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 72.

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755. Л. 42; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Т. II. Одесса, 1883; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 2012; АДОЗО. Тифлис, 1899; Комаров А. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868.

лишить ее последних сил¹. По мнению предпоследнего наместника Кавказа, властям по региону следовало знать, что, если они решат оставить население Дагестана в рамках самоуправления на самих себя, то их консерватизм и прочая специфика, за неизменным отвращением и недоверием к всему идущему извне², «замкнут их в узко-местных интересах»³.

С началом XX столетия Санкт-Петербургское правительство стало активно прорабатывать всевозможные варианты частичного или же полного демонтажа системы военно-народного управления в периметрах Кавказа⁴. Тем не менее, в правительственных кругах присутствовало понимание того, что перевод Дагестанской области в ведомство гражданских управлений будет выгоден лишь только тем, кто, «не думая о последствиях такого рода действий», единственно стремится к установлению только одного внешнего и формального единства, «вполне будет удовлетворен» тем, что несмотря на разность культур, «одинаковый суд и одинаковые законы действуют и в столице империи, и в неприступных ущельях нагорного Дагестана». В этих же самых кругах присутствовало понимание того, что постоянное давление на тот или иной «народ» или же цивилизацию, в условиях насильственного принятия новых «законов и распоряжений», в конечном итоге не вызовет ничего, кроме отторжения и попыток незаметного освобождения от «наложенных» на них сверху «обязательств»⁵.

В связи с этим, а также опираясь на опыт Польши, Финляндии и Прибалтики, в кругах верховного правительства считали, что гражданская

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 19; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 190. Л. 422; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 13; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 260. Л. 3, Л. 15; Отчет наместника кавказского и главнокомандующего кавказской армией за 1857, 1858, 1859 гг. Тифлис, 1861. С. 72.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755.

³ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 127-128, С. 147.

⁴ Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962.

⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393. Л. 34; РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 27 об.

модель управления Дагестаном, (если она будет разработана и введена) в обязательном порядке должна учитывать местные специфики, местный правовой и политический уклад¹. Хотя в период с 1860 г. до 1917 г. для улучшения системы управления Кавказом² и было разработано масштабное количество различных «положений», предложений и «проектов», однако, в большинстве своем они так и «остались без внимания»³.

В заключение отметим, что судебно-правовая система Дагестанской области до 1917 г. имела в целом тот же инклюзивный вид и ракурсы развития, что и ее дуально-инклюзивная система управления.

Итак, с образованием Дагестанской области, все ее коренное, но при обязательном условии не городское население, в плане управленческой подотчетности стало находиться в ведении военно-народной администрации, где это определял предшествующий опыт. Этот опыт заключался в том, что еще в первой половине XIX в. кавказская администрация усвоила то золотое правило, что управление данным регионом не может быть успешным без учета сугубо местных правовых и политических начал и местных специфик управления.

Данные воззрения были положены в основу военно-народного управления, где последнее вплоть до 1917 г. было построено на том, что все верховное заведывание по ведомствам военных управлений Дагестанской области устойчиво сосредоточивалось в руках офицеров армии, а низовое оставалось автохтонным. Управленческая система воспринимала сугубо местные правовые и политические нормы, сохранялись этно-социальные и этно-

¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962. Л. 22 об.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 28. Л. 3; РГИА. Ф. 565. Оп. 9. Д. 13962.

³ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 12. Л. 1.

политические институты. Однако, как ввиду государственных потребностей, так и запросов времени, данные институты, как правило, воспринимались в измененном виде.

В судебной практике в масштабах Дагестанской области по отношению к гражданскому населению использовались лишь общеимперские законы и порядки, а в отношении горцев области, помимо этого, еще адат и шариат. В целом система военно-народного управления представляла собой управленческий ресурс, который был способен поддерживать порядок в Дагестане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вплоть до самого низвержения монархии в России образованная 5 апреля 1860 г. Дагестанская область имела дуально-инклюзивную систему государственного управления.

Следует отметить, что ее формировали военно-народная (по форме представляющая симбиоз военно-административной и местной систем управления) и общеимперская – гражданская администрация (губернская форма управления). Данной территориально-административной единице была присуща сложносоставная, многоярусная структурная организация, отличная от внутренних губерний Российской империи. При этом, как территориально-административная организация, так и сама система управления Дагестанской областью не были статичны, а наоборот, эволюционировали на всем протяжении с 1860 до 1917 гг.

Исследование показало, что в процессе управления Дагестанской областью до 1917 г. всегда учитывались местная специфика и социально-культурный, этно-конфессиональный и религиозный колорит. Причем как в правовом, так и политическом ракурсах.

Следует отметить, что учет специфики и особенностей правового, политического, культурно-исторического, этнографического развития дагестанских периметров в процессе управления одноименной областью, определялся опытом их интеграции в состав общероссийского пространства. В I главе диссертации на основе архивных документов и изучения историографии вопроса подтвержден вывод о том, что, потратив на интеграцию дагестанских периметров первые шесть десятилетий XIX столетия, имперское правительство увидело культурное многообразие, горскую ментальность и исторические закономерности развития региона.

Предприняв в 1840 г. завершившуюся полным провалом попытку утверждения в Дагестане общеимперской – гражданской администрации,

император и его ближайшее окружение из числа военных и гражданских чиновников поняли, что введение данного вида администрации в этом регионе является преждевременным действием, несущим отрицательный эффект. Многочисленные нормативно-правовые и организационно-структурные изменения в модели управления Дагестаном подтвердили идею необходимости тщательной и продолжительной подготовки. Данное понимание пришло к властям при постоянной смене форм и практик управления в период с 1801 по 1860 гг.

Теоретико-методологический анализ применяемых методов и практик административного контроля и воздействия, которые использовались имперской администрацией по отношению к дагестанским территориям в первой половине XIX в., позволил сделать выводы о противоречивой внутренней логике административных действий в регионе, продиктованной в первую очередь внешними факторами: событиями и динамикой Кавказской войны, пограничными геополитическими и территориальными спорами между кавказскими народами, обусловившими сложный процесс интеграции Дагестана в состав Российской империи.

Испробовав различные модели управления, где главной выступала практика так называемого косвенного управления, в 50-х гг. XIX в. император, особенно убежденный в этом князем А.И. Барятинским, а также ближайшие к нему сановники, пришли к пониманию отсутствия серьезных альтернатив межнациональному и межэтническому объединению территорий Кавказа, с сохранением определенной автономии. В процессе многолетней практики внедрения новой модели управления стало очевидным, что контроль и покорение Дагестана возможны, если модель управления последним воспримет местную специфику, эклектику сугубо местных политических и правовых начал. До окончательного покорения Восточного Кавказа в августе 1859 г. территории, вошедшие в состав Дагестанской области, не представляли из себя

единой территориально-административной единицы.

Дагестанская область была образована 5 апреля 1860 г. Образованная из территорий предварительно упраздненного в 1859 г. Прикаспийского края и территорий нагорного, западного и северного Дагестана, в плане своего внутреннего устройства она разделялась на гражданские и военные структурные подразделения, где к числу первых относились уездные города Темир-Хан-Шура, Дербент, Петровск, а ко вторым 4 военных отдела и 9 округов, подразделяющихся на наибства.

Следует отметить, что изначально, а именно в 60-е г. XIX столетия, к военным ведомствам и подразделениям в Дагестанской области относились отделы и округа, а также такие феодальные владения Дагестана, как Мехтулинское, Кюринское, Аварское ханства, Тарковское Шамхальство. К концу 60-х гг. XIX в. все феодальные владения в Дагестане упразднили. В период 80-х гг. XIX в. с упразднением отделов (Северный, Средний, Южный и Верхний Дагестан) в масштабах Дагестанской области в системе ведомства военных управлений осталось только 9 однотипных округов. В частности: Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский и Темир-Хан-Шураинский округ.

Система государственного, регионального управления в Дагестанской области в гражданских ведомствах до 1917 г. в целом сохраняла общеимперский характер, а в военных отличалась тем, что строилась на сочетании военно-административных практик и сугубо местных политических начал. Административно-территориальное обособление Дагестанской области, произошедшее 5 апреля 1860 г., стало фактором параллельного функционирования общеимперской – гражданской и военно-народной администраций, где вплоть до 1917 г. на уровне государственного и местного управления данное обособление имело как противников, так и сторонников.

Важно подчеркнуть, что создание и использование в Дагестане особой

военно-народной администрации подразумевалось лишь как временная мера. Последняя охватывала только автохтонное и при этом обязательно не городское население региона. Механизмом мирного перехода к общеимперским – гражданским порядкам стал последовательный алгоритм предписываемых действий (отраженный в Положении об управлении Дагестанской областью) со стороны местной региональной администрации¹. Но, несмотря на общее понимание общеимперской властью специфики деятельности местной администрации в направлении адаптации населения к новым порядкам, до 1917 года эта не было достигнуто.

Вопрос об утверждении в масштабах Дагестанской области единственно гражданского, губернского порядка управления на уровне верховного правительства империи рассматривался трижды, первый раз это произошло в конце 60-х гг., второй раз в 80-х гг. XIX в., а третий раз в начале XX столетия. Сторонники данной политики из числа высших должностных лиц Российской империи считали, что только так возможно дать толчок развитию региона в целом, и то, что он к этому готов. Противники же данного решения из числа чиновников, представляющих все те же высшие круги российского правительства, наоборот, доказывали тот факт, что все это породит не прогрессивную динамику развития, а лишь широкие народные волнения.

Говоря о системе гражданского управления Дагестанской области, отметим, что ее функционал всегда затрагивал лишь небольшой процент народонаселения региона. Однако, тем не менее, гражданская администрация по области, при изменении принципов городского управления в частности, при переходе этого управления от полицмейстерского к модели городского самоуправления, утвержденной второй редакцией «Городового положения», всегда имела ракурсы развития.

Как показало исследование, основанное на архивных документах, в

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1.

значительной степени впервые введенных в научный оборот, в целом данная модель организации строилась и функционировала точно так же, как и во внутренних губерниях России, но все-таки учитывала и воспринимала сугубо местные культурные специфики, а ее развитие происходило в строгом соответствии с реальными нуждами и потребностями региона. К примеру, все города по Дагестанской области не являлись уездными, а уездную администрацию в пределах данной единицы по большей части замещали городские полицмейстерства. С введением городского самоуправления в Дагестане имперское правительство уравнило квотируемость гласных мусульман и христиан. А также допустило то, что мусульмане могут избираться в должность городничих¹.

Продолжая делать общие выводы относительно системы общеимперского – гражданского управления Дагестанской области, отметим то, что имперское правительство всегда стремилось к ее развитию. Одним из главнейших мероприятий общей программы развития региона с 60-х гг. XIX столетия выступала пошаговая подготовка дагестанских горцев к постепенному и безболезненному усвоению общеимперских управленческих практик, а также пошаговое создание, реформирование соответствующих государственных учреждений и структур². С 80-х гг. XIX столетия имперское правительство стало проводить политику, нацеленную на колонизацию региона.

Нужно обозначить, что данная практика зародилась и стала постепенно развиваться еще в первой половине XIX в., и действовала в отношении всего Кавказа. Помимо русского народа, она затрагивала и другие христианские народы, а равно и еврейский этнос.

Говоря о Дагестанской области в отдельности, отметим то, что по

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2093; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2914; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2665.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 21. Д. 13393.

средствам выбранной политики государственного и регионального управления имперское правительство рассчитывало шаг за шагом увеличить численный состав ее гражданского народонаселения, и значит укрепить гражданскую администрацию, развить экономический потенциал, а также путем культурного влияния ассимилировать все коренное население Дагестана.

Проведенный анализ данного явления показал, что, в отличие от западного Предкавказья и городов губерний Закавказья, в масштабах Дагестанской области колонизация фактически не состоялась. Военно-народная администрация Дагестанской области устойчиво имела инклюзивное устройство. Принципы и правила военно-народного управления были применены к некоторым дагестанским территориям еще в первой половине XIX столетия, и детально разработаны в момент образования Дагестанской области¹.

Вплоть до 1917 г. данная система управления распространялась на подавляющую часть народонаселения Дагестана, а сама система самым широким образом учитывала и воспринимала сугубо местные правовые и политические институты. Особую роль в сохранении специфики модели управления Дагестанской областью играла дробность административно-территориальных единиц и вариативность сочетания местных порядков и традиций управления. Устойчивой спецификой масштабов дагестанских рубежей являлось то, что все джамааты Страны гор, как правило, существовали и функционировали автономно с образованием Дагестанской области и вплоть до низвержения монархии в России. Изучение системы военно-народного управления показало, что до 1917 г. все сельские общины Дагестана сохранили свою традиционную организацию и право пользоваться собственным законом.

Важно подчеркнуть, что, хотя система военно-народного управления в Дагестанской области и включала в себя сугубо местные правовые и

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2755.

политические институты, она воспринимала их в частично измененном виде. Практика адаптации сугубо местных правовых и политических начал в масштабах данной территориально-административной единицы применялась с 1860 по 1917 гг. и заключалась в видоизменении местных институтов власти. Практика адаптации местных норм, традиций, особенностей управления к общеимперским нормам закона, порядкам и системе правления, внедряемой на всей территории Российской империи, выступала главным инструментом приобщения дагестанских этносов к общеимперскому стандарту и порядку управления. Однако вплоть до низвержения монархии в России, данная практика так и не дала ожидаемых результатов. В то же время, к 1917 году наметилась тенденция к изменению системы управления в отдельных адатах дагестанских горцев, а также определенное нивелирование значения шариата в системе управления территорией.

Несмотря на то, что Дагестанская область в плане своей подотчетности разделялась на ведомства гражданской и военно-народной администрации, в регионе наблюдалось определенное управленческое единство. Вплоть до самого низвержения монархии в России данная территориально-административная единица имела многоярусную, но тем не менее единую и относительно хорошо организованную администрацию, где во главе последней при строгой вертикали власти изначально находился командир дивизии, а далее начальник области, а после этого военный губернатор. И начальник дивизии, и начальник области, и военный губернатор с 1860 по 1883 гг. и с 1905 по 1917 гг. подчинялись Кавказскому наместнику, а с 1883 по 1905 гг. главноначальствующему гражданской частью на Кавказе. По военно-народному управлению они концентрировали всю полноту военной, политической, судебной, финансовой власти в регионе, а в вопросах гражданского управления имели те же полномочия, что и губернаторы Закавказских губерний. Начальники отделов Дагестанской области, начальники по округам замыкали на себе всю полноту

судебной, финансовой, политической и военной власти в подведомственных им подразделениях. Большая часть руководящего состава государственных служащих в Дагестанской области состояла из армейско-офицерского контингента, что подтверждало представления царской администрации о необходимости решительного воздействия на местное население при проведении пророссийской политики управления. Вплоть до 1917 г. все руководящее звено по Дагестанской области было сформировано из прикомандированных офицеров армии, а также из прикомандированных чиновников гражданских ведомств. В вопросе кадрового обеспечения данной территориально-административной единицы представители местных (автохтонных) народов в силу их неподготовленности к гражданской службе и административной деятельности занимали должности второстепенного или же третьестепенного разряда, постепенно завоевывая позиции управленческого звена.

Помимо неподготовленности местных этносов к гражданской и административной деятельности, назначение на должности командного звена в Дагестанской области прикомандированных чиновников и офицеров было продиктовано тем, что управление этим полиэтничным регионом могло быть успешным лишь только при нейтральной власти. Возвышение же одного из местных народов над другими, как, собственно, и того или иного общества или же рода над другими, сулило острую борьбу за власть, что могло дестабилизировать обстановку в данной административно-территориальной единице. Данная кадровая политика имела ряд изъянов, где главнейшим выступало незнание культурной, исторической и полиэтнической специфики Дагестана прибывающими прикомандированными чиновниками и офицерами. Тем не менее, на всем протяжении периода 1860-1917 гг. она оставалась единственным инструментом управления. А сама дуально-инклюзивная система управления, установившаяся в Дагестане в 1860 г. и просуществовавшая в его

пределах до низвержения монархии в России, – единственным ресурсом, способным поддержать порядок в регионе.

Таким образом, в ходе проведенного исследования нами достигнута основная цель диссертационного исследования. В ходе исследования проведено подробное и комплексное изучение процесса формирования и развития системы государственного управления Дагестанской областью, представлен анализ принципов и правил ее устройства и функционирования с 1860 по 1917 гг. Рассмотрены особенности и перспективы, методы и практики (прямые и косвенные) имперского управления дагестанскими территориями до создания одноименной области 5 апреля 1860 г., а также выявлены основные этапы и механизмы интеграции данных периметров в состав Российской империи (*Подробно - глава I*).

Изучив процесс создания Дагестанской области, ее структурной организации и динамику унификации последней, можно утверждать истинность гипотезы о вариативности и нестандартности системы управления территорией вплоть до 1917 года. Путем выявления факторов и причин, повлиявших на создание и поддержание особой дуально-инклюзивной модели государственного управления регионом, представлена полемика и аргументация ее сторонников и противников на разных уровнях правительственных структур Российской империи (*Подробно - глава II*).

На протяжении всего периода существования Дагестанской области в системе управления устойчиво сохранялись местные методы и практики, принципы и правила функционирования, типовое устройство, что тормозило развитие единой региональной системы управления и ее эволюцию в общеимперскую систему управления. Более того, наблюдалась устойчивая связь между особой формой административного контроля и длительностью адаптации местного населения к внедряемым нормам и правилам пореформенного периода.

В диссертации выявлено специфическое соотношение и корреляция военно-административных и сугубо автохтонных политических практик и начал в системе военно-народного управления Дагестанской области. К числу плюсов данной системы следует отнести то, что она была понятна местному населению, а минусов – то, что особая форма управления Дагестанской областью обособляла и тормозила реформирование региона. Представленные нами основные принципы и правила функционирования общеимперской гражданской администрации в масштабах Дагестанской области, в том числе ее региональные особенности, позволили сделать вывод о специфических ракурсах развития территории вплоть до 1917 года.

Выявленные плоскость и основные грани судебно-правового обеспечения региона, степень корреляции общеимперского и сугубо местного адатного и исламского права позволили доказать, что система судебно-правового обеспечения Дагестанской области, точно так же, как система управления данным регионом, имела инклюзивное устройство. Использование местных методов и практик мешало ее эволюции в общеимперскую – гражданскую систему судопроизводства (*Подробно – глава III*).

Представленное исследование управленческой модели одного отдельно взятого региона, в частности Дагестанской области, как самостоятельного и сложносоставного территориально-административного образования Российской империи в период с 1860 по 1917 гг., позволило не только комплексно проанализировать эволюцию включения разрозненных этно-конфессиональных административно-территориальных единиц в состав общеимперского геополитического пространства. Выбранный нами *научный подход* позволил в полной мере раскрыть причины длительного процесса неприятия местным населением новых порядков в регионе, а также детализировать факторы, влияющие на ход событий.

Исследования управленческой модели региона дали нам возможность

восстановить историческую канву событий не только с точки зрения фактологии, но и представить особенности эволюции административно-государственного и этноконфессионального устройства в контексте истории повседневности, ввести в научный оборот новые факты и документы. Конечным итогом исследования стало комплексное изучение процесса формирования и развития системы государственного управления, анализ принципов, правил устройства и функционирования Дагестанской области с 1860 по 1917 гг.

Таким образом, нами были рассмотрены особенности и перспективы, методы и практики (прямые и косвенные) имперского управления дагестанскими территориями до создания одноименной области, а также выявлены основные этапы и механизмы интеграции административно-территориальных единиц в состав Российской империи, с учетом местного колорита и повседневных практик коммуникаций и противостояния новым порядкам.

Изучение процесса создания Дагестанской области через раскрытие специфики административно-территориального деления позволило представить картину и динамику унификации модели управления, взятой за основу. В контексте выявления факторов и причин, повлиявших на создание и поддержание особой – дуально-инклюзивной модели государственного управления регионом, нами рассмотрена полемика и аргументация ее сторонников и противников из числа представителей государственных и региональных управленческих структур, а также местных властей. Изучение типового устройства и развития системы военно-народного управления в период с 1801 по 1917 гг. подтвердило наш тезис об особой форме административного контроля, применяемого в рамках внедрения дуально-инклюзивной модели управления.

Важной особенностью модели управления Дагестанской областью было соотношение и корреляция военно-административных и сугубо автохтонных

политических практик и начал в системе военно-народного управления. Данная особенность проявлялась через сочетание различных юридических норм и практик судебно-правового обеспечения Дагестанской области, степень корреляции общеимперского и местного адатного и исламского права. Соотношение военно-административных и сугубо местных политических начал, плюсы и минусы использования данной модели, а также полемика относительно упразднения последней представлены нами в контексте зарисовок повседневных практик управления и судопроизводства.

Таким образом, полученные выводы, основанные на широком спектре архивных документов, а также серьезного анализа, типологизации и структуризации достижений отечественной историографии, позволили нам раскрыть актуальность научной проблемы. А также констатировать, что автором впервые в отечественной историографии представлена модель общеимперского – гражданского управления, существовавшая в Дагестанской области до 1917 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АДОЗО – Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. (Тифлис, 1899)

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Т. I – XII. (Тифлис, 1866-1904)

ВИ – Вопросы истории

ИГЭД – История, география и этнография Дагестана XVII – XIX вв. Архивные материалы. / под. ред. М.О. Косвена, Х.-М. О. Хашаева (М.: 1958)

МИДЧ – Материалы по истории Дагестана и Чечни. (Махачкала, 1940)

Памятники – Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. Архивные материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М. О. Хашаев (М., 1965)

ПСЗ – Полное собрание законов Российской Империи

РДО – Русско-дагестанские отношения. Документы и материалы. (Махачкала, 1958)

РГИА – Российский Государственный исторический архив

РГВИА – Российский Государственный военно-исторический архив

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис)

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)

ЦГАРД – Центральный Государственный архив Республики Дагестан

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Авария – историко-географический регион, охватывает территории исторического проживания аварцев (не путать с древними аварами), ныне входящей в Республики Дагестан, Азербайджан и Грузии.

Агалары – множественное число от слова «ага», что значит «господин». Агаларами в Закавказье назывались лица, которые от имени хана управляли определенными административными единицами и вместо зарплаты получали долю ханских податей с сельских жителей, входивших в его управление. Право занимать должность агалара и получать подати за управление в Закавказье закрепилось за определенными фамилиями и переходило по наследству от отца к сыну.

Адат (*араб.*) – совокупность норм обычного права у мусульманских народов.

Аманат (*араб.*) – заложник, даваемый в обеспечение договора.

Артель – основная форма производственного объединения граждан для ведения коллективного хозяйства на базе обобществления средств производства. Обобщение лиц какой-либо профессии для совместной работы с участием в доходах и общей ответственностью.

Аул (*тюрк.*) – селение у народов Казахстана, Средней Азии и Башкирии. В том же смысле используется и некоторыми народами Кавказа.

Бек – (*тюрк.*) – лицо, принадлежащее к высшему феодальному сословию на Кавказе. В Дагестане беками назывались сыновья ханов или беков от равного брака.

Бекство – удел бека, территория, управляемая беком.

Ватага – артель рыбаков на Волге, Днепре, Яике, Каспийском, Азовском и Черном морях.

Вольное общество – союз нескольких сельских обществ, расположенных

близко друг от друга и управляемых самостоятельно или же под руководством старшины главного селения.

Движение мюридизма – религиозно-политическое движение горцев Кавказа за независимость против российского царизма в 20-50-х гг. XIX в.

Джамаат (*араб.*) – сельская община, сельский сход.

Джарцы – жители Джаро-Белоканского вольного общества.

Диван – (*перс.*), высший совещательный орган, совет при хане, суд.

Имамат – теократическое исламское государство, существовавшее на части территорий горного Дагестана и Чечни в 20-е – 50-е гг. XIX-го века.

Ишкиль – захват имущества должника, его сородича или односельчанина для обеспечения долга.

Кадий (*араб.*) – судья в мусульманских странах. В Дагестане сан служителя религиозного культа ислама в крупных аулах. Также кадии были правителями Табасарани, вольных обществ Акушинского союза.

Казий – см. кадий.

Кумыкия – историко-географический регион, охватывает территории исторического проживания тюркоязычного народа, ныне входящий в Республики Дагестан, Чечня и Северная Осетия.

Магал – квартал, волость или участок. Кайтаг и весь Южный Дагестан делились на магалы. В магалах управляли ханские наибы (управляющие), если же магал считался независимым, то магалом управляли уполномоченные от входивших в магал селений, которые периодически собирались в определенное место, где решали общемагальные дела.

Магальное общество – сельская община того или иного магала. См. магал.

Наиб – (*араб.*) – наместник, помощник начальника.

Наибство – территориально-административная единица, объединявшая в Имамате Шамиля несколько крупных сел. Была сохранена российской администрацией в канун образования Дагестанской области.

Отходник – сельский житель, ушедший на заработки в город или другую отдаленную местность.

Страна гор – Дагестан.

Тухум (*перс.*) – родовая организация дагестанских горцев, группа родственников, патронимия.

Хадж (*араб.*) – паломничество, связанное с посещением Мекки (Мечеть аль-Харам) и ее окрестностей (гора Арафат, долины Муздалифа и Мина) в определенное время. Хадж является пятым столпом ислама после шахады (свидетельство Единобожия), молитвы (намаз), милостыни (закат), и поста (саум).

Хан (*тюрк.*) – высший феодальный титул на Кавказе и Востоке.

Шамхал – титул тарковских феодальных владетелей.

Шариат (*араб.*) – свод мусульманских религиозных, юридических, бытовых правил, основанных на Коране и Сунне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. Ф. 846 – Военно-учетный архив (коллекция)
2. Ф. 1047 – Штаб местных войск Кавказского военного округа
3. Ф. 1327 – Управление военного губернатора Дагестанской области (1911-1917 гг.)
4. Ф. 14719 – Главный штаб Кавказской армии (1806-1877 гг.)

Российский государственный исторический архив (РГИА)

5. Ф. 350 – Планы и чертежи по сооружению железных дорог и искусственных сооружений
6. Ф. 381 – Канцелярия министра земледелия
7. Ф. 391 – Переселенческое управление МВД
8. Ф. 565 – Департамент государственного казначейства МФ
9. Ф. 573 – Департамент окладных сборов МФ
10. Ф. 727 – Нольде Э. Ю., барон
11. Ф. 932 – Дондуков-Корсаков Александр Михайлович, князь
12. Ф. 1263 – Комитет Министров
13. Ф. 1268 – Кавказский Комитет
14. Ф. 1276 – Совет Министров
15. Ф. 1282 – Канцелярия министра внутренних дел
16. Ф. 1284 – Департамент общих дел МВД
17. Ф. 1287 – Хозяйственный департамент МВД
18. Ф. 1288 – Главное управление по делам местного хозяйства МВД
19. Ф. 1289 – Главное управление почт и телеграфов МВД

20. Ф. 1290 – Центральный статистический комитет МВД
21. Ф. 1291 – Земский отдел МВД
22. Ф. 1341 – Первый департамент Сената
23. Ф. 1405 – Министерство юстиции
24. Ф. 1626 – Горемыкин Иван Логгинович
25. Ф. 1652 – Панчулидзеv Сергей Алексеевич

Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД)

26. Ф. 2 – Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура
27. Ф. 3 – Командующий войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае, г. Темир-Хан-Шура
28. Ф. 6 – Дагестанское областное по городским делам присутствие, г. Темир-Хан-Шура
29. Ф. 7 – Редакция газеты «Дагестанские областные ведомости», г. Темир-Хан-Шура
30. Ф. 15 – Дербентское городское полицейское управление Дагестанской области, г. Дербент
31. Ф. 18 – Дербентский комендант (Дербентского военно-окружного начальника), г. Дербент Дербентского уезда
32. Ф. 20 – Дербентский карантинно-таможенный пост Дагестанской области, г. Дербент
33. Ф. 23 – Петровское (упрощенное) городское общественное управление Дагестанской области
34. Ф. 32 – Медицинская часть при канцелярии военного губернатора Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура
35. Ф. 126 – Канцелярия начальника Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура

36. Ф. 148 – Самурский окружной суд Дагестанской области, с. Ахты

II. Опубликованные документы и материалы

Законодательные и нормативно-правовые акты

37. Высочайше утвержденное 16 июня 1870 г. Городовое положение с объяснениями. СПб.: Изд-во деп. МВД, 1873. – 297 с.

38. Высочайше утвержденное 11 июня 1892 г. Городовое положение. – СПб.: Издание книжного магазина юридической литературы Давида Виссарионовича Чичивадзе, 1892. – 60 с.

39. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXXII. Отделение первое. 1857. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1858. – 1066 с.

40. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XII. 1892. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1895. – 1357 с. 37 л. ил.

41. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XV. 1895. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1899. – 1510 с. 39 л. ил.

Делопроизводительные материалы

42. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1866-1904. Т. I-XII.

43. Всеподданнейшие записки Главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1903. – 561 с.

44. Всеподданнейшая записка Командующего войсками Кавказского

военного округа и Войскового Наказного Атамана Кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 год. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. – 74 с.

45. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта Графа Воронцова-Дашкова. – СПб.: Государственная типография, 1907. – 164 с.

46. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской Армией по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1870. – 120 с.

47. Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб.: Государственная типография, 1910. – 60 с.

48. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта Графа Воронцова-Дашкова. – СПб.: Государственная типография, 1913. – 36 с.

49. Дагестанский сборник. Вып. I. – Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1902. – 689 с.

50. Дагестанский сборник. Вып. II. – Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1904. – 521 с.

51. Записка о положении Закаспийской области. – СПб.: Государственная типография, 1887. – 41 с.

52. К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы собранные кн. Г.М. Тумановым. – Тифлис: Гуттенберг, 1905. – 80 с.

53. Обзор Дагестанской области за 1892-1915 гг. Темир-Хан-Шура: 1893-1916.

54. Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией 1857, 1858, 1859. – Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1861. – 403 с.

55. Памятная книжка Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1895. – 268 с.

Статистические материалы

56. Сборник статистических сведений о Кавказе Т. I. – Тифлис: Главное управление наместника кавказского, 1869. – 692 с.

Источники личного происхождения

57. Алиханов, М. В горах Дагестана: путевые впечатления и рассказы горцев / М. Алиханов. – Махачкала: Эпоха, 2005. – 413 с.

58. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Гаджи-Али. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1995. – 194 с.

59. Кузнецов, Н.И. В дебрях Дагестана / Н.И. Кузнецов. – СПб.: Издание императорского географического общества, 1913. – 270 с.

60. Милютин, Д.А. Дневник Т. I / Д.А. Милютин. – М.: Издательство Захарова, 2016. – 1056 с.

61. Мухаммед-Тахир аль Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. I / Мухаммед-Тахир аль Карахи. – Махачкала: Общество книголюбов Дагестана, 1990. – 146 с.

62. Мухаммед-Тахир аль Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. II / Мухаммед-Тахир аль Карахи. – Махачкала: Общество книголюбов Дагестана, 1990. – 126 с.

63. Саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагистани. Краткое изложение подробного описания дел Имама Шамиля / Саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагистани. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – 318 с.

64. Фадеев, Р.А. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей / Р.А. Фадеев. – СПб.: Тип. Безобразова и К., 1865. – 259 с.

Сборники документов

65. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / под. ред. М.О. Косвена и Х-М.О. Хашаева. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – 371 с.

66. Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / под. ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. – Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1940. – 470 с.

67. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. / сост. Х.-М.О. Хашаев. – М.: Наука, 1965. – 280 с.

68. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы / сост. Р.Г. Маршаев. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. – 338 с.

69. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1988 – 357 с.

III. Литература

Монографии и статьи

70. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: судоустройство и судопроизводство в частях Кавказа / под. ред. И.Я. Сандрыгайло. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. – 622 с.

71. Агларов, М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. / М.А. Агларов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – 290 с.

72. Айрапетов, О.Р. История внешней политики Российской Империи. 1801-1914: в 4 тт. / О.Р. Айрапетов. – М.: Кучково поле, 2017-2018.

73. Айрапетов, О.Р., Волхонский, М.А., Муханов, В.М. Дорога на

Гюлистан... Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX века / О.Р. Айрапетов, М.А. Волхонский, В.М. Муханов. – М.: ЗАО Книжный мир, 2014. – 382 с.

74. Алькадари, Гасан-Эфенди. Асари-Дагестан / Гасан-Эфенди Алькадари. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994. – 222 с.

75. Баканов, А.В. Бекизация политической системы Дагестана: история и современность (Часть 1: история) / А.В. Баканов // Клио. – 2024. – №2(206). – С. 80-90.

76. Баканов, А.В. Вехи Кавказской войны: военные события в Дидо 1857-1859 гг. (историко-этнографическое исследование) / А.В. Баканов // Клио. – 2024. – № 5(209). – С. 92-111.

77. Баканов, А.В. К вопросу о территориально-административном устройстве Дагестана в период XVI-XIX вв. / А.В. Баканов // Клио. – 2022. – № 2(182). – С. 82-96.

78. Баканов, А.В., Магомедханов, М.М. Русско-дагестанские правовые отношения в период существования Киевской Руси и Золотой Орды (Часть первая, раздел 1) / А.В. Баканов, М.М. Магомедханов // Клио. – 2020. – № 8(164). – С. 73–83.

79. Баканов, А.В., Магомедханов, М.М. Русско-дагестанские правовые отношения в период существования Киевской Руси и Золотой Орды (Часть первая, раздел 2) / А.В. Баканов, М.М. Магомедханов // Клио. – 2020. – № 9(165). – С. 126–138.

80. Баканов, А.В., Магомедханов, М.М. Русско-дагестанские правовые отношения в период существования Киевской Руси и Золотой Орды (Часть первая, раздел 3) / А.В. Баканов, М.М. Магомедханов // Клио. – 2021. – № 3(171). – С. 86-99.

81. Баканов, А.В., Сидненко, Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 1: причины) /

А.В. Баканов, Т.И. Сидненко // Клио. – 2023. – № 6(198). – С. 134-142.

82. Баканов, А.В., Сидненко, Т.И. К вопросу об интеграции дагестанских периметров в лоно Российской империи (причины и этапы) (Часть 2: этапы) / А.В. Баканов, Т.И. Сидненко // Клио. – 2023. – № 8(200). – С. 82-90.

83. Баканов, А.В. Транс-евразийские транспортные коммуникации как фактор интеграции региона в состав общероссийского пространства / А.В. Баканов // Путь, дорога как историко-психологическое явление: Материалы LIV международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18 декабря 2023 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. – СПб., 2023. – С. 54-58.

84. Баканов, А.В. Транспортные ресурсы западного побережья Каспия как фактор расширения границ России / А.В. Баканов // Граница как историко-психологическое явление: Материалы LV международной научной конференции. Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. – СПб., 2024. – С. 98-101.

85. Бакиханов, Аббас-Кули-Ага. Гюлистан-и Ирам / Аббас-Кули-Ага Бакиханов. – Баку: Элм, 1991. – 304 с.

86. Блиев, М.М. Россия и горцы большого Кавказа на пути к цивилизации / М.М. Блиев. – М.: Мысль, 2004. – 880 с.

87. Блиев, М.М., Дегоев, В.В. Кавказская война / М.М. Блиев, В.В. Дегоев. – М.: Росет, 1994. – 592 с.

88. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – 285 с.

89. Броневский, С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. Часть вторая / С. Броневский. – М.: Типография С. Селивановского, 1823. – 485 с.

90. Бутков, П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Часть I-III / П.Г. Бутков. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1869. – 606 с.

91. Гаджиев, В.Г. Роль России в истории Дагестана / В.Г. Гаджиев. – М.:

Наука, 1965. – 391 с.

92. Гаджиев, В.Г. Союзы сельских общин Дагестана / В.Г. Гаджиев // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Сборник статей. – Махачкала: 1981. – 166 с.

93. Гаджиева, С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование / С.Ш. Гаджиева. – М.: Издательство АН СССР, 1961. – 385 с.

94. Гармиза, В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. / В.В. Гармиза. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 218 с.

95. Георгиев, В.А., Кипянина, Н.С., Панченкова, М.Т., Шеремет, В.И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / В.А. Георгиев, Н.С. Кипянина, М.Т. Панченкова, В.И. Шеремет. – М.: Наука, 1978. – 435 с.

96. Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России / Г.А. Герасименко. – М.: Наука, 1990. – 264 с.

97. Гершельман, Ф. К. Причины неурядиц на Кавказе / Ф.К. Гершельман. – СПб.: В. Березовский, 1908. – 72 с.

98. Губаханова, Р.А. К вопросу об организации управления Дагестаном во второй половине XIX века / Р.А. Губаханова // Из истории дореволюционного Дагестана. Сборник статей. – Махачкала: ДФ АН СССР, 1976. – С. 103-126.

99. Губаханова, Р.А. Политика России в Дагестане во второй половине XIX века (историография вопроса) / Р.А. Губаханова // Историография истории Дагестана досоветского периода. Сборник статей. – Махачкала: ДФ АН СССР, 1986. – С. 9-17.

100. Губаханова, Р.А. Государственные учреждения в Дагестане в пореформенный период / Р.А. Губаханова // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Сборник статей. – Махачкала: ДФ АН СССР, 1989. – С. 140-145.

101. Далгат, Э.М. Учреждения местного управления Дагестана в конце

XIX – начале XX веков / Э.М. Далгат // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Сборник статей. – Махачкала: ДФ АН СССР, 1989. – С. 154-163.

102. Дегоев, В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность / В.В. Дегоев. – М.: Русская панорама, 2001. – 448 с.

103. Дегоев, В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. / В.В. Дегоев. – Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. Гос. ун-та, 1992. – 311 с.

104. Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I-VI / Н.Ф. Дубровин. – СПб.: Тип., деп. уделов, 1871-1888.

105. Егорова, В.П. К вопросу о сельском управлении в Дагестане после присоединения к России / В.П. Егорова // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. I. – Махачкала: 1970. – С. 104-109.

106. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. – М.: Высшая школа, 1968. – 368 с.

107. Зайончковский, П.А. Российское самодержавие в конце XIX в. / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1970. – 444 с.

108. Искендеров, А.А. Закат Империи / А.А. Искендеров. – М.: Вопросы истории, 2001. – 655 с.

109. Исламмагомедов, А. Аварцы / А. Исламмагомедов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2002. – 431 с.

110. История Дагестана. Том I. – М.: Наука, 1967. – 422 с.

111. История Дагестана Т. II. – М.: Наука, 1968. – 369 с.

112. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / под. ред. А.Л. Нарочницкого. – М.: Наука, 1988. – 554 с.

113. История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. / под. ред. А.Л. Нарочницкого. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

114. Киняпина, Н.С., Блиев, М.М., Дегоев, В.В. Кавказ и Средняя Азия во

внешней политике России: вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. / Н.С. Киняпина, М.М. Блиев, В.В. Дегоев. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 328 с.

115. Каймаразов, Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения к России до наших дней / Г.Ш. Каймаразов. – М.: Наука, 1971. – 475 с.

116. Каймаразов, Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане / Г.Ш. Каймаразов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. – 160 с.

117. Карпов, Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор / Ю.Ю. Карпов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 691 с.

118. Киняпина, Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. / Н.С. Киняпина. – М.: Наука, 1963. – 342 с.

119. Киняпина, Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX в. / Н.С. Киняпина. – М.: Высшая школа, 1974. – 280 с.

120. Киняпина, Н.С. Управление Кавказом и Средней Азией в XIX веке / Н.С. Киняпина // Вопросы истории. – 1983. – № 2. – С. 35-47.

121. Ковалевский, М.М. Закон и обычай на Кавказе / М.М. Ковалевский. – М.: Кучково поле, 2012. – 432 с.

122. Козубский, Е.И. История города Дербента / Е.И. Козубский. – Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1906. – 468 с.

123. Козубский, Е.И. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры / Е.И. Козубский // СМОМПК. Вып. XII. – Тифлис: 1894. – С. 1-77.

124. Комаров, А.В. Адаты и судопроизводство по ним / А.В. Комаров // ССКГ. Вып. I. – Тифлис: 1868. – С. 1-88.

125. Комаров, А.В. Народонаселение Дагестанской области с этнографической картой / А.В. Комаров. – Тифлис: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1869. – 49 с.

126. Леонтович, Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. I. / Ф.И. Леонтович. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. – 437 с.

127. Леонтович, Ф.И. Адамы кавказских горцев. Вып. II. / Ф.И. Леонтович. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1883. – 396 с.

128. Линден, В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Исторический очерк / В. Линден. – Тифлис: Издание канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1917. – 202 с.

129. Любавский, М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / М.К. Любавский. – М.: Издательство Московского университета, 1996. – 682 с.

130. Магомедханов, М.М. Дагестанцы: Вехи этно-социальной истории XIX–XX вв. / М.М. Магомедханов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 253 с.

131. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Гарунова, С.М. К предыстории Российского управления Северо-Восточным Кавказом / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, С.М. Гарунова // Клио. – 2018. – № 12(144). – С. 80–86.

132. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Гарунова, С.М. К истории Российского управления Северо-Восточным Кавказом / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, С.М. Гарунова // Клио. – 2019. – № 6(150). – С. 65–75.

133. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Гарунова, С.М. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Киевской Руси и Золотой Орды / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, С.М. Гарунова // Клио. – 2019. – № 12(156). – С. 122–132.

134. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Гарунова, С.М., Эмирова, М.Н. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства Московского (часть первая) / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, С.М. Гарунова, М.Н. Эмирова // Клио. – 2020. – № 1(157). – С. 74–87.

135. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Гарунова, С.М. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства

Московского (часть вторая, раздел 1) / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, С.М. Гарунова // Клио. – 2020. – № 2(158). – С. 61–71.

136. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Гарунова, С.М. Русско-дагестанские торгово-экономические связи в период существования Царства Московского (часть вторая, раздел 2) / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, С.М. Гарунова // Клио. – 2020. – № 4(160). – С. 56–71.

137. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Гарунова, С.М. Изменения в социальных отношениях в период военно-народного управления Дагестанской областью Российской империи / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, С.М. Гарунова // Клио. – 2019. – № 7(151). – С. 91-98.

138. Магомедханов, М.М., Гарунова, С.М., Баканов, А.В. Религиозно-правовые аспекты управления Дагестанской областью Российской империи / М.М. Магомедханов, С.М. Гарунова, А.В. Баканов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2018. – Т. 12. № 4. – С. 5-10.

139. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Магдилов, М.М. Некоторые аспекты предыстории российского управления Северо-Восточным Кавказом / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, М.М. Магдилов // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей IX-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. – Вып. IX. – Назрань, 2021. – С. 108-118.

140. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В. Кавказ в языковой политике России: этно-социальный и правовые аспекты / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей VIII-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. – Вып. VIII. – Назрань, 2020. – С. 98-105.

141. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В. К изучению истории реисламизации общественного сознания в Дагестане / М.М. Магомедханов, А.В.

Баканов // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. статей VII-ой межд. конф. / отв. ред. проф. Сампиев И.М. – Вып. VII. – Назрань, 2019. – С. 174-180.

142. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Гарунова С.М. К предыстории российского управления Северо-Восточным/ М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, С.М. Гарунова // 2nd International forum of the Caucasus studies scholars. – Ваку, 2020. – С. 138-146.

143. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В. Этно-социальные аспекты интеграции Дагестана в государственную систему Российской Империи / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов // XIII конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / отв. ред. М.Ю. Мартынова – Москва; Казань, 2019. – С. 421.

144. Magomedkhanov, M., Bakanov, A. Caucasus and Central Asia in the Geopolitics of the Russian Empire in the Period of the XVIII – the First Half of the XIX Centuries / M. Magomedkhanov, A. Bakanov // Proceedings of V international congress of caucasologists. – Tbilisi, 2019. – PP. 369-370.

145. Магомедханов, М.М., Баканов, А.В., Гарунова, С.М. Дагестан в контексте истории мирохозяйственных коммуникаций / М.М. Магомедханов, А.В. Баканов, С.М. Гарунова // XIV конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / отв. ред. И.В. Нам. – Москва; Томск, 2021. – С. 402.

146. Мискроков, З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе / З.Х. Мискроков. – М.: МГУ, 2002. – 256 с.

147. Нардова, В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. / В.А. Нардова. – Л.: Наука, 1984. – 260 с.

148. Нардова, В.А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX в. / В.А. Нардова. – М.: Лики России, 2014. – 576 с.

149. Нурмагомед Эмиров: личность и эпоха. К 100-летию со дня рождения / сост. Ю.Н. Эмиров, М.Н. Эмирова. – М.: Изд-во Собрание, 2010. – 128 с.

150. Османов, М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана с древнейших времен до начала XX века. / М.О. Османов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1996. – 315.
151. Петрушевский, П.П. Джаро-Белооканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением / П.П. Петрушевский. – Тифлис: Заря Востока, 1934. – 159 с.
152. Покровский, Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Н.И. Покровский. – М.: РОССПЭН, 2000. – 511 с.
153. Предельский, А.Г. Укрепление Хунзах и Аварский округ, Дагестанской области. Санитарно-географический очерк / А.Г. Предельский. – СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1903. – 30 с.
154. Потто, В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе Т. I-IV / В.А. Потто. – Тифлис: Тип. И.Я. Либермана, 1901-1908.
155. Северный Кавказ в составе Российской империи / под. ред. В.О. Бобровникова и И.Л. Бабич. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.
156. Смирнов, Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках / Н.А. Смирнов. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 242 с.
157. Тарле, Е.В. Крымская война. Т. I / Е.В. Тарле. – М.: Эксмо, 2003. – 560 с.
158. Тарле, Е.В. Сочинения в двенадцати томах. Т. XI / Е.В. Тарле. – М.: Издательство АН СССР, 1961. – 882 с.
159. Умаханов, М.-С.К. Дагестан во второй половине XVIII – нач. XIX веков: проблемы политического положения, социально-экономического и государственного устройства / М.-С.К. Умаханов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. – 299 с.
160. Фадеев, Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны / Р.А. Фадеев. – Тифлис: Военно-походная тип. главного штаба кавказской армии, 1860. – 159 с.
161. Фадеев, Р.А. Собрание сочинений. Т. I / Р.А. Фадеев. – СПб.: Тип.

В.В. Комаров, 1889. – 639 с.

162. Хашаев, Х.-М.О. Занятия населения Дагестана в XIX в. / Х.-М.О. Хашаев. – Махачкала: ДФ АН СССР, 1959. – 116 с.

163. Хашаев, Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. / Х.-М.О. Хашаев. – М.: АН СССР, 1961. – 260 с.

164. Шихалиев, Ш.Ш., Магомедханов, М.М., Баканов, А.В. К изучению имперского опыта управления религиозными процессами в мусульманских регионах Северного Кавказа (конец XIX – начало XX вв.) / Ш.Ш. Шихалиев, М.М. Магомедханов, А.В. Баканов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2018. – Т. 12. № 4. – С. 10-15.

165. Эсадзе, С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I-II / С.С. Эсадзе. – Тифлис: типография Гуттенберг, 1907.

166. Эсадзе, С.С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе / С.С. Эсадзе. – Тифлис: Тип. канцелярии наместника е.и.в. на Кавказе, 1913 г. – 71 с.

Монографии, переведенные с иностранного языка

167. Баддели, Джон. Завоевание Кавказа русскими, 1720-1860. – М.: Центрполиграф, 2010. – 351 с.

Диссертации и авторефераты

168. Арсанкулаева, М.С. Государственно-правовая политика Российской Империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): автореферат дисс. ... док. юр. наук / Арсанкулиева Малика Султановна; М., 2010. – 51 с.

169. Геворкян, Д.П. Создание и деятельность Российской администрации в Дагестане (1860-1917): дисс. ... канд. ист. наук / Геворкян Дмитрий Павлович; Махачкала, 1999. – 187 с.

170. Кондрашова, А.С. Кавказское наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (2-я половина 40-х гг. XIX – начало XX вв.): автореферат дисс. ... канд. ист. наук / Кондрашова Алла Станиславовна; Ставрополь, 2003. – 25 с.

171. Мачукаева, Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук / Мачукаева Лиза Ширваниевна; М., 2004. – 30 с.

172. Новиков, Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук / Новиков Евгений Викторович; Воронеж, 2006. – 30 с.

173. Омаров, А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века.: дисс. ... док. ист. наук / Омаров Абдулкадыр Исаевич; Махачкала, 2004. – 402 с.

174. Салихова, Л.Б. Городское самоуправление в Дагестане во второй половине XIX – начале XX века.: дисс. ... канд. ист. наук / Салихова Лейла Багаутдиновна; Владикавказ, 2013. – 212 с.

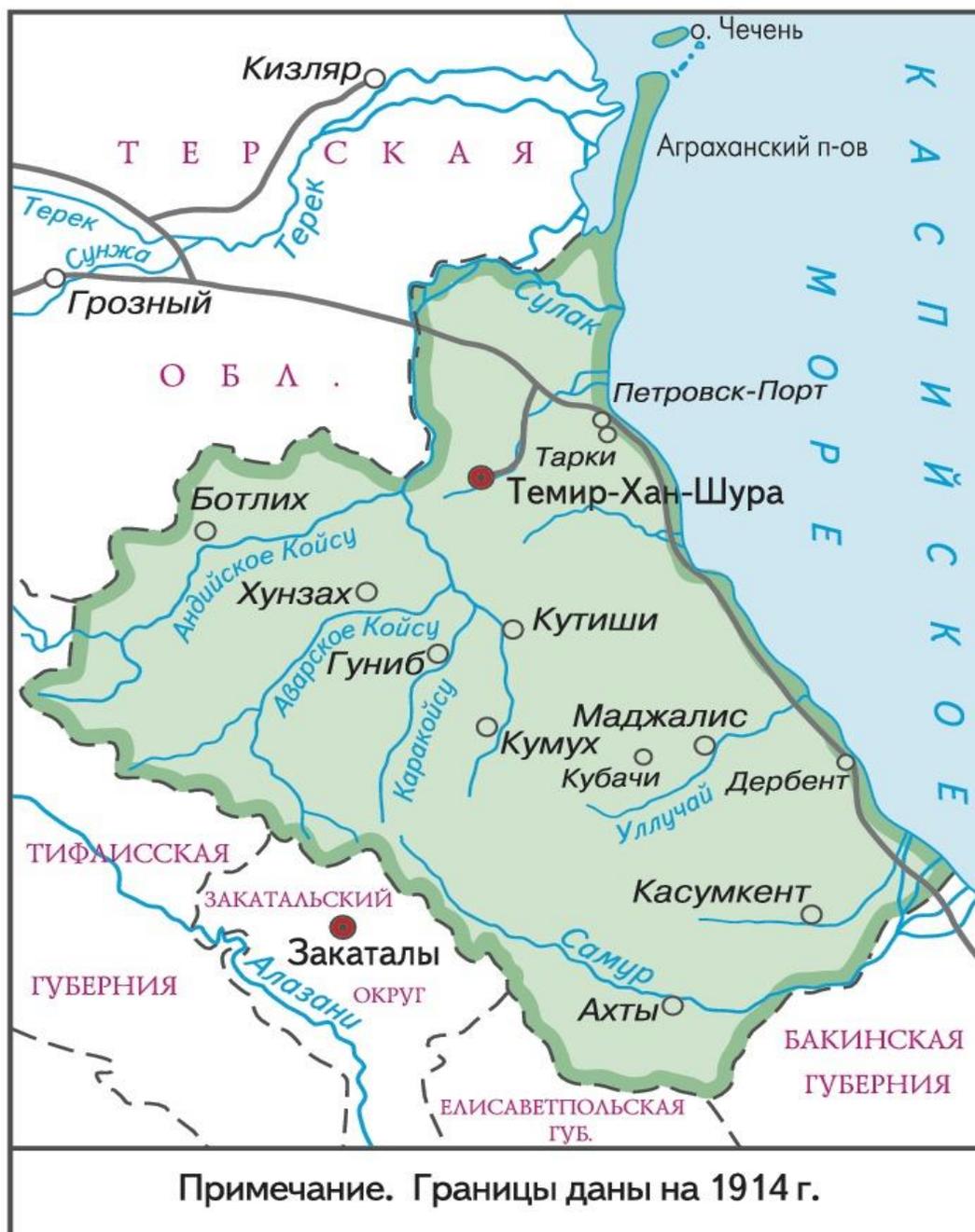
175. Сулейманов, Б.Б. Административно-политическое управление Дагестана во второй половине XIX века.: дисс. ... канд. ист. наук / Сулейманов Бигрузи Бухаринович; Махачкала, 1998. – 189 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Дагестанская область 1914 г.¹

ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

¹ Али Албанви О планах создания Южно-Дагестанской области в 1845 году. 31 марта 2021. URL: <https://dzen.ru/a/YGN16Qv-izEzho0I>

Административная карта Кавказа 1903-1914 гг.¹

¹ Касаткин Олег Николаевич Таймлайн 1891г 01.12.2017 URL: http://samlib.ru/k/kasatkin_o_n/mig-1891.shtml

Схема А.

Военно-народное управление Дагестанской области 1868-1883 гг.

Схема Б.

Военно-народное управление Дагестанской области 1883-1917 гг.

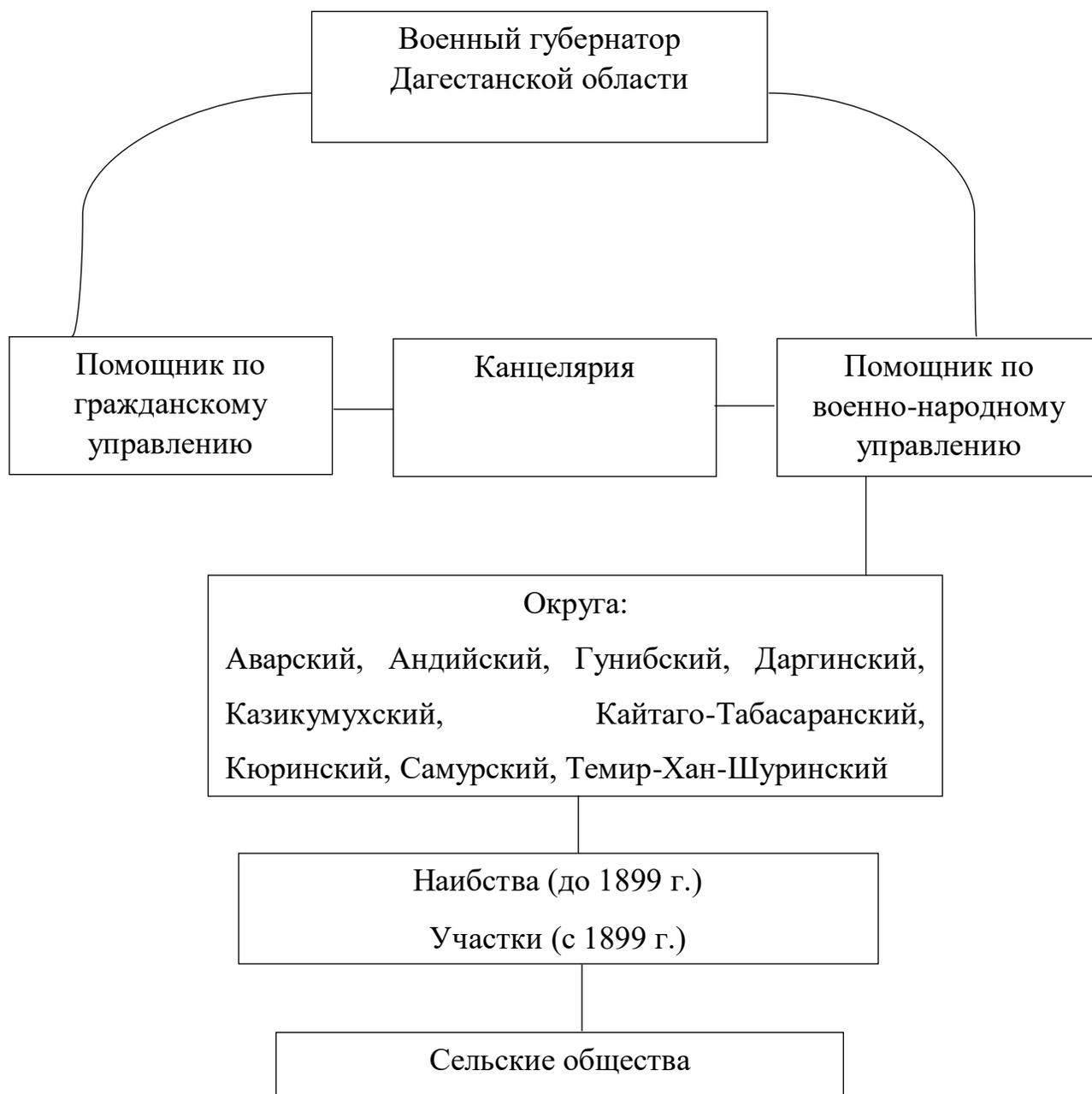

Схема В.

Гражданское управление Дагестанской области 1868-1883 гг.

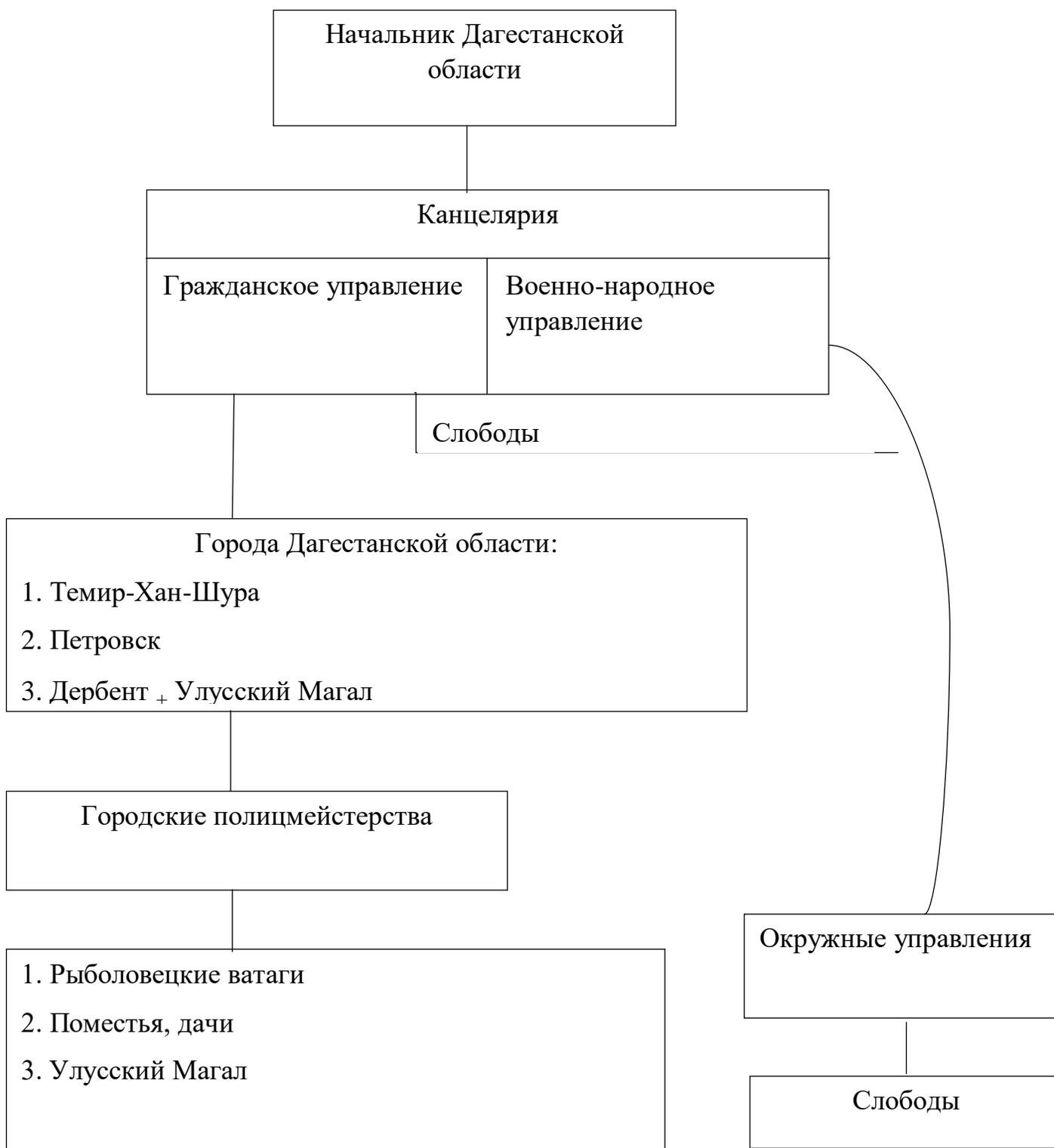

Схема Г.

Гражданское управление Дагестанской области 1883-1917 гг.

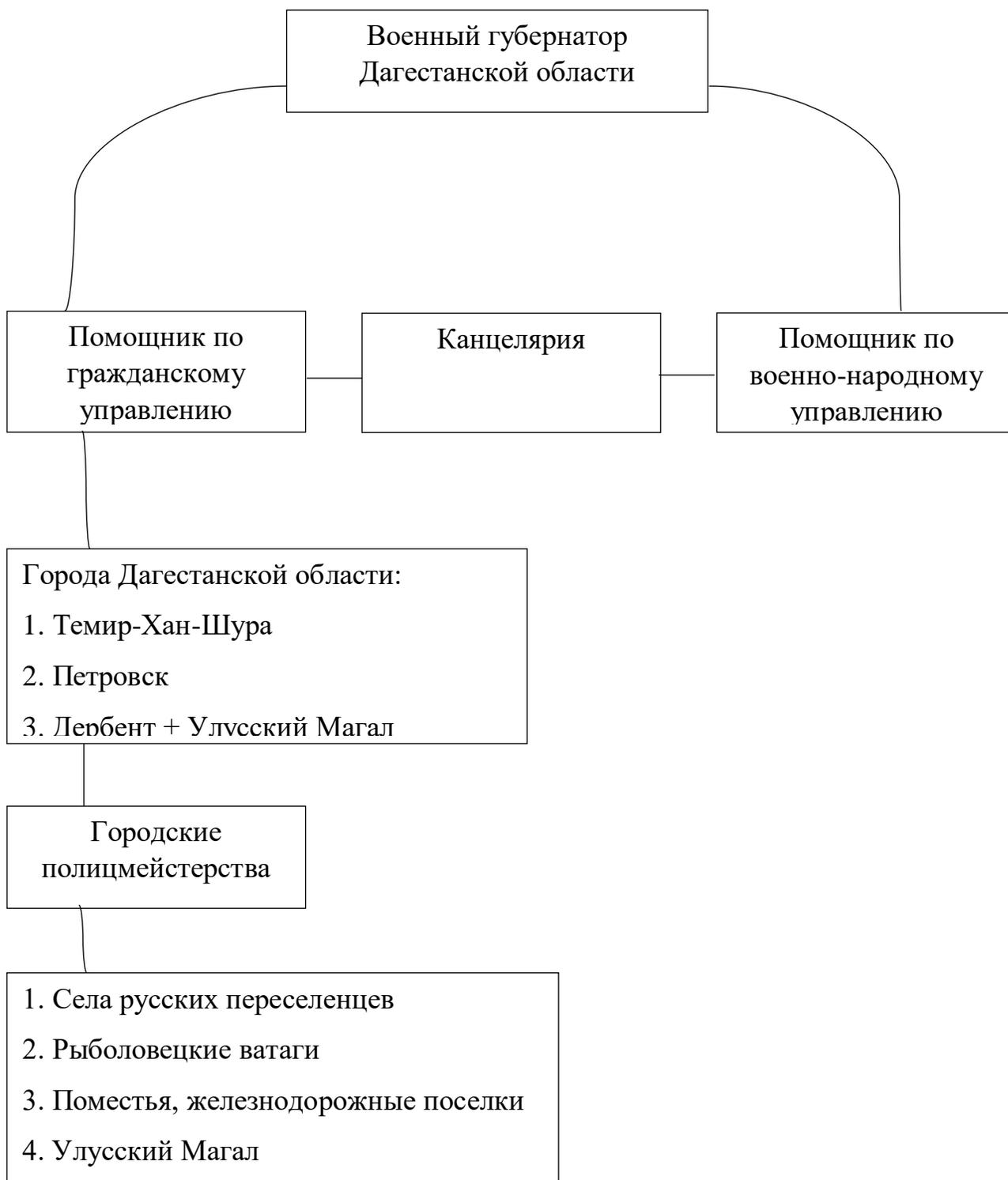

Таблица А. Отхожие промыслы¹

Год	Количество человек
1895	44849 м.
1896	41556 м.
1897	54993 м.
1901	76336 м.
1902	75114 м.
1903	63612 м.
1904	74282 м.
1905	81801 м.
1906	79652 м.
1907	84128 м.
1909	84325 м.
1910	76213 м.
1911	77762 м.
1915	80183 м.

¹ Обзоры Дагестанской области за 1895-1897 гг.; 1901-1907 гг.; 1909-1911 гг.; 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1896-1898; 1902-1908; 1910-1912; 1916.

Таблица Б. Рыболовецкие ватаги 1903 г.¹

Кайтаго-Табасаранский округ	
Инчинская	0 душ обоого пола
Булагская	140 душ обоого пола
Утемышская	160 душ обоого пола
Мурагелинская	95 душ обоого пола
Бульниновская	120 душ обоого пола
Горбуновская	55 душ обоого пола
Григорьевская	105 душ обоого пола
Каякентская	195 душ обоого пола
Горячеводская	575 душ обоого пола
Верхнее-Большая Бугаская	404 душ обоого пола
Уллу-Неутская	235 душ обоого пола
Габиркейская	403 душ обоого пола
Северо-Мало-Буганская	350 душ обоого пола
Южно-Мало-Буганская	210 душ обоого пола
Верхнее-Кара- Ингарская	185 душ обоого пола
Южно-Кара-Ингарская	215 душ обоого пола
Урта-Салинская	375 душ обоого пола

Кюринский округ	
№ 1.	180 душ обоого пола
№ 2.	47 душ обоого пола
№ 3.	195 душ обоого пола
№ 4.	200 душ обоого пола
№ 5.	44 душ обоого пола
№ 6.	190 душ обоого пола
№ 7.	192 душ обоого пола
№ 8.	196 душ обоого пола
№ 9.	195 душ обоого пола
№ 10.	177 душ обоого пола
№ 11.	43 душ обоого пола
№ 12.	115 душ обоого пола
№ 13.	168 душ обоого пола

¹ Обзор Дагестанской области за 1903 г. Темир-Хан-Шура, С. 75-77.

**Таблица В. Численный состав поселений русских арендаторов и
колонистов¹**

1903 г.	Слобода Чир-юрт	1571 душ обоего пола
	Слобода Ишкарты с хутором Чапчак	340 душ обоего пола
	Озень № 3	687 душ обоего пола
	Озень № 6	241 душ обоего пола
	Хутор Темиргое	30 душ обоего пола
	Нечаева	240 душ обоего пола
	Шушановка	330 душ обоего пола
	Казаева	79 душ обоего пола
	Еремеевка	107 душ обоего пола
1911 г.	Новопокровка (Темиргой)	60 душ обоего пола
	Алексеевка (Ишкарты)	310 душ обоего пола
	Ново-Александровка (Чир-юрт)	859 душ обоего пола
	Царедаровка (Озень № 1)	1377 душ обоего пола
	Преображенское (Озень № 6)	405 душ обоего пола
1916 г.	Ново-Александровка	294 душ обоего пола
	Новопокровка	29 душ обоего пола
	Царедаровка	477 душ обоего пола
	Преображенский	131 душ обоего пола
	Алексеевский	157 душ обоего пола
	Солдатовский	0 душ обоего пола

¹ Обзор Дагестанской области за 1903 г. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 17-18; Обзор Дагестанской области за 1910 г. Темир-Хан-Шура, 1911. С. 8; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 694. Л. 1-3.

Таблица Г. Число преступлений¹

Год	Гражданское ведомство	Военно-народное ведомство
1894	1085	1903
1897	1263	1720
1902	2023	2266
1904	2449	2343
1906	2041	3201
1907	2044	2337
1909	2927	2545
1911	2810	2226
1914	2399	2116

¹ Обзоры Дагестанской области за 1894 г.; 1897 г.; 1902 г.; 1904 г.; 1906-1907 гг.; 1909 г.; 1911 г.; 1914 г. Темир-Хан-Шура, 1895; 1898; 1903; 1905; 1907-1908; 1910; 1912; 1915.

Таблица Д. Сравнительные показатели преступности по Дагестанской области, Бакинской и Елисаветопольской губернии за 1892 г.¹

	Численность населения	Всего преступлений	Грабежей и разбоев	Убийств и покушение на убийство	Истребление чужого имущества поджогом и другим образом	Других родов менее важных преступлений
Дагестанская область	568423	1388	1	159	8	1220
Бакинская губерния	768536	2541	341	386	264	1550
Елисаветопольская губерния	793969	2887	535	798	439	1115

¹ Журнал Министерства юстиции. СПб., 1895. С. 95.

Приложение В

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 115. Донесение начальника Кюринского округа об аресте начальника Округа полковника Кононова. Рапорт начальника Темир-Хан-Шуринского городского общественного управления об отпуске Адамову Симону по заготовительной цене одной сажени дров. Прошение управляющего имением «Сулак» об ограждении его от нападения жителей аула Чакт.

Имение «Сулак» 23 апреля 1917 г.

Прошение.

Вблизи заведуемого мной имения татары уводят лошади и рогатый скот; были даже случаи увода русских женщин. Совсем близкое соседнее селение Чант-Аул самовольно пашет землю в одном из имений. В имении, коим я заведу, общество селения Чонт-аул, пока еще ограничиваемое самовольными потравами большими табунами, и затем препятствует поливать хлеб и сенокосы разрывая самовольно наши запруды и пропуская воду на свои участки. Вообще отношение татар¹ настолько изменилось, что приходится беспокоиться не только об интересе имения и государства, но даже не безопасно для служащих. Обязанностью считаю защищать интересы верителей моих и совестью и долгом пред Богом и Родиной защищать семейства служащих во вверенном мне имении, а потому обращаюсь к Вам покорнейше прошу разрешить хотя на время если мне будет крайняя в том нужда – пребывание в имении человек от 10 – 20 солдат, состоящих на службе при слободе в Чир-Юрте. От Чир-Юрта до имения всего 7-8 верст и при надобности я могу солдат на подводах доставить

¹ Татары – имеются в виду дагестанцы.

обратно в самый кратчайший срок. Солдаты продовольствоваться будут на счет имения¹.

ЦГА РД. Ф. р.-1594. Оп. 1. Д. 25. Стенограммы Госсовета Республики Дагестан за 1996 г.

Магомедов М.М. – Председатель Госсовета РД.

Я хочу подчеркнуть: в республике проделана определенная работа. И Комиссией, и Координационным советом Северного региона этим проблемам уделялось внимание. Инициатива обсуждения сегодняшнего вопроса на Госсовете принадлежит председателю Комиссии по вопросам русскоязычного населения.

Мы все хорошо понимаем: в народе как такового «русского вопроса» нет. В Дагестане хорошо знают вклад русских специалистов и знают отношение коренных русских к другим национальностям в республике. Русские, проживающие в Дагестане – это коренные дагестанцы, а те, которые приехали из России – наши родные братья.

Но в то же время мы не можем не видеть, что в последнее время все больше и больше русских выезжает из республики. Главная причина – общая обстановка, нестабильность.

Вторая причина – свертывание таких отраслей народного хозяйства, где были заняты русские люди. Не имея работы, они вынуждены искать другое место жительства.

Третья причина – преступные элементы, оказывая давление на русских людей, вынуждают их выезжать из Дагестана. И с этим мы плохо боремся.

¹ Центральный Государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 3. Д. 115. Л. 4.

Комиссия много сделала в этом отношении, но все-таки больше докладов, заседаний, а конкретно никто не наказан. Были даны серьезные поручения, но они не выполнены. В этой работе многое зависит от глав администраций и начальников управлений внутренних дел, органов Прокуратуры, МВД – это можно искоренить. Но, к сожалению, эта работа не ведется. Создаются условия для деятельности преступных элементов. Это не бескорыстно, имеется заинтересованность, грязная подоплека. Давайте конкретно работать¹.

Всеподданнейшие записки Главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг.

По счастью, в Дагестанской области и до сей поры не введены новые судебные учреждения, с их усовершенствованными европейскими формами судопроизводства, и сложный механизм общегражданского административного управления. Там продолжает действовать система военно-народного управления, о которой я позволю себе сказать несколько подробней в отделе о деятельности центральных учреждений. Только благодаря этому упрощенному административному устройству области, при возможности сильно и быстро проявлять власть, и главным образом благодаря народным судам, решающим дела по установившимся издавна и частью измененным применительно к новым понятиям обычаям, - Дагестан представляет разительный пример спокойствия и порядка и полной беспрекословной покорности требованиям и распоряжениям начальства; население вполне довольно действующей системой; преступления совершаются преимущественно только из кровной мести, еще далеко не утратившей значение для дагестанца; грабежей и разбоев так мало, что в этом отношении Дагестану может позавидовать даже Тифлисская губерния; например, в 1888 году в Дагестане на 600 т. жителей не было совершено ни

¹ ЦГА РД. Ф. р.-1594. Оп. 1. Д. 25. Л. 4-5.

одного разбоя и грабежа, тогда как в Тифлисской губернии, где действуют новые суды и обще гражданские учреждения, на 800 т. жителей было совершено 211 грабежей и разбоев¹.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Указы сената о правах сельских обывателей, циркуляры департамента полиции, Министерства внутренних дел, наместника на Кавказе о финансовых сметах Министерства внутренних дел, по личному составу, о доходах губернских типографий, о назначении пенсий, о кандидатах на должности по тюремному ведомству.

Все вообще начальства и места должны всемерно стараться о замещении подведомственных им должностей достойными и способными, почему при удостоении кого-либо к открывшейся вакансии, если он прежде состоял уже на службе, обязаны не только рассматривать послужной его список, но и стараться удостовериться в поведении его и речении при исправлении прежней должности, дабы тем основательней можно было заключить о способности его к занятию нового места. Несмотря на столь определенное требование закона, мною замечены случаи перемещения на высшие и притом ответственные должности лиц по прежней службе не заслуживающих такого поощрения, причем, с одной стороны, начальство, в ведении которого такие лица назначались, не принимало надлежащих мер к предварительному точному выяснению служебных и нравственных качеств намеченных кандидатов, а с другой стороны – прежнее начальство предположительных к переводу на высшие должности лиц не всегда сообщало вполне точные и верные сведения об их служебных достоинствах и степени подготовки для занятия высших

¹ Всеподданнейшие записки Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг., Тифлис, 1903. С. 18-19.

должностей¹.

**Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем.
Генерал-адъютанта Графа Воронцова-Дашкова.**

Если мы хотим, чтобы коренное кавказское население относилось с уважением к нашему суду, произносящему свои приговоры по правомочию Верховной Власти, мы должны обставить эти суды деятелями, обеспеченными хорошо в материальном отношении и стоящими высоко в нравственном смысле. Посылка на окраину худших элементов, которым нет места в центральной России, должна быть прекращена, так как она ведет лишь к падению значения в глазах окраинного населения государственной власти².

Я уже неоднократно во всеподданнейших донесениях моих Вашему Величеству докладывал о затруднениях, встречаемых мною по подбору лиц администрации и полиции. Скучные оклады содержания совместно с дороговизной кавказской жизни в малокультурных условиях не могут привлекать в край лучших деятелей. Внимание неоднократно уже упомянутого сенатора Кузьминского остановило на себе, между прочим, то обстоятельство, что личный состав полиции комплектуется губернскими властями из одних и тех же лиц, причем признанных непригодными в одном месте, – по заведомой своей порочности, нередко только перемещаются в другие местности. Это явление существует всюду на Кавказе и объясняется трудностью привлечения свежих сил³.

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Л. 2 об.

² Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова., СПб., 1907. С. 135.

³ Там же. С. 153.

Выше я коснулся необеспеченного положения должностных лиц судебного ведомства, но следует иметь в виду, что эти замечания мои еще более касаются службы по большинству административных ведомств. До тех пор, пока служба на окраине не будет оплачиваться лучше, чем во внутренней России, сюда будут попадать только худшие элементы, не могущие рассчитывать на служебное положение в центре Империи. Ныне действующие привилегии службы в отдельных местностях в общем вовсе не соблазнительны, так как в момент назначения, кроме усиленных прогонов и подъемных, лишь обещают разные выгоды за службу более или менее продолжительную, но притом непременно в этих местностях. С течением времени большинство служащих в крае все же стремится перейти на службу во внутренние губернии, отказываясь от привилегий, и остаются в нем лишь такие лица, которым по каким либо особым причинам тяжело терять материальные преимущества службы на окраине¹.

Предельский А.Г. Укрепление Хунзах и Аварский округ, Дагестанской области. Санитарно-географический очерк.

Выше, говоря о заболеваемости в округе, мы упомянули вскользь о неудовлетворительной постановке дела не только помощи, но даже регистрации больных. Согласно существующим штатам, в округе полагается один окружной врач для оказания врачебной помощи населению и для исполнения медико-полицейских и санитарных обязанностей, и в помощь ему два фельдшера. Но что такое один врач на весь округ, да еще при отсутствии каких бы то ни было путей сообщения? Врачу не положено казенной квартиры, – а это слишком существенный вопрос, так как в Хунзахе нет частных квартир; и вполне

¹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова., СПб., 1907. С. 153.

естественно, что врача не было здесь до последнего времени в продолжении почти двух лет, – сюда не соглашались идти даже молодые врачи, – и это не только в Хунзахе, но то же и в соседнем Андийском округе. Областная врачебная администрация очень легко покончила этот вопрос, поручила исполнение обязанностей врача в обоих этих округах врачу Гунибского округа; но мыслимо ли разве, чтобы все больные получали должное пособие, или хотя бы только регистрировались, когда от Гуниба до центров только округов, – Хунзаха – 60 верст и до Ботлиха – 120 верст, а что же там, в аулах, заброшенных среди гор, отрезанных от этих центров бездорожьем? Там люди, вероятно, мрут, как мухи, и нет до них никому никакого дела. Недаром около всех дагестанских аулов такие огромные кладбища! Прежде, насколько мне известно, это дело было организовано несколько лучше, – окружные врачи были военного ведомства, и потому, если должность почему-либо оказывалась вакантной, туда немедленно командировался один из военных врачей, таким образом округ никогда не был без врача; но одного врача на округ мало, и мне кажется существенно необходимым иметь в каждом округе двух врачей, а округ разделить на достаточное число участков, где бы имели пребывание фельдшера; и если бы врачи, как и прежде, были военного ведомства (ведь вся остальная администрация в Дагестанской области – военная), то население было бы постоянно более или менее обеспечено медицинской помощью, а администрация была бы обеспечена присутствием врача для исполнения медико-полицейских обязанностей¹.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 10. Жалобы жителей сел. Али-Султан-Янги-Юрт на незаконные действия старшины селения, приговор этого общества относительно сдачи в аренду участка общественного леса начальнику

¹ Предельский А.Г. Укрепление Хунзах и Аварский округ, Дагестанской области. Санитарно-географический округ. СПб., 1903. С. 27-28.

Темир-Хан-Шуринского округа для охоты и рапорт начальника округа о снятии им в аренду упомянутого участка леса. Жалобы жителей сел. Ашага-Арач на старшину аула.

Его превосходительству Военному Губернатору Дагестанской области от жителей селения Али-Султан-Янги-Юрт.

Прошение.

Мы, общество сел. Али-Султан-Янги-Юрт, доносим Вашему превосходительству о насилиях, причиненных старшиной нашего аула:

1. Без разрешения общества сдал в аренду общественный участок под охоту начальнику Округа за 80 р., которых не внес в казну и неизвестно куда дел.

2. Без всякого разрешения общества пашет общественные земли, за что оштрафован, но не обращает на это внимания.

3. Каждый день таскает лес, который годен на постройку, из охраняемого общественного леса и позволяет это делать своим родственникам.

4. Не интересуется общественными делами и занят совсем другим. Общество сильно беспокоится, чтобы не вышло чего неприятного.

5. Много расходует общественные деньги, не обращая внимания на претензии общества.

6. Берет взятки, не брезгуя даже 10 копейками.

7. Продает лес общественный за 17 рублей, не внося в казну, и расходует сам.

8. Через старшину не назначил порядочный поверенный, а также кади, и нет сейчас их у нас.

9. Мы, общество, находим, что во главе нашем стоит человек без всякого

образования, без понятий, который ведет нас к гибели. Общество из-за этого пришло в упадок, ввиду чего просим Ваше Превосходительство избавить нас от него¹.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 28. Приказы, постановления военного губернатора, протоколы и переписка с полицмейстером города Дербента, заместником Кавказа, управлениями Казимухского, Кайтаго-Табасаранского, Аварского, Самурского по обвинению и наложению административных взысканий на сельских старшин.

Его превосходительству Военному Губернатору Дагестанской области. От общества сел. Ерси, Кайтако-Табасаранского округа.

Прошение.

Нами было подано прошение о незаконных действиях Начальника участка Султанова и просили расследовать его действия, но прошение наше, как объявил нам начальник Участка, оставлено Вашим Превосходительством без последствий. Вследствие этого, вновь подтверждая изложенное в первом прошении, покорнейше просим Ваше Превосходительство командировать одного из чиновников Ваших для производства дознания или поручить Мировому Посреднику расследовать дела и, если изложенное в прошении не подтвердится, т.е. не будет доказано, что он берет взятки, больше часть проживает в Генжухе и другие незаконные поступки, то просим строго наказать нас².

Перевод. Анонимный донос от общества сел. Куна, Кюринского округа.

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 10. Л. 5.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 28. Л. 12.

Честь имеем донести Вашему Сиятельству о следующих незаконных действиях начальника Гунейского участка Агалар Хана Геллинского:

1. Он – Агалар-Хан принял взятку в 200 руб. от жителя селения Кильяр за назначение его судьей.

2. Требовал от Нурмагомеда Рамазан оглы взятку; при этом говоря, что названный Нурмагомед держит краденных буйволов.

3. Требовал ковры у жителя селения Уртасталь Кемкчи Кук оглы, но последний отказался.

4. Все время находится в городе Дербент и совершенно не посещает свою канцелярию.

5. По жалобе Улугагахского общества, Вашим Сиятельством был командирован г. Председатель Дагестанского Народного Суда г. Кривенко; после отъезда последнего г. Геллинский потребовал 100 рублей от этого общества, для чего не знаем.

Незаконные поступки Начальника участка Геллинского хорошо известны бывшему Начальнику Кюринского округа г. Федоренко. Ввиду вышеизложенного просим уволить его и назначить вместо него его письмоводителя. Перевел Переводчик¹.

В канцелярию Военного Губернатора Дагестанской области.

Произведенный мной расследованием по содержанию анонимного доноса на противозаконные действия по службе начальника Гунейского участка, Геллинского, обнаружилось нижеследующее:

1. Допрошенный мной старшина Гильярского сельского общества

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 28. Л. 89.

Абдурахман Махмуд-оглы не только не подтвердил упоминаемую в доносе ссылку на него, как на уплатившего какое-либо вознаграждение за предоставление ему должности старшины, но категорически отрицает допустимость подобного рода сделок начальника участка Геллинского с каким-либо из других должностных лиц вверенного ему участка. Названный старшина состоит на службе около 20 лет с незначительным перерывом, после которого был вновь назначен на занимаемую им должность по представлению предместника моего полковника Федоренко, которому он был известен лично, как неопороченный. Имеет знаки отличия.

2. Старшина по сел. Орта-Стал, Нур-Магомед Рамазан оглы также отрицает какое-либо предложение, или требование со стороны того же начальника Геллинского. Упомянутое в доносе дело по краже буйволов у односельца названного старшины не имеет никакого отношения ни к служебным, ни нравственным качествам Геллинского. Ввиду имевшихся агентурных сведений о том, что в ночь кражи буйволов старшина, возвращаясь в свое селение, мог видеть погонщиков или остановить их издали угрозой оружия, мной лично было предъявлено к нему требование о безусловном розыске воров и скотины, почему в данном случае начальник участка, на вымогательство которого указано в доносе, тем более не имел никакого влияния.

3. Гюнейский участок как центральный в округе, имея непосредственное соседство с Кубинским уездом, имеет население в большей степени беспокойнее других, большее количество происшествий и вообще дел, требующих частых служебных разъездов, независимо от личной воли Начальника участка. Отлучки по ним известны мне лично, а также и выполнение ими требований по службе в своей ставке сел. Касум-Кент. Никаких самовольных отлучек подчиненными мне лицами по гор. Дербенту не допускается, как и мной лично, за исключением весьма редкой,

кратковременной отлучки лишь по делам службы.

4. Никакого отношения к упоминаемому в доносе приезду председателя Дагестанского Народного суда Начальник участка не имел, да и не мог иметь. Спор об оросительной канаве между Уллу-Гатагцами с одной стороны и 4-мя соседними селениями с другой, по рассмотрении окружным судом был передан в апелляционном порядке в Дагестанский Народный суд, состав которого был приглашен тяжущимися на спорное место для личного осмотра канавы. Прибывшие для этой цели Председатель Народного суда с личным составом разрешили спор на месте и объявленное ими постановление было приведено в исполнение местными силами независимо от проявления воли начальника участка, под моим личным надзором и посещением места постройки оросительной канавы. Таким образом, содержание настоящего как и др. ему подобных доносов произведения Кюринцев, составляет ложь и клевету, а в данном случае в своей заключительной части дает довольно ясный намек на источник его происхождения такого домогательства, подтвердив какое возможно было бы по обнаружению личности писца, в чем невозможно было достигнуть успеха т.к. арабский подчёрк в доносе настолько изменен, что окончательный вывод по сличению собранных мной почерков оказался местным ученым невозможным, почему привело к предположению что донос был написан кем-либо вне своего округа, что такое допустимо. Об изложенном сообщаю для доклада Его Сиятельству князю¹.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 8. Д. 25. Телеграммы и д. начальника Кюринского округа Кононова, полковника Киселева и переписка с прокурором Бакинского окружного суда об убийстве начальника Кюринского округа Коркмасова.

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 7. Д. 28. Л. 93 об.

Анонимный донос от общества сел. Курах, Кюринского округа.

Имеем честь донести до сведения вашего сиятельства о незаконных по службе поступках начальника Курахского участка Коркмасова, который вообще всяческими способами берет взятки от жителей. И вот приводим несколько случаев, имевших место и отлично нам известных.

1. Взял от Гаруна Рамазан огла – 50 рублей за что именно в доносе не сказано.

2. Абдулла и Хидербек сыновья Юсупа, обвинявшиеся по делу одного разбойника и поэтому арестованные начальником участка Коркмасовым, были им же освобождены от тюремного наказания, вследствие дачи обвиняемыми Коркмасову взяток – 120 рублей.

3. Шамхал Али, житель сел. Харати, обвинявшийся в краже коровы, выручился, дав Коркмасову – 100 рублей.

4. Жит. сел. Шатали, Агарагим отдал Коркмасову 100 рублей за выручку своего сына, обвинявшегося в убийстве односельца.

5. От жителей: сел. Шато, Рустама Шайда оглы, сел. Сапарчи, Назара Али оглы и Абдулкадира принял взятку в размере по 20-ти рублей с каждого.

6. От жителя сел. Бедуи-Коджа – принял, тоже во взятку 43 руб.; его сын обвинялся в убийстве.

7. За все время пятилетнего управления участком Коркмасов не содержит в Канцелярии специального арабского письмоводителя и обязанности последнего заставляет исполнять совершенно посторонних жителей, а на самом же деле по закону он должен иметь своего специального письмоводителя.

8. Не имеет своей собственной лошади и в потребных случаях, он довольствуется чужими лошадьми принудительным образом.

Подобное же прошение уже было подано Вашему Сиятельству еще в 1914

году, но ответа на таковое со стороны Вашего Сиятельства не последовало. Настоящее прошение мы не подписали, не желая заострить и без того незавидные отношения к нам Коркмасова¹.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Жалобы жителей сельских обществ на решения сельских судов.

Простение общества селения Ахты Самурского округа на имя Военного губернатора Дагестанской области.

Общество селения Ахты жалуется его превосходительству на произвольные действия старшины их Абдулфатаха Раджаб оглы, а именно: 1) берет взятки, 2) не заботится об общественных делах, 3) пьянствует, 4) разрешает не имеющим свидетельства на право ношения оружия иметь берданки и револьверы казенного образца, т.к. получает с каждого ежегодно три рубля, 5) канлам находящимся в Ахтах не препятствует носить оружие, благодаря чему происходят драки и беспокойства и берет с каждого из них по пять рублей ежегодно, 6) находится в дружбе с разбойниками, 7) покровительствует ворами, и начальник округа платит ему ежемесячно по десять рублей, почему старшина работает в интересах Начальника округа и его супруги².

ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Прошения населения Самурского округа и рапорт начальника о деятельности окружного врача Ефимова.

Его сиятельству господину военному губернатору Дагестанской области

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 8. Д. 25. Л. 22.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54. Л. 65.

От имени населений Самурского округа.

Прошение.

Окружной врач Ефимов дурно рекомендует себя, поступая противозаконно. Ухаживает за детьми начальника округа водит их гулять на место «Кунпат». Нуждающиеся в его помощи при приводе к нему не удовлетворяются, благодаря вечному отсутствию его из дома и если даже застанешь его, то он отказывает выдать лекарство нуждающемуся в нем говоря что «идите в Пятигорск где много докторов и лекарств, пошел вон». Совершает нашими женами акт совокупления без боязни и без стеснения. Пользуется, распоряжается богодельными деньгами, вознаграждает этими деньгами только тех, к которым он расположен. Общественный ледник, исправлением которого заботится общество, находится в распоряжении доктора Ефимова, который употребляет лед летнее время на морожку и удовлетворяет только кого он желает. Доктор Ефимов как умеющий надуть начальника округа поступает как угодно, берет взятки. Начальник округа и делопроизводитель оказывают содействие сосланникам (канлиам), сдерживая их при своих домах и тем оказывая им милость избавить их от заслуживающего наказания возложенного вашим сиятельством и тем даете им возможность к кражам и наклеветать начальству. Докладывая о выше изложенном имеем честь покорнейше просить распоряжения вашего сиятельства убрать от нас доктора Ефимова. Таким распоряжением нас бедняков обяжете молиться за вашего сиятельства. Служба доктора продлилась в Самурском округе и что божимся и клянемся в справедливости сего заявления. 15/16 марта 1900 г.

Управление Самурского округа 26 марта 1900 г. Г. Военному Губернатору

Дагестанской области.

Рапорт.

На предписание от 18 сего марта за № 632 с представлением двух анонимных доносов на окружного врача Ефимова данному, что выяснить кто именно автор этих доносов не представляется возможным. Анонимный донос в Самурском округе вообще и в селении Ахты в особенности – явление обыкновенное. Писанием всякого рода анонимных доносов занимается здесь почти всякий умеющий держать в руках перо и это считается среди населения занятием не зазорным, а полезным. Все что написано в доносе – гнусный вымысел. От лица всех моих сослуживцев докладываю, что врач Ефимов пользуется всеобщим нашим расположением и полным уважением как человек безусловно честный и во всех отношениях порядочный. Таким же точно расположением он пользуется и среди населения округа. Как врач он никогда никому из населения не отказывает в своей помощи и делает даже более того, что обязывает его закон и лежащие на нем служебные обязанности. Осенью прошлого года, когда окружная аптека оставалась без лекарств, он в необходимых случаях покупал их на собственные средства и никогда не отказывается посещать трудно больных на дому не только в Ахтах, но по первому призыву едет всюду, куда его ни позовут. Все это делается безвозмездно, хотя он не только не обязан разъезжать по селениям для дарового лечения отдельных больных, но и совсем может уклониться от посещения селений, в которых нет эпидемических заболеваний. Тем более обидно, что и на деятельность такого человека и врача, относящегося к населению внимательно и сердечно, пытаются набросить тень путем грязных анонимных доносов¹.

¹ ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Л. 7.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Прошения жителей области о денежной помощи, об отмене взыскания податей, о разрешении пользоваться водой из канав и др., адресованные военному губернатору Дагестанской области. Жалоба хуторян селения Эрпели на чрезмерные притеснения богачами и купцами.

Мы хуторяне Шавхал-булака, Акай-бюулака, Эки-булака и Чумагуль до настоящего времени переносили и исполняли все требования нашего общества вполне будучи уверенны что все распоряжения исходят от Начальства, но теперь убедились, что весь этот вопиющий произвол производят помимо Начальства сельскими богачами и тузами, которые держат в своих кулаках сельские власти и общество, душат нас бедных несчастных хуторян ради своих выгод. Мы с радостью готовы платить столько, сколько платит каждый из нашего общества, но в двое больше платить мы не сможем. Хотя рядом имеются хутора Костековцев и Чиркеевцев, которые платят также, как и другие представители всего общества.

Военному Губернатору Дагестанской области.

Предоставляя настоящую переписку доношу Его Превосходительству что в результате расследования настоящей жалобы выяснилось следующее: по установленному Эрпелинским обществом порядку, всякий житель, выселившийся из селения на хутора со скотом, должен вносить казенные сборы в двойном размере против того, что следует по раскладке с остальных жителей, живущих в селении. Этот порядок взимания податей распространяется также на тех из жителей, которые, живя в селении, пользуются в районе хуторских земель пастьбой скота, покосом и пахотой. Всех жителей, живущих на хуторах, 165 человек, все они происходят из коренных жителей селения Эрпели и

относятся к беднейшей части. По составленной обществом раскладке, с каждой скотины сельчанин взимает по 23 копейки, с каждой десятины земли по 46 к., а с хуторян все это в двойном размере и, кроме того, по рублю с каждой арбы сена, скошенного хуторянами или сельчанином в районе хуторов. Раскладка эта была произведена выборными представителями от каждой категории населения: богатых, средних и бедных. Заявление хуторян о том, что на хуторских землях пасется общественный скот, который портит их посевы, неправильно, т.к. ввиду отдаленности хуторов общественный скот никогда не пригоняется туда на пастьбу, а для этой цели имеются специальные пастбища. Общественные натуральные повинности отбываются хуторянами наравне с коренными жителями. В составлении приговора об установлении вышеуказанного порядка взимания с хуторян казенных сборов в двойном размере, хуторяне не участвовали, но по большинству вообще голосов членов общества, участвовавших на сходе, приговор этот должен быть признан законным, почему исполнение такового хуторянами обязательно. Докладывая изложенное на распоряжение, с своей стороны полагал бы жалобу хуторян оставить без удовлетворения, т.к. во внутренней раскладке денежных сборов участвовали представители всех слоев сельского населения, хуторяне пользуются общественными угодьями вволю, а также содержат много скота. Порядок взимания с хуторян казенных сборов в двойном размере кроме Эрпели существует также и в селении Н. Каранай. В селении Чир-Юрт существует адат, по которому житель, выселяющийся со скотом на жительство в хутор, платит сверх всяких казенных и мирских сборов по раскладке общества еще 5 рублей¹.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 49.

В некоторых округах до настоящего времени производятся по судебным

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 35-37.

делам взыскания вознаграждения в пользу потерпевшей стороны различного рода имуществом; эти взыскания за последнее время вызывают значительное число недоразумений и при разрешении их суды, не имея в своем распоряжении обоснованных данных, ставятся в затруднительное положение. Указанное взыскание основано на сохранившихся адатах, которые в настоящее время не могут быть допустимы, потому что адаты лишь только перечисляют имущество, ценность же его никакими признаками не определяют. При собирании адатов администрацией, очевидно, сознавалась указанная несообразность, почему и были попытки расценить имущественное взыскание, но это не устранило, однако, главного адатного права взыскивать именно имуществом. Вот почему и являются такого рода примеры, когда потерпевший, отказываясь от денег, берет с ответчика пару быков лучших по выбору в своем селении, стоящих 150-200 рублей (они куплены в Терской области), адатная же разница 16-20 руб. (по прежним местным ценам). Или наоборот, когда ответчик, на основании адата, отдает потерпевшему все то из своего имущества в чем он не нуждается и сбыть которое затруднительно, а иногда и невозможно. Самые предметы взыскания в некоторых случаях утратили свое значение, как, например, для лечения ран: курдючий жир, мед, свежая овчина и т.п., так как и самые способы лечения изменились; при лечении же раненого в больнице, суды затруднены и самим назначением этого рода взысканий. Необходимо сказать, что адаты устанавливались тогда, когда деньги имели очень ограниченное распространение, почему являлась необходимость в определении предметов взыскания. Уже в большинстве случаев установилась замена некоторых имущественных взысканий (а в трех округах всех) денежными, и, признавая эту замену необходимой, я ходатайствую перед Вашим Сиятельством об отмене всех существующих в области адатных взысканий имуществом и о замене их денежными взысканиями, сообразно оценке, которая будет выработана в

каждом округе особо¹.

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 49. Л. 56.